

Владимир Романовский

Добронега

первая книга Русской Тетралогии



Владимир Романовский

Добронега

«Издательские решения»

2015

Романовский В. Д.

Добронегга / В. Д. Романовский — «Издательские решения»,
2015

Первая книга «Русской Тетралогии» повествует о событиях в Сигтуне, Новгороде, Киеве и Константинополе, многие из которых оказались скрытыми от взгляда историков и летописцев.

Содержание

Предисловие автора	6
Действие первое. Аллегро	11
Глава первая. Сага о помолвке	11
Глава Вторая. Содружество неустрашимых	21
Глава третья. Эрик рассказывает байки	31
Глава четвертая. Рагнхильд	38
Глава пятая. Дир	45
Глава шестая. Хелье и Новгород	51
Глава седьмая. Охота на варангов	66
Глава восьмая. Старым известным путем	73
Действие второе. Рондо	79
Глава девятая. Сватовство	79
Глава десятая. Прибытие в Киев	83
Конец ознакомительного фрагмента.	84

Добронега
первая книга Русской Тетралогии
Владимир Дмитриевич Романовский

© Владимир Дмитриевич Романовский, 2015

Создано в интеллектуальной издательской системе Ridero.ru

Предисловие автора в котором объясняется, почему события, описываемые в тетралогии, следует считать подлинными, а людей, участвовавших в этих событиях, реальными

Несколько лет назад, в солнечный апрельский полдень, я сидел на ступеньках Публичной Библиотеки на Пятой Авеню и читал скучно написанную монографию об ацтеках. Я не очень понимаю, зачем некоторым людям необходимо писать скучно, если можно писать весело и увлекательно, о тех же ацтеках, но у всякого свой вкус. Из монографии я рассчитывал извлечь какие-нибудь интересные факты для моей новой пьесы.

В какой-то момент я почувствовал, что кто-то стоит возле и смотрит на меня. Я поднял голову.

Оказалось – да, толстый мужик лет тридцати или чуть старше, в костюме и при глостуке, с толстым старомодным портфелем. Он вежливо ко мне обратился по-русски с легким акцентом:

– Прошу прощения. Вас зовут...

Он назвал мои имя и фамилию.

– Да.

– Вы пишете исторические романы ... по-английски ... под псевдонимом...

Он назвал один из моих псевдонимов. Действительно, я написал к тому моменту два исторических романа, именно под этим псевдонимом. Я кивнул. Тогда он назвал себя. Его собственные имя и фамилия мне ничего не сказали.

– Мы знакомы?

Он отрицательно мотнул головой. И сказал:

– Дело не в этом. Я являюсь потомком Тауберта. По материнской линии.

Я попытался вспомнить, кто такой Тауберт, и не вспомнил. Спросил наугад:

– Оперный певец?

Потомок заверил меня:

– Гораздо хуже. Иван Иванович Тауберт, немец по происхождению, родившийся в России, историк, классификатор, типограф.

– Что-то знакомое.

– Он был некоторое время коллегой, но не другом, Ивана Семёновича Баркова.

– Баркова? Поэта?

– Его самого.

У моего собеседника появилась на лице улыбка, которая всегда появляется у тех, кто знает русский язык, при упоминании имени Баркова. У меня, скорее всего, тоже появилась на лице такая же улыбка. Толстяк продолжил:

– Он был не только поэт, но еще и историк, и типограф, в точности как мой предок.

– И ученик Ломоносова, – добавил я, демонстрируя эрудицию.

– Да. Он был ученик, а мой предок был враг.

– Чей враг?

– Ломоносова. Ломоносов его ненавидел. И даже написал на него что-то вроде доноса.

– Ага. У вас интересное произношение.

– Я родился в Белоруссии неподалеку от польской границы, у нас там все так говорят. И несколько лет прожил в Германии. И сейчас живу в Германии. Преподаю ... в университете ... Позвольте объяснить, что мне от вас нужно.

– Да, пожалуйста.

– Недавно скончалась моя дальняя родственница.

– Примите мои соболезнования.

– Не трудитесь, я даже не знал о ее существовании. Юристы посоветовались и решили, что я – ее наследник. Ближе никого не нашлось. Она жила в захолустье – такая дыра, знаете ли, ужас.

– В России?

– Нет, в Германии ... Так от всего удалено, что никакие войны ее, дыру, не задели. Представляете? И Наполеон ходил с войском, и Коалиция, а в двадцатом веке ... сами знаете ... и все прошли мимо почему-то. И авиация мимо пролетела. А дома добротные, и церковь готическая в прекрасном состоянии. А в домах подвалы. Тоже в хорошем состоянии. Ну, вы знаете, наверное – немцы люди аккуратные. Я получил в наследство этот дом дурацкий, вместе с подвалом. Немецкой крови во мне не очень много, но порой сказывается. Я решил все тщательно изучить, прежде, чем принимать какие-нибудь решения, обследовал дом, и подвал тоже. В подвале я обнаружил сундук. Старинный. То, что было в сундуке, меня поразило.

Он улыбнулся – мне показалось, что чуть застенчиво. Но только показалось – застенчивостью потомок Тауберта не страдал.

– Там оказался архив моего предка, того самого Тауберта. Он был, предок мой, говорят, сволочь страшнейшая. Брал взятки. Не давал хода русским ученым. Подсиживал, не пускал, срывал эксперименты, топил проекты. Собственно поэтому-то Ломоносов и написал на него ... донос ... ну, может, просто жалобу. Донос – противное слово. Но при этом был он, Тауберт, человек очень дотошный. Конспектировал все подряд, записывал ... И в какой-то момент, напару с Барковым, они издали ... книгу...

Я что-то вспомнил. И поднялся на ноги.

– Позвольте...

– «Повесть временных лет», Кеннигсбергский Список. Или Радзивилловский, как вам будет угодно.

Я кивнул. Толстяк продолжал:

– Часть своего архива Тауберт переправил в Германию, где он к тому времени купил себе дом – тот самый, который сейчас принадлежит мне. Надо бы продать. Дыра ... Скупердяй он был, предок мой. Мог бы и в приличном месте купить ... В сундуке я обнаружил...

– Оригинал Кеннигсбергского Списка?

– Да, но и еще кое-что. Много. Хотите посмотреть?

– Хочу.

Толстяк раскрыл поставил свой портфель на ступеньку, открыл, и извлек из него пачку распечатанных фотографий. И протянул ее мне. Я поразглядывал – и ничего не понял. Спросил:

– Что это?

– Кириллица.

– Вижу, что кириллица. Но явно не Кеннигсбергский Список.

– Присмотритесь.

– Это негативы?

– Нет. Это береста. И, вот, взгляните – хартия ... пергамент.

– Э...

– Не пугайтесь, пергаментный лист всего один. И бересты тоже не очень много. Зато много бумаги. Дотошный мой предок все это разбирал, сортировал, и переписывал. Некоторые части переводил на немецкий, переписывая, иные – на русский того времени. Вот титульный лист.

Я взял у него распечатанное фото. Посмотрел.

– Я не понимаю по-немецки.

– Не вопрос, я все давно перевел ... Видите – имя в нижней части?

В нижней части было написано – Negle ... неразборчиво ... Jagare ... Smolensk und Sigtuna ... и еще что-то. Я вопросительно посмотрел на собеседника. Тот улыбнулся.

– Вам это имя ничего не говорит, разумеется. Какой-то отпрыск рода Ягаре, уроженец Сигтуны, со смоленскими примесями...

– Сигтуна – это тогдашняя столица Швеции? – снова похвастался я эрудицией.

Толстяк посмотрел на меня неодобрительно. И сказал веско:

– Я историк. Специалист по средневековой Руси. Это – воспоминания, или мемуары, как хотите, очевидца событий того времени. Огромного количества событий. Я изучил их, мемуары, я знаю их почти наизусть. Они подлинные. За это я вам ручаюсь. Но никто их таковыми признавать не собирается. За это я вам тоже ручаюсь.

– Почему?

– Потому что они опровергают сегодняшнюю парадигму. Потому, что если их признать подлинными, историкам нужно будет признать ошибки и пересмотреть очень, очень многое. Слишком многое. Никто на это не пойдет. Сегодня, во всяком случае. Уж вы мне поверьте. Но в них – настоящая, всамделишная Русь того времени, и всамделишные русские люди. Настоящие. Живые. Вы себе представить не можете ... да ... и написано все это вовсе не сигтунцем из рода Ягаре.

– Из чего вы это заключили?

– Сигтунец сносно владел тогдашним славянским наречием, а вот склонности к письму у него не было никакой. И к чтению тоже. А написано все это явно человеком просвещенным. И я знаю, как его звали. Хотите скажу?

– Скажите.

– Звали его Нестор.

– Стоп, стоп. Какой Нестор? Тот самый Нестор? Монах? Автор...

– Да, автор галиматъи, к изданию которой приложил руку мой предок – тоже. Но галиматъю он писал ради денег, или почестей, заказ выполнял. Монахом он скорее всего не был. Изображал монаха – может быть. А это всё, – он потрянул пачкой распечаток, – в отличие от заказа, написано честно, вменяемым языком, с массой подробностей из жизни, с подлинными разговорами ... словом, это как раз и есть история. Вы себе не представляете! ... Там, к примеру, объясняется, кто на самом деле был Илья Муромец. И на былинного деревенщину он совершенно не похож, уверяю вас. И сестра Ярослава там ... эка баба неумная ... Ну, много там всего – заговоры, интриги, похищения, подкупы ... чего там только нет. И я даю все это вам.

Он снова залез в свой портфель и выволок оттуда толстенную папку.

– Мне?

– Вам.

– Э...

– Нет, я не стану присылать вам все это на мыло. Не хочу. И вам не рекомендую загружать подлинник в интернет. Оно так надежнее. А даю я все это вам для того, чтобы вы все это переписали, ничего не упуская, в форме романа.

– Позвольте...

– Да, вы правы, в один роман тут не уложиться, нужно писать три или четыре. Пусть будет – ну, скажем, тетралогия. «Русская Тетралогия». Звучит? Писать это нужно по-русски. Потом переведем, ежели нужно.

– Знаете, я...

– Ну?

– Я пишу в основном по-английски.

– Я знаю.

– По-русски – только стихи, и несколько статей написал. И путеводителей несколько. Про Париж, про оперу...

– Что мне ваш Париж. Тут целая эпоха, и все подлинное.

– Да, но...

– А вы возьмите и попробуйте.

– Хорошо. Ответьте на вопрос.

– Попробуйте, попробуйте.

– На вопрос ответьте!

– Ну?

– Почему я? В России чего, романистов не стало?

– Я читал ваши американские исторические романы.

– Польщен, но при чем тут...

– Это как раз то, что нужно. У вас своеобразный, но очень легкий, очень жизненный стиль, и юмор – именно такой, какой нужен в данном случае. Монографии читают единицы. Романы читают миллионы.

– Краснею, но все-таки...

– Хорошо, объясню.

Потомок Тауберта поморщился. И сказал так:

– В России до сих пор никто не удосужился написать нормальный исторический роман. Ни разу. За всю историю русской литературы. Попыток было много, но почему-то даже самые лучшие романисты – и в прошлом, и сегодня – романисты, чувствующие людей, все видящие насквозь – вдруг меняются, когда дело касается истории. И пишут какую-то чепуху, какие-то лозунги, идеологию примешивают ко всему. У них утром женщина из мелкопоместных дворян, стоя в нижнем белье перед зеркалом, думает о государственной необходимости и коварстве поляков. И стиль делают такой, что читать и трудно, и противно. Я не знаю, почему так происходит. Пишут, пишут – и пишут хорошо, но как только доходит до истории – хоть плачь! А ваш стиль тут как раз бы подошел. Это будет первый нормальный, правильный, достойный русский исторический роман. Вернее, целых четыре романа. А вы будете первооткрыватель. Как вам?

– Не знаю.

– Вот моя визитная карточка. Ознакомьтесь с рукописью. Через неделю, или раньше, позвоните мне.

– А как же...

– О публикации поговорим. И о гонорах. Гарантировать ничего не могу, но посодействую, как умею. Имейте в виду, это долгосрочный проект, а не однодневная сенсация. Долго будет набирать обороты. Но перспективы есть, и они весьма интересные. Все-таки – первый русский исторический роман, не поделка какая-нибудь, не лубок, не фэнтези. А настоящий роман. Вернее, четыре романа. Только прошу вас ничего не переделывать, пусть события остаются такими, какие они в рукописи. Додумывать можете, а переделывать не надо. Подумайте. Всего доброго. Позвоните мне.

Он подхватил свой портфель и пошел ловить такси. А я остался стоять с папкой в руках, и весила эта папка тонну.

Я решил, что от меня не убудет. Подобрал монографию про ацтеков со ступеньки, пихнул ее в рюкзак, а папку понес в руках – в рюкзак она не помещалась.

Я читал рукопись несколько дней. Делал записи, сверялся со справочниками, штудировал попутно писания дотошных немцев того времени или около – путевые заметки, хроники – и находил массу подтверждений тому, что и события, и люди, описанные в рукописи – подлинные. Negle ... из рода Jagare ... в начале рукописи наивный шведский сопляк, прибывший на Русь в поисках неизвестно чего, и сразу попавший в такой водоворот событий, что никакие интриги французских, английских и немецких дворов не шли в сравнение ... а потом

он повзрослел, и начал даже некоторые из этих событий направлять ... Сестра Ярослава мне понравилась сразу – не потому, что она была хороша собой и чиста душой, скорее наоборот, а потому, что во мне заговорил романист, оценивший огромные возможности персонажа. «Додумывать можете, а перedefльвать не надо». Да не шибко то и хотелось мне что-то перedefльвать – настолько захватывающим оказалось повествование.

На пятый день я закончил чтение и позвонил моему новому знакомому. Он сказал:

– Начинайте писать. Я позвонил в одно московское издательство, они уже ждут.

Ну, раз ждут, то надо писать. И я начал.

Читатель! Нет ничего увлекательнее истории, если не занудствовать, а просто излагать события и передавать диалоги.

Я только успел закончить черновик первого романа, когда мне позвонил потомок Тауберта.

– Присылайте как есть.

– Нужно редактировать.

– Нет, не нужно. Потом будете редактировать.

Он прочел черновик за два дня, позвонил мне, и сказал, что все очень здорово, он в восторге, и отправляет в издательство. Я возразил, но он не стал меня слушать.

В издательстве черновик приняли и опубликовали, изменив в нем одну строчку (в следующей редакции я это изменение убрал). Со вторым романом вышла еще большая спешка. Я был против, но меня не спрашивали – и поместили романы в «серию». Я позвонил толстяку и сказал, что буду редактировать первый и второй романы, там много лишнего, и многого не хватает, а третий в издательство не отдам, если будет все тоже самое, серии всякие. Он заверил меня, что прекрасно меня понимает. И сказал:

– Я ведь вас предупреждал, что это долгосрочный проект. Будем выкручиваться своими силами.

Я написал третий роман, отредактировал, и послал ему. Он прочел. Позвонил и сказал:

– Произошла заминка. Если мои коллеги в университете узнают, что я имею отношение к этим романам, я моментально стану изгоем. К самим романам у них претензий нет. Поскольку это художественная проза, а в художественной прозе можно писать что в голову взбредет. А вот ко мне претензии появятся. Поэтому нам с вами следует поступить так. Мы прекращаем знакомство. Романы эти – ваша собственность. Делайте с ними все, что хотите. Рукопись оставьте у себя – пусть это будет мой подарок вам. Всего доброго.

Вот же сволочь, подумал я с досадой. Немецкой крови в нем мало ... Подумаешь – испугался за карьеру. Впрочем, кто бы не испугался. Карьера – вещь удобная.

Что ж! Вот они – эти три уже написанных романа «Русской Тетралогии», в авторской редакции. Если читателям они понравятся – напишу и четвертый.

А теперь – пора переходить к повествованию, как говаривал мой французский коллега во время оно.

Действие первое. Аллегро

Глава первая. Сага о помолвке

Среди норвежцев, как правило, встречается много людей молодых. Возможно именно поэтому молодому норвежцу трудно выделиться из общей массы. Нужны какие-то особые достоинства или приметы.

Конунг Олаф, двадцатилетний, деятельный норвежец, выделялся своими размерами и смелыми идеями по поводу государственной власти, а именно, был он толст и считал, что государственная власть должна принадлежать исключительно ему, желательно во всех известных ему странах.

Вернувшись из похода в Англию, где он со своим войском нагнал страху на бриттов, саксов, и датский контингент, Олаф объявил себя конунгом Норвегии и Дании. Датчане возражали в том смысле, что у них уже имеется свой конунг, от которого житья нету, и совершенно неизвестно, будет ли новый лучше, посему не оставил бы их Олаф в покое? Олаф отложил решение датского вопроса и стал приглядываться к Швеции, настроившись в этом случае действовать более дипломатично. Прибыв в столицу страны Сигтуну со своей дружиной, которая тут же начала все крушить и ввязываться в безобразные драки с местными жителями, Олаф прошествовал в замок к своему соседу и тезке, конунгу Олофу. Шведский конунг глубоко вздохнул, нахмурился, и очень перепугался. Приняв пятнадцать лет назад крещение, он постепенно отошел от военных дел и занялся управлением и реформами, что пошло на пользу стране и ему самому, несмотря на обидное прозвище Собиратель Налогов, данное ему соотечественниками. Другие конунги налогов собирали не меньше, но их военная деятельность отвлекала и развлекала народ, и прозвища воякам давали другие. Воинственный толстый норвежец весело и грозно посмотрел на лидера шведов, годящегося ему в отцы, и заявил нагло, —

– Говорят, конунг, у тебя есть дочь на выданье. А мне необходимо жениться, дабы иметь отдохновения источник, восстанавливающий потраченные в сражениях тяжких силы мои. Вы, шведы, хитрый народ, но знаю я, что рад ты предложению моему в глубине сердца твоего. Зять у тебя будет именитый. Но не след мне удостаивать тебя чести великой, доколе не увижу, какая она, дочь твоя. Где она? Вели ее привести сюда.

Шведский конунг оторопел от этой речи и не нашелся, что сказать. В этот момент в зал вбежала дочь его, пятнадцатилетняя Ингегерд, подпрыгивая и стесняясь. И уставилась на норвежца.

– Ага, – сказал норвежец, любуясь. – Именно. Вот и хорошо. Ну, о приданом мы договоримся. Земли какие-нибудь. Я очень спешу, поэтому свадьбу назначим на завтра, а пока прикажи подать дружине и мне ужин да уложи нас спать в хоромаш твоих.

Дочери шведского конунга понравился толстый норвежец. Ей стало его очень жалко. Ей часто было жалко людей, и она любила делать им, людям, приятное, скрашивая их неустроенную жизнь. Толстяку явно не хватало счастья, внимания, и еще много чего.

Шведский Олоф собрался наконец с мыслями.

– Я бы хотел, уважаемый кузен, поговорить с тобою наедине.

Норвежец склонил голову на толстой шее вправо, а левую руку водрузил на эфес широкого бредсверда.

– Что ж. Отойдем.

Они отошли в угол. В тишине слышалось потрескивание дров в камине и погромыхивание свердов и доспехов норвежской охраны.

– Предложение твое, дорогой кузен, меня радует, – дипломатично уведомил Олоф Шведский Олафа Норвежского. – Лестное оно.

– Да, – согласился норвежец.

– Но народ мой чтит традиции, и старые, и новые.

– Я тоже их чту, – сказал норвежец грубо.

– Я это знаю, – живо откликнулся швед. – Именно поэтому я и говорю с тобой. Ты ведь, как и я, христианин?

– Да, – норвежец утвердительно кивнул. – Давеча крестился. Нынче все крещеные.

– Ну так вот, по традиции, принятой у шведских христиан между помолвкой и свадьбой должен пройти время. Год или два.

– Нельзя, – норвежец покачал головой. – Через месяц мне нужно уехать в Италию по делам и пробыть там долго.

– Я и моя дочь терпеливы и готовы ждать.

Олаф задумался. Он не то, чтобы очень уважал традиции, но знал, что их нарушение вызывает недовольство среди собственных его воинов. Воинство всегда консервативно.

– Хорошо. – Он строго посмотрел на конунга шведского. – Завтра будет помолвка. Через год я вернусь, женюсь на ней, и уведу ее с собой, а ты подаришь мне Ладугу.

Шведский конунг побледнел, но ничего не ответил.

– Но смотри, – предупредил норвежец. – Против меня не идти! И не смей в мое отсутствие отдать ее еще за кого-нибудь.

– Что ты, что ты! За кого же я ее отдам? – притворно изумился швед.

– Не знаю. Вон Владимир Киевский недавно овдовел.

– Он слишком стар, – заметил швед. – Франки меня не любят, поляки считают одновременно и своим, и предателем, и кроме тебя, на примете никого нет. Если бы ты не приехал, я бы через месяц-другой отправился бы к тебе сам. И, как я теперь понимаю, не застал бы тебя. Но дай мне слово, дорогой кузен, что в путешествии своем в Италию не будешь ты подвергать жизнь свою опасности, равно как и засматриваться плотски на встречающихся по пути женщин. Мне не нужен развратный зять, и еще меньше нужен зять мертвый.

Норвежец, уловив соль примитивной этой шутки, польстившей его молодому самолюбию, рассмеялся.

– Будь по-твоему! – рявкнул он залихватски. – Так и быть, старый хитрец! Так даже лучше. Предвкушение усиливает дальнейшее хвоеволие, получаемое от брачных утех и детей. Моя дружина пока что отдохнет, и я с нею, а ты позови священника и пусть готовит церковь для завтрашней помолвки. Очень мне нравится дочь твоя, конунг. У других конунгов дочери уродины, а у тебя нет. Чувствуется в ней польская... э... утонченность, как бы. Благородная непосредственность. Худышка она пока что, ну дак скоро раздастся. Они в этом возрасте все худышки. Когда мне было пятнадцать, ты не поверишь, я был как соломинка сухая. А теперь глянь на меня – молодцом! А? Ну вот.

Он дружески хлопнул тезку по плечу.

Отдав соответствующие распоряжения и послав за священником, Олоф Шведский уединился у себя в апартаментах. Он еще раз пожалел, что так долго тянул с постройкой каменного замка. В деревянный наглый норвежец вошел, как в круг, только что не сунул серебряную монету привратнику на пиво. В каменном замке можно было бы запереть ворота и отстреливаться со стен.

Священник, расторопный длинный латинянин, прибыл через час. Он поздравил счастливого отца с важным биографическим событием и заверил его, что к утру в церкви все будет готово, добавив к этим уверениям замысловатую латинскую фразу, объясняющую, зачем все идет именно так, как должно идти. Замечательный язык – латынь, подумал конунг. Поговорки на все случаи жизни. Любое свинство можно оправдать.

Дочь его Ингегерд вскоре явилась, краснющая, заикающаяся, притихшая, и сообщила, что все очень здорово улаживается.

– Дура, – сказал конунг. – Где Хелье?

– Где-то поблизости. Он вчера вернулся из Старой Роши.

– Найди его и приведи сюда. Живо.

– А после помолвки мы будем... – она запнулась. – Возлежать?

Олоф побагровел.

– Я тебе возлягу! Хорла малолетняя! Кыш! Ищи Хелье!

Хелье был двоюродным братом Ингегерд, на год младше наглого норвежца – ему было девятнадцать. Рос он более или менее на глазах Олофа, но сам по себе. Сам по себе учился чему попало у местных римлян-священников, сам по себе однажды сбежал в Старую Рошу и там, в последнем серьезном лагере викингов, учился диким боевым приемам и пьянству. Родители его, польско-смоленских кровей, махнули на него рукой. К счастью, у них были другие, более почтительные, дети.

Именно Хелье был нужен теперь конунгу. С неприятным удивлением Олоф понял, что ему не на кого больше положиться.

Спрятать дочь возможным не представлялось – норвежцу тут же донесли бы, за медный грошик, а то и вовсе из подобострастия, и по извлечении Ингегерд из укрытия, норвежец, давая волю законному возмущению, сжег бы Сигтуну до тла.

Просить защиты у франков – себе дороже. Поляки – ненадежные, они не любят Олофа. В Италии стоит норвежский контингент. Предложить дочь в жены кому-то из лидеров Второй Римской Империи – вряд ли возьмут. Хайнрих Второй по уши завяз в конфликте с Польшей, ему сейчас не до Скандинавии. Оставался Хольмгард.

В Хольмгарде правил улыбчивый, обаятельный, неженатый Ярислиф, сын и вассал Владимира. То есть, не сам правил, правили за него, но появлялся в нужные моменты, почетным гостем присутствовал в правлении. Люди Ярислифа постоянно пользовались услугами шведского воинства и, наверное, были бы непрочь узаконить военные связи Сигтуны и Хольмгарда. А если норвежцу это не понравится – его дело. За Ярислифом стоит Владимир Киевский. Он не жалуется сына, но не потерпит норвежских поползновений на земли своего вассала. Лучше Ярислиф, фатоватый но, очевидно, добрый, чем этот хам и самозванец. Конунг он, видите ли. Топить в пруду таких конунгов надо.

Хелье появился только через два часа. Олоф наорал на Ингегерд, желавшую присутствовать при беседе, и выгнал ее вон из апартаментов, велел ей основательно помыться, а то уже неделю не мылась, гадина. Когда дверь за ней в знак дочернего протеста яростно захлопнулась, конунг оглядел Хелье с ног до головы.

Тощий, среднего роста ... хмм ... подросток, несмотря на вполне зрелый уже возраст. Лицо частично славянское, скуластое. Глаза большие, серые. Нос прямой, внушительный. Очень светлые, длинные волосы аккуратно расчесаны на пробор. Взгляд туповатый и насмешливый одновременно. Из-под короткого плаща торчит внушительный сверд, правое плечо чуть пригибается под его тяжестью, перевязь явно натерла ключицу. Одет слишком легко для марта месяца.

– А поручу-ка я тебе важное посольство, Хелье, друг мой, – велел конунг строгим голосом. – Сядь.

Хелье сел, грохнув свердом.

– Кузина твоя, Ингегерд, в беду попала, Хелье.

– Я слышал, – отозвался Хелье. – Она говорит, что он ей нравится.

– Говорит она... говорит! Через два года его зарежут его же горлохваты, а заодно и ее!

– Но надо же ей за кого-то выйти замуж, – резонно заметил Хелье.

– Молчи! – крикнул конунг. – Молчи, дурак! Что мне делать, – пожаловался он. – Меня окружают одни дураки. И союзники дураки, и враги тоже дураки. Все эти дураки все время о чем-то договариваются между собой, дерутся, безобразят, мирятся, и все это в обход того, что я им говорю, потому что дурак с дураком договорится скорее, чем с умным. Им даже понимать друг друга не надо. В общем, кроме тебя, Хелье, защитников у Ингегерд нет. Ее нужно выдать замуж за Ярислифа.

– Он старый и глупый, – заметил Хелье.

– С чего ты взял?

– Так говорят.

– Ему тридцать четыре года.

– Старый.

– О его уме ходят легенды.

– За которые он платит, конечно же.

– До чего ты, Хелье, остер на язык стал. Неприятно остер. Что ни слово, то яд горький.

В Старой Роще тебя всему этому обучили?

– Не обращай внимания, конунг. Это, говорят, по молодости. Пройдет.

Конунг не выдержал и рассмеялся.

– Слушай меня, мальчик. Ты поедешь в Хольмгард к Ярислифу. Ты скажешь ему, что за Ингегерд он получит в приданое Ладогу. Ты скажешь, что я освобожу всех шведских воинов, ему служащих, от пошлины в мою пользу. Таким образом он сможет меньше им платить. Не он, но его люди, но это все равно. Объяснишь ему, как сумеешь, насчет норвежского хама. Если он тебе откажет...

– Да?

Конунг вздохнул.

– Если откажет, езжай дальше. На Русь. В Каенугард. Владимир недавно овдовел.

– По-моему, это глупо, – заметил Хелье. – Неприлично как-то. Владимиру лет сто двадцать, по меньшей мере.

– Пятьдесят восемь, – сказал Олоф.

– Неприлично.

– Не твое дело. По мне, так лучше он, чем...

– По тебе, конунг, кто угодно лучше. Чем тебе не нравится Олаф? Вояка как вояка.

– Что ты за него вступаешься!

– Я очень хорошо помню, – глаза у Хелье сузились, – как чувствует себя человек, у которого из-под носа увели невесту. Ты был когда-нибудь в таком положении? Не был. А я был. Ах, милый Хелье, – пискнул он фальцетом, передразнивая кого-то, – ты хороший мальчик, но недостаточно знатен и совсем не богат! Кстати, – добавил он с оттенком мстительности, – почему это я не богат? Вот почему? Вот объясни мне. Положим, состоять в родстве со шведским конунгом – это еще не знатность. Но где мое богатство? Где состояние?

– Сам виноват, – заметил конунг.

– В чем? В том, что я не старший сын своего отца?

– Безобразил много. Вот отец и лишил тебя твоей доли.

– А ты что же? Я в этом хлеву верчусь с измальства, Ингегерд за косички дергал, нос ей вытирал. У тебя на побегушках был. Где мое состояние?

– Что ж ты мне прикажешь – половину Швеции тебе отдать, что ли?

– Нет, но денег каких-нибудь можно было управиться выдать.

– Денег у меня у самого нет. А то, что она, невеста твоя, предпочла грека этого самого – так ей сердце велело.

– Ингегерд сердце велит предпочесть норвежца.

– Не бывать этому! – крикнул конунг, снова багровея. – Не бывать!

Он налил себе пива из огромного глиняного кувшина, пригубил, и тут же выплюнул на досчатый пол. Пиво оказалось теплое. Вообще март в этом году смахивал на май. Теплынь. Конунгу это не нравилось. Ему вообще не нравилась непредсказуемость северной погоды, и одной из причин его крещения, пусть не главной, была возможность попросить Того, Кто Все Это Создал, чтобы с погодой стало как-нибудь... ну... спокойнее, что ли. Чтобы не было в мае неожиданных снегопадов, а в феврале почти жарких дней, когда дурацкие растения вдруг просыпаются и распускаются почками и цветами, а потом их хрясть морозом, и после этого они все лето стоят, как пьяница горький, которому по роже залепили и к стенке прислонили для равновесия. Не то у Создателя имелись заботы поважней, не то Он не считал нужным удовлетворять погодные пожелания конунгов, а может просто изначально включил в общую гармонию вселенной элемент непредсказуемости, чтобы никому скучно не было – конунг не знал. Но был недоволен.

– Хелье, мальчик мой, друг мой любезный, – сказал он почти умоляюще. – Ну съезди ты в Хольмгард, что тебе стоит. Заодно развеешься. Деньги на путешествие я тебе дам. А? Не знаю, когда вернется из похода норвежская сволочь, но ведь вернется же. И тогда будет поздно. Ну, пожалуйста.

– Ладно, – смилостивился Хелье. – Подумаю.

Вот уже полгода любимым местом Хелье было взморье. Сидеть и смотреть на волны – любимое занятие. Даже в холод. Даже в непогоду.

Предпочла грека...

Откуда он взялся, этот грек? Никто и не думал до его появления предъявлять Хелье какие либо претензии по поводу происхождения. Семья Матильды сидела по уши в долгах, ей грозила потеря земель и даже продажа некоторых ее членов в рабство, и все давно с этим смирились! Никто не возражал против брака Хелье и Матильды, никто! Кроме ее брата, конечно, но брат не в счет, с братом Хелье бы как-нибудь сам разобрался. Но вынырнул этот... грек... и заплатил все долги. И как награду взял себе Матильду. То есть попросту ее купил! Большинство людей так или иначе продажны, а женщины особенно, поскольку им почти всегда есть, что продать. Но Матильда была другая. Непродажная. Надменная. Неподкупная. До появления грека.

Неприступная Матильда ни разу не позволила Хелье себя поцеловать. Хелье не возражал – Матильда являлась ему загадочным и возвышенным саксонским божеством, хозяйкой его, Хелье, существования. Ее молчаливое согласие с его планами – женитьба, дальнейшая жизнь вместе – представлялась Хелье великой милостью. Ему, Хелье, позволили подняться на сверхъестественную высоту. Пожелания ее были для Хелье приказами, капризы долгом, он благоговел перед нею. Благоговел настолько, что в жалкую минуту подарил ей семейный амулет, доставшийся ему от матери – серебряный, на цепочке, старинный, с изображением сверда и полумесяца. Такое дарят только невестам. Матильда амулет после уговоров взяла, и даже некоторое время носила его на груди. Грек всех уравнил. Хелье сперва посмел обидеться на любимую девушку, а потом и разозлиться. И злился бы дальше, кстате говоря, и забыл бы о ней в конце концов, если бы не письмо, найденное им в дупле вяза, кое дупло он и Матильда два года пользовали, обмениваясь сведениями. Не веря себе, все еще думая, что Матильда просто ждала все это время, не подвернется ли кто получше, Хелье извлек скрученный в трубку и перевязанный лентой пергамент.

«Любимый...» – так начиналось письмо.

Ого. Ни разу не назвала его так Матильда за все время ухаживания. Хелье устроился под вязом и прочел послание три раза подряд.

«Любимый, я поступила так, как велел мне родовой долг. Уверена я, что на моем месте ты поступил бы так же. Я уезжаю – на юг, посмотреть на дом, в котором мой муж хочет со мною жить. После этого мы предпримем длительное путешествие – он мне обещал. Будущим летом я рассчитываю быть в Каенугарде и задержаться там на полгода: у мужа какие-то дела. Воспользуешься ты этим или нет – решать тебе. Твоя Матильда».

Логика женщинам не свойственна. Что значит – так велел родовой долг? А если бы родовой долг велел бы ей ехать в Африку и быть там съеденной пигмеями, она бы поехала? Что значит – на моем месте поступил бы так же? Как он, мужчина, может оказаться на месте женщины? На юг, посмотреть на дом – зачем? Обещал ей длительное путешествие... Хелье представил себе... Каенугард. По-славянски – Киев. Полгода в Киеве. Что же, поехать в Киев и украсть ее? Можно, конечно. Но почему бы ей самой не попробовать сбежать? Почему он, Хелье, всегда должен делать все, а она ничего? И это ханжеское «твоя» в конце. Вот же стерва.

Киев. Каенугард ... Город конунга, а по-славянски князя, Владимира. Киев веселый, Киев раздольный, Киев развратный, невероятный, блистательный, Киев – мечта каждого молодого воина. Киев – где никогда не закрываются круги, где всегда тепло, где люди умны и вежливы, где, говорят, женщины играют значительную роль в правлении. Киев, союза с которым давно и безнадежно ищет немецкий император, Киев, перед которым дрожит и на который надеется Византия, Киев, с этикетом и кодексом чести, Киев на широкой реке Днепр, Киев – бывший колониальный, но давно уже получивший, или взявший силой, все права и привилегии метрополии и свысока смотрящий на бывшего хозяина, а ныне почти вассала – Скандинавию.

Три блистательных города есть на свете – Рим, Константинополь, и Киев. Рим – много раз разрушенный варварами, старый, дряхлый, погрязший в неестественной смеси отживших традиций, южного цинизма, и извращенного, поверхностного христианства. Константинополь – пестрый, наполовину восточный, безалаберный, и тоже старый, многовековой. И Киев – город молодой, кипящий жизнью, город будущего.

Деревенщине все равно, где жить. Даже рожденные в столицах на всю жизнь, бывает, остаются провинциалами. Но каждый цивилизованный молодой человек мечтает попасть в Киев и утвердиться там – в новом Риме, новом Константинополе. Киев – где женщины свободно ходят в одиночку по улицам, где что ни день устраиваются представления, где шепетильные воины встречаются в поединках.

Где, шепнул ему внутренний голос, не прекращается борьба за власть. Где непрерывно интригует и составляет заговоры еще очень молодая, но уже легендарная, Добронега. Где удачливость, предприимчивость и доблесть щедро вознаграждаются.

Неприятная мысль посетила Хелье. А не Киев ли тут причиной? Может, Матильде захотелось покрасоваться, поблистать в обществе, и предвидела она, что, выйдя замуж за Хелье, проведет она всю жизнь в Сигтуне, за два века существования так и не переставшей быть захолустным городком, а то и в Хардангер-Фьорде, где у родителей Хелье имелись какие-то земли, или, того хуже, в лесном Смоленске, среди провинциальной, кичливой и глупой славяно-варангской кодлы, величающей себя аристократией? А ей хотелось в Киев. Хелье с ужасом вспомнил, что она об этом говорила, и даже писала ему в письмах, а он не обратил внимания. Дурак! Следовало пообещать ей, что как только они поженятся, он сразу же приступит к постройке ладьи славянского типа. А грек сразу показал Матильде... драккар, не драккар – здоровенную посудину, на которой, как он сказал, они пойдут морем до самой Венеции (она, захлебываясь, рассказывала об этом изнывающему от скуки, ревности и злобы Хелье). Пойдут – мимо саксонских земель, тех самых, из которых семья Матильды десять лет назад бежала от датских захватчиков. Чтоб они там опрокинулись по пути!

Хелье представил себе... далеко не в первый раз... как старый противный грек раздевает Матильду... а она радостно позволяет ему... и он кладет ее на спину, на ложе, и ложится сверху на атласное тело, всем своим весом... и видна отодвинутая в сторону нога Матильды, чуть

согнутая в колене... и ее грудь, которую грек ласкает волосатой греческой рукой... и ее золотые волосы и счастливая улыбка на лице.

Уеду в Каенугард и предамся там разврату, подумал Хелье.

Сам он познакомился с греком случайно. Впрочем, судя по всему, жизнь и действия грека редко посещала случайность. Возможно Хелье, сам того не зная, оказался втянутым в какую-то интригу, его просто использовали, а потом оставили. Хорошо хоть не зарезали.

Грек, с отвращением подумал Хелье. Привлекательный мужчина, да. Хоть и старый. Несмотря на то, что было ему далеко за тридцать, выглядел он... в общем, женщины таких любят. Блондин с сединой. На голову выше Хелье. Крепкий и плотный, несмотря на пластичность. Орлиный нос. Хорошо бы по этому носу кулаком... ага... Красивая вельможная походка, величавая осанка, надменность. И легкий славяно-греческий какой-то акцент, заставляющий девушек и замужних женщин таять и желать немедленного продолжения рода на любых условиях.

И ведь именно он, Хелье, ничего тогда не подозревавший, привел грека к дому племянника конунга. И хотя потом некий Эрик Рауде признался в убийстве, Хелье знал совершенно точно, кто именно убил молодого многообещающего воина, на которого молилась дружина. Будь племянник конунга жив, вряд ли Олаф Норвежский появился бы в этих краях. Следовательно, создавшееся положение с помолвкой и прочим – частично дело рук самого Хелье. А это к чему-то да обязывает. Никто, правда, об этом не знает, но есть такая вещь, как совесть.

Почему Рауде взял вину на себя? Трудно сказать. Хелье ни разу не видел этого Рауде. Какой-нибудь старый проходимец, которому все равно – объявят его ниддингом или нет. Наверное, ему хорошо заплатили греческим золотом.

А когда все решилось, и Матильда ему уже не принадлежала, он, Хелье, как раб какой-то, как побитый щенок, продолжал таскаться в дом родителей Матильды, упорно делая вид, что ничего не подозревает, и мать Матильды, весьма похожая на дочь, только в старом, потасканном исполнении, украдкой ей, дочери, выговаривала на саксонском наречии, что, мол, неприлично это, думая, что Хелье не понимает, а отец Матильды стыдливо молчал. Впрочем, не стыдливо. А – покорно. Мать, улыбаясь, делая вид, что речь идет о повседневном, о кухонной утвари, мать, говорящая по-шведски очень плохо, говорила дочери —

– Thou art rude, my dear. The child visiteth thee twice a week; it must stop now that thou art betrothed.¹

– Pledged², – поправляла Матильда равнодушно.

– I stand corrected. Pledged. I grant thee these folks have a different take on morals, uncivilized savages as they are. However, thou wilt agree, precious, that there ought to be limits. Do reflect, Mathilde. Tis hardly fair. Thou shouldst not encourage him. Thou wouldst do well to tell him the truth³.

Матильда сердилась, оглядывалась, и говорила сквозь зубы, —

– Leave me the bloody hell alone, Mother. Goodness, I believe I have told thee, I know not, forty thousand times or so: keep thy snoopy beak out of mine here life, and especially out of my bed. Cease pestering thy daughter, woman. I shall do as I damn well please⁴. – И добавляла, понизив голос, ни к кому не обращаясь, – One's parents are such a fucking nuisance sometimes, I swear⁵.

¹ – Ты невежлива, дорогая моя. Бедный ребенок приходит к тебе два раза в неделю – это нужно прекратить, ты ведь обручена.

² – Помолвлена.

³ – Спасибо, что поправила. Помолвлена так помолвлена. Однако, согласишься, драгоценная моя, должны же быть какие-то границы. Подумай, Матильда. Это просто нечестно. Ты его раззадориваешь. Ты должна сказать ему правду.

⁴ – Оставь меня в покое, мать. Помилуй, тебе уж было сказано тысячу раз, чтобы ты не совала свой клюв в мою жизнь и особенно в мою постель. Не досаждай дочери, женщина. Я буду делать то, что мне нравится.

⁵ – Родители – такие порой, хорла, зануды, честное слово.

Хелье не понимал всего, но суть этих разговоров была ему ясна. А словосочетание «these folks» означало, скорее всего, местное население, на взгляд саксонки вполне дикое. Действительно, как-никак, Римская Империя откатилась от Островов всего лишь пять веков назад, они там до сих пор все сверхцивилизованные.

И, конечно, большую роль в развращении ... в соблазнении ... Матильды сыграла ее кузина, которую Матильда называла своей сестрой. Будучи на пять лет или более старше Матильды, кузина ее, наполовину полька, удачно вышла замуж еще в Англии, за какого-то славянина, который тут же ее увез – в Киев! Матильда обменивалась с кузиной посланиями, и даже прочла несколько из киевских писем вслух, когда они гуляли вдвоем, чтобы Хелье понял как там, в Каенугарде, здорово. В письмах кузина описывала город, достопримечательности, и свое времяпровождение, таким обыденным, небрежным слогом, что Матильда, конечно же, умирала от зависти – и только сейчас Хелье это наконец понял.

На следующее утро Хелье пришел в церковь – все еще старую, деревянную. Неподалеку строители укладывали фундамент новой, каменной церкви. Третий год уже укладывали.

Нахлобучив новгородскую шапку с мохнатым стильным околышем, модную в тот год среди шведской молодежи, на самые глаза, и закутавшись в плащ, Хелье прислонился к внутренней стороне церковной ограды и стал ждать. Дьяконы распахнули двери главного входа. Процессия подошла к церкви пешком. Громко и нарочито грубо переговаривались норвежцы из свиты Олафа. Девушки и девочки, подружки Ингегерд, хихикали и сплетничали. Процессия вошла во двор, Олаф и Ингегерд впереди. Жених снял шапку, такую же, как у Хелье – возможно, мода дошла и до Норвегии, а может, конунг проявлял чувствительность, как будущий политик, к местным настроениям – и бросил ее кому-то из своих дружинников.

Ингегерд посмотрела восхищенно на норвежца. Какой он бравый и уверенный, и в то же время его жалко – толстый он, и не очень поворотливый. Норвежец воспринял ее взгляд на свой лад и хлестко хлопнул ее по левой тощей ягодице здоровенной своей рукой. Ингегерд вскрикнула, неуверенно хихикнула, а норвежец и дружинники заржали. Некоторые девицы захихикали злорадно.

Дикие они, подумал Хелье. Небось будет ее лупить, если что ему не понравится.

После помолвки имел место пир в замке, во время которого конунг норвежский непрерывно выказывал пренебрежение конунгу шведскому.

– В твоём возрасте, кузен, – говорил он, – пить вообще нельзя. Будешь пить – руки будут трястись. Вот так, – он показал как, тряся мелко руками и жирными щеками. – А слабоумием ты и так страдаешь.

Все-таки Ингегерд, судя по бледности, испугалась. Наконец-то.

После пира, зайдя в опочивальню к конунгу, Хелье обнаружил там Ингегерд, сидящую на ложе отца и дрожащую, как расшатавшийся флюгер на осеннем ветру.

– Что случилось? – осведомился Хелье.

У Ингегерд застучали зубы.

– Он попытался ею овладеть, – сообщил Олоф, яростно ходя от стены к стене и взмахивая коротким сверлом. – Убить его надо. Убить, как бешеную крысу. Убить. Ты уж останься, пока он не уйдет. Стыдно сказать, но вся моя дружина им просто очарована. Положиться не на кого. Он всех напоил, и они там до сих пор веселятся.

– Я видел, – сказал Хелье, не присутствовавший на пиру. – Проходил через пиршественный зал. Ладно, подождем.

Наутро бравые норвежцы с трудом поднялись, прикончили остатки пива, съели завтрак, потребовали еще завтрак, и стали собираться в поход, прихватывая в холщовые мешки все, что выглядело дорого – серебрянную утварь, например. Перед самым отъездом Олаф потрепал Ингегерд по щеке, притянул к себе, и поцеловал при дружине и свите Олофа в почти детские

губы, после чего он хлопнул хозяина замка по плечу одобрительно и затопал, гремя бредсвердом, к выходу. Дружинники и свита последовали за ним.

В Старой Роще было все, как всегда, как двести лет назад. Вставали кто когда, но к полудню, облаченные в кольчуги, вояки махали свердами и копьями, упражнялись в стрельбе из лука, всаживали топоры в стволы за тридцать шагов. Время будто остановилось. Разница в том, что два века назад таких лагерей было по Скандинавии множество. В них прятались ниддинги, укрывались изгои, наслаждались жизнью искатели приключений, и все ждали – нового похода. И когда поход объявлялся, вся дикая вольница погружалась на драккары и направлялась куда-нибудь, не важно куда, лишь бы там наличествовало население, и лишь бы у этого населения можно было что-нибудь отобрать, а женщин помоложе взять в наложницы. Награбленное привозилось обратно в лагерь.

Сегодня Старая Роща была единственным и последним серьезным лагерем викингов. Конунги и князья из вождей превратились в политиков, власть укрепилась и стала сносно платить наемникам, у которых появилась возможность получить прибыль, не становясь изгоем. Уже сегодня, несмотря на существование Старой Рощи, дикие и яростные викинги стали почти легендой. Старая Роща, она же Гаммеллюнд, держалась – ей помогала ее вековая репутация. Свердом каждый может размахивать, но тем, кто желает научиться размахивать им правильно, один путь – в Старую Рощу. Каждый может выстрелить из лука, но попасть в яблоко с пятидесяти шагов научить воина могут только в Старой Роще.

Женщин в лагере викингов, помимо наложниц, по-прежнему не жаловали, несмотря на киевско-новгородские веяния. Над этими веяниями в Старой Роще смеялись. Мол, новгородки да киевлянки принимают участие в совещаниях, на равных правах разгуливают по улицам, вступают с кем ни попадя в контакты, и даже дают советы вождям. Эдак они скоро править начнут, как небезызвестная египетская царица! Или как бабка нынешнего киевского конунга. Тем не менее, женщины в лагере имелись – жены старшего поколения, тех, кому за тридцать, вдовы павших, воспитывающие детей – будущих викингов. Были и обычные проститутки, наведывающиеся из Сигтуны и остающиеся на месяц-два, и старухи-ворожихи, злые, ворчащие, но охотно помогающие готовить еду и накрывать на столы. Грозди деревянных хибарок, в которых жили викинги, окружены были кольцом повозок – Старая Роща напоминала походный стан, да и являлась, по большому счету, таковым.

Старый но крепкий Йири, учивший молодежь правильно махать свердом, первым заметил приближающихся всадников. Их было двое. Йири дал знак четверым молодым своим ученикам остановиться и отдохнуть, а сам пошел навстречу. Кони в лагере – редкость. Йири узнал коня Хелье и приветственно махнул рукой.

Подъехав, Хелье соскочил с коня и обнял Йири, после чего он галантно помог своему спутнику, оказавшемуся тощей девчушкой лет пятнадцати, спуститься с седла.

Костер начал гаснуть, и Хелье подбросил сучьев.

– Так, стало быть, ты все это собираешься улаживать, – сказал Йири задумчиво.

В лагере давно спали. Ингегерд тоже спала – в доме самого Йири, под присмотром его жены.

– Что смогу, то улажу.

– У тебя доброе сердце, – заметил Йири. – Впрочем, Олоф всегда хорошо к тебе относился. Ну вот и кончилось твое детство, Хелье, дружок. Девчонку я поберегу, не волнуйся.

– Этого мало, – возразил Хелье. – На всякий случай, если, скажем, у меня ничего не выйдет, ее нужно не просто поберечь – ее нужно многому научить.

– Чему же это?

– Ее нужно научить, как ломать руки и ребра пьяным норвежцам, ежели они вздумают приставать. Ее нужно научить стрелять, прятаться, плавать, чувствовать опасность, охотиться, удить рыбу, и прочее.

Йири хохотнул.

– Викинга из нее сделать!

– Да, – подтвердил Хелье серьезно. – Чем больше она викинг, тем спокойнее.

– Последние времена настали, – заметил Йири. – Девушка-викинг. Надо же.

Глава Вторая. Содружество неустрашимых

Будь то не Киев, но какой-нибудь другой город, сошедшая с ладьи пара привлекла бы внимание. Муж и жена шли рядом, а не гуськом, и одеты были в высшей степени странно. Жена – высокая, симпатичная, улыбчивая рыжеватая женщина лет двадцати, с длинной шеей, красивой грудью, тонкой талией – уверенно ступала по плотно утрамбованному грунту ногами, обутыми в грубоватые но, по-видимому, очень удобные и мягкие, норвежские сапожки. Изящная вышивка и тяжелый шелк говорили о средиземноморском происхождении платья, а плетеная причудливо и нарочито грубо шерсть шали о молчаливо вяжущих такие шали датских умелицах. Муж женщины был старше ее лет на пятнадцать. Высокий, стройный блондин с орлиным носом, глубоко посаженными голубыми глазами, лицом узким и губами тонкими. Волосы длинные, борода щегольская, подвитая. Одет в такую же странную смесь южных и северных фасонов, как и его жена, а с плеч его свисал длинный франкский плащ, схваченный у ключицы серебряной пряжкой. Из-под плаща торчал средних размеров сверд в изящной работы ножнах. Мужчина улыбался светски и говорил жене своей серьезные вещи серьезным тоном на странном наречии, похожем на немецкое.

Как мы уже успели сказать, пара привлекла бы внимание горожан в любом городе кроме этого. После Хольмгарда, Киев в году Милости Господней Одна Тысяча Пятнадцатом состоял самым интернациональным городом севера цивилизации, и горожан здесь редко можно было чем-нибудь удивить.

– Дорогая, – степенно говорил муж, – вот мы наконец здесь. Веселее этого города только Константинополь, в который мы заглянем пред самым нашим возвращением домой.

– Лица горожан не кажутся мне веселыми, – заметила жена.

– Это потому, что они скрывают свое веселье, – объяснил муж. – Веселиться открыто – дурной тон. Так поступают только в провинциях. Вспомни Венецию. Смеются открыто только торговки и ростовщики. Вельможи же ограничиваются как правило гортанным хо-хо и вежливым быстрым поклоном.

Не знающие этого человека люди, способные понимать наречие, на котором он вел беседу с женой, подумали бы, что он говорит глупости. Это на самом деле так и было. Будучи в некотором смысле эпикурейцем, человек любил и культивировал разного толка хвоеволия, а произнесенные вслух глупости хвоеволия доставляли ему чрезвычайно много, особенно когда их воспринимали всерьез, как это делала его супруга. Впрочем, возможно, она просто ему подыгрывала.

– Мы здесь заночуем? – спросила жена. – В этом городе?

– Да, наверное, – откликнулся муж. – Если не будет никаких представлений, а тебе вдруг станет скучно, хочешь, я устрою на площади совершенно безобразную драку?

– Ах нет, не сегодня, дорогой, – ответила жена, поднимая рыжие брови и морща конопатый нос. – Хотелось бы мирно поужинать и улечься спать, зная, что ночью тебя не будет кидать из стороны в сторону, брызги не будут хлестать в лицо, не нужно будет держаться за что попало, чтобы не вылететь за борт. Это хорошо, что следующая часть путешествия будет проходить по суше. А то я по ночам кашляю все время от сырости.

– Да, конечно, – живо согласился муж. – А еще на суше водятся всякие забавные зверюшки.

– Какие же?

– Волки там всякие, и еще кони. Кстати, надо будет раздобыть коней. И, наверное, телегу тоже. Поскольку на коне ты долго не высидишь, да и я не очень расположен. Я всю молодость провел в седле. Хватит с меня. А вот и площадь. Посмотри – несколько зданий из камня.

Заграждения. Там детинец, выше, и княжеский терем, каменный. Второй уровень – гридница, а еще выше – светелка, видишь? А вон и князь.

– Где? – заинтересовалась жена.

– Вон на крыльце стоит. Видишь, народ собирается? Сейчас он будет говорить, а народ будет слушать, уши развесив.

Да, подумал он, изменился князь. Следя за тем, как он ведет себя, как стоит на крыльце, будто погружаясь в государственные думы, иногда по-доброму поглядывая на толпу, муж решил, что надо будет князя навестить в его резиденции. Он и так собирался это сделать, но теперь решил, что совершенно точно это сделает.

– Какой-то он маленький, – сказала жена, вглядываясь. – Но симпатичный. И старый.

– Да, – протянул муж удрученно. – Старость, старость...

Жена удивленно посмотрела на него. И тут он, наконец, засмеялся.

– Не бойся, дитя мое, – он нежно обнял жену за плечи. – Дядя шутит.

Жена хихикнула.

– Послушаем, что он скажет? – спросила она.

– Нет, зачем же. Князя всегда говорят одно и то же. Это неинтересно. А вот навестить его – навестим. К вечеру ближе. Впрочем, тебе следует сначала хорошо выспаться.

Киевскому князю было пятьдесят восемь лет, и выглядел он молодо. Не портили его ни солидные залысины, ни проседь в длинных светлых волосах, ни погустевшие от возраста, а некогда очень правильного рисунка, брови. Серые внимательные глаза, когда-то яростные, смотрели мудро. Кожа на щеках и высоких скулах молодая, здоровая, с розовым оттенком. Крупный скандинавский нос, начавший уже загибаться к пухлым славянским губам, выглядел тем не менее по-имперски солидно, а прямоугольный подбородок подчеркивал твердость и решительность натуры. Увы, тело князя после потери любимой жены три года назад, быстро приходило в упадок. Маленького роста, но некогда очень крепко, компактно сбитый, князь обрюзг и растолстел. Округлились бока, появилось брюхо, а на шее под затылком наметилась характерная для махнувших на себя рукой мужчин жировая складка полуобручем, скрытая, правда, длинными волосами. Маленький и круглый – таким бы воспринимался князь, если бы не особый поворот головы, особый взгляд, и особая, величественная манера держаться.

Князь киевский сидел за столом и мрачно смотрел на своего сына. Борис, стоя напротив и отводя глаза, был с похмелья. Одежда на нем висела мешком, темные волосы растрепались и отсвечивали сально, под глазом наличествовал, играя оттенками, синяк.

– Тебе самому-то как, не грустно? – спросил наконец Владимир.

– Башка болит, – с трудом выговорил Борис, объясняя.

Владимир покачал головой, уперся в стол локтем, а подбородок положил на сжатый кулак.

– Что же мне с тобой делать, – сказал, а не спросил, он. – Что мне с тобой, чучело крапивное, делать. Пороть тебя уже поздно. Кричать на тебя бесполезно. Женить тебя, что ли. На какой-нибудь толстой, степенной, сварливой бабе. Где ты вчера пил?

– Ну, известно...

– Не ври.

– На Подоле. У межей.

– И что же, там дешевле, да? А разве на Подоле место тебе, посаднику? Хочешь гулять – гуляй здесь. У меня под надзором.

– Может, ты еще и расписание придумаешь, когда мне гулять? – заворчал было Борис, и вдруг слегка подвыл. Очевидно, ему ударило в затылок. Он прикрыл глаза и качнулся.

– За что били-то тебя?

– Меня не били. Это был честный отважный поединок. Если бы я не споткнулся...

– Какой еще поединок! – Владимир махнул рукой. – Скольким непотребным девкам задолжал, признавайся сразу. На остальных мне плевать, а вот за девок обидно. Они же безответные, скотина ты бессовестная! Говори, скольким?

– Трем, – ответил нехотя Борис и побледнел от боли в голове.

– Добрыня! – крикнул князь.

Большой величественный старик в чистой, богатой одежде появился в комнате и, неспешно ступая, приблизился к столу, жуя на ходу укроп. На Бориса он старался не глядеть.

– Да?

– Отнеси, будь добр... тебе там покажут, каким именно девкам... на Подоле... не знаю, ну хоть по гривне каждой.

– Это много, – возмутился Борис.

– Засупись хлебало! – злобно рыкнул Владимир, не сдержавшись. Прикрыв глаза, он вздохнул, снова их открыл, и посмотрел на Добрыню.

– Не в службу, а в дружбу.

– Стар я, Владимир, для передачи денег таким особам.

Какие все медлительные кругом, и как туго соображают, подумал князь. Вот поэтому, наверное, я и толстею, хорла.

– Не могу же я холопа послать, – объяснил он. – Если эта свинья ведет себя так, как она себя ведет, надо же это как-то уравновесить. Пошлю холопа, а там скажут – а, так князь считает, что детям его все можно, вон холоп подачку принес. А придешь ты – какое-никакое, а уважение.

Добрыня мрачно смотрел на князя. Лет десять назад он бы густо покраснел и ни слова не говоря ушел бы, уехал бы за тридевять земель дуться. Какое-никакое, надо же.

Князь порассматривал угрюмого Добрыню с пучком укропа в руке и потеплел.

– Ну прости. – Владимир засмеялся. – Люблю шутить.

– Это ты так шутишь? – спросил Добрыня.

Князь опять засмеялся.

– Отнеси, – сказал он. – Будь другом.

– Ладно.

Добрыня вышел. Князь еще раз хохотнул беззвучно. Злость на сына прошла. Пришла жалость.

Хорохорится, думал Владимир. Эх! Помру я, не дадут ему спокойно править. Слабый он у меня. Но очень хочет, чтобы его сильным считали. Во всем мне подражает, а получается глупо и говорит нескладно. Мать его была женщина мягкая.

Вспомнив о матери Бориса, Владимир загрустил. В жизни его было очень много женщин. Мать Бориса была единственной, изменяя которой он чувствовал себя виноватым.

– Теперь можно? – спросил Борис, изображая ворчание.

– Можно.

Борис подошел к столу, взялся за тяжелый кувшин, налил себе в кружку бодрящего свира, и выпил залпом. Некоторое время он стоял, держась за стол и жмурясь. Схватив две редиски с блюда, он зачихал их себе в рот и зажевал смачно.

– У Святополка я был вчера утром, – сообщил он некоторое время спустя.

– У Святополка.

– Да.

– Где же это?

– В темнице, где же еще. Куда ты его засадил, там он с тех пор и сидит.

– А ты, стало быть, в гости ходишь.

– Нельзя?

– Можно, – неприязненно сказал Владимир. – Вот только не знаю, зачем это тебе.

– Он говорит, что никакой он не заговорщик. И что все это клевета. И вообще его надо отпустить.

– Это он так говорит, что его отпустить надо, или ты сам так считаешь?

– Я сам так считаю. С ним интересно. То он истории рассказывает разные, то мы с ним в игры играем всякие. Вчера вон в шахматы играли. Он говорит, что хоть ты его и не любишь, он тебя любит, и почитает.

– Отец! – раздался звонкий, но низкий и густой, женский голос. В помещение вбежала привлекательная молодая женщина. – К тебе гости из дальних стран!

– Дура! – закричал Владимир, приподнимаясь из-за стола. – Сколько тебе раз велено не носиться по комнатам как кобыла гривастая по пастбищу! Посмотри в окно! Что там?

– Киев, отец ненаглядный мой, – с притворным смущением и испугом ответила женщина. – Как есть Киев. Я тут было подумала, что Чернигов, или, чего доброго, Лютеция, а тут смотрю – Киев.

– Так вот должен быть в княжьем дворце порядок и, как говорят франки, этикет. Ну и дети у меня. Что сыновья, что дочери.

– А ты вчера опять напился? – спросила она радостно у Бориса. – То-то я слышу вы тут оба кричите, как на торге. Отец! К тебе дорогие гости, много лет не виденные светлыми твоими очами.

– Докладывают слуги, – заметил Владимир.

– Да какие там слуги! Александр приехал. Сам Александр!

– Александр Великий? – переспросил Владимир. – Тот, что узелки развязывает и с этим... который в бочке... болтает?

– Перестань, отец! Будто ты не знаешь, какой Александр.

– Знаю. – Владимир почесал в затылке. – Ты в него влюблена была когда-то.

– Ах, оставь пожалуйста! Женат он, с женой приехал. Будет сегодня пир! Будет он рассказывать! Наконец-то в тереме появился человек, умеющий толком что-то интересное рассказать. А то все очень заняты государственными делами.

Борис икнул и снова налил себе бодрящего свира.

Владимир покачал головой. Дочь свою Предславу он очень любил, по-своему, и позволял ей очень много, и был даже рад, что не выдал ее пока что замуж. Княжским дочерям ждать не опасно. Их можно и в сорок лет замуж выдавать. А ей только двадцать. Ну, хорошо, двадцать два. Ну, пусть является Александр. Старый воин, не желающий выглядеть старым воином. Бабник и проходимец, но умен, смел, и не враждебен. Женат он? Надо же.

– Что ж, зови Александра.

Александр вошел энергичной походкой, клацая сапогами по мраморному полу. Франкский плащ перекинут через согнутую руку. Владимир не удержался – встал и пошел навстречу. Не давая Александру поклониться, он горячо и искренне его обнял.

– Здравствуй, здравствуй, негодник, – сказал он.

Борис тут же взревновал Александра к отцу. Долговязый Александр и маленький Владимир вместе выглядели глупо. И вообще – является неизвестно откуда, а ему вон какое радушие выказывают. Вот его надо вместо Святополка посадить в темницу. Он быстро налил себе еще полкружки, пожалел, что это не брага, и выпил.

– Пойдем в покои, – Владимир кивнул Александру. – А ты, – он повернулся к Борису, – не пей больше, да выйди разгуляться. Но учти. Не до самой ночи. Если придешь после захода солнца, я тебя запру на месяц, как барышню, в светелке. Не шучу.

Борис проворчал что-то невразумительное и опять икнул.

В покоях Владимир и Александр опустились в венецианские скамели. Гость тут же закинул ногу на ногу, локоть небрежно отбросил в сторону, и подмигнул Владимиру.

– Ты все такой же, – отметил Владимир, не осуждая. – Что слышно?

– Предпринял я, князь, путешествие по миру с молодой женою моею, – ответил Александр нарочито степенно.

– Жена твоя из каких же родов будет?

– Из италийских.

– Ну да?

– Хотя, по правде говоря, из саксонских.

– Это как же?

– Родилась она на туманном острове, но после долгое время резидентствовала на лазурном южном берегу, и я к ней там присоединился. Дом сейчас строится, совсем рядом с Венецией. А мы пока что ездим по миру. Не по всему миру, а только по цивилизованной его части. Развлекаемся.

– Что ж ты ее не привел?

– Пусть поспит. Она утомлена путешествием.

– Где же ты был?

– У франков был. У немцев был. У датчан был. У норвежцев. У шведов. Ну и по славянским землям поездил такими, что ли, зигзагами, – Александр показал рукой, какими, – как, вроде, ладья против ветра идет. Был, стало быть, в Новгороде, в Муроме, в Ростове, в Полоцке.

Перечисление городов насторожило Владимира.

– А в Черновцах был?

– Не доехал еще. Ну, это как в дальнейший путь соберемся. Да и стоит ли там быть?

– Договаривай.

– Да, вроде, все.

– Нет, не все, – Владимир пристально смотрел на собеседника. – Это неспроста. Перечисляешь города, где в посадниках мои сыновья сидят, либо числятся. Стало быть, мысль есть какая-то за всем этим.

– Есть. Помнишь, когда я уезжал, спрашивал ты меня?...

– Да, – подтвердил Владимир. – Да, точно, было.

– Что же спрашивал?

– Спрашивал, что будет с моим наследием.

– Ты, наверное, шутил, – заметил Александр. – По обыкновению. Но я пообещал подумать и посмотреть. И вот я подумал и посмотрел. И, не заехав даже к батюшке моему, который, впрочем, все равно сейчас обедню служит, на коей наихристианнейший князь почему-то не присутствует... явился я к тебе. Посмотреть – все ли тебе еще интересно, или же нет.

Сейчас будут неприятности, подумал Владимир. Возможно крупные. Алешка всегда разговаривает много, когда крупные. Лень. Не хочется. Не хочется заниматься неприятностями.

– Да я и так все знаю, – уныло протянул он. – Ну, подерутся сыновья, не без того. Я тоже с братьями дрался. Будущее Руси – вон оно, в соседней комнате, похмеляется.

– Нет, – возразил Александр. – Вовсе не там, и вовсе не в Киеве. Но тебе это неинтересно. Расскажу я тебе лучше про немцев. У них есть одна забавная легенда...

– Нет уж, ты договори, пожалуйста.

Александр с сомнением посмотрел на князя.

– Правду сказать?

– Да.

– В темницу не посадишь?

– Сейчас вернется Добрыня, – пригрозил Владимир, – и я его попрошу, по старой памяти, тебя за уши отодрать.

– Ага, – откликнулся Александр, делая вид, что воспринимает это, как серьезный аргумент. – Ага. Ну, раз Добрыня, то придется договорить. Придется. Да. Ну, что ж. Сыновья у тебя, князь – как на подбор. Упрямые, кичливые, недоверчивые, и не любят друг друга – страсть. И каждый заранее готовится занять киевский престол. Для чего ему придется драться с остальными. Каждый думает, что его поддержит народ. Каждому нет никакого дела ни до народа, ни до тебя. Каждый сам себе великий правитель. Кроме одного.

Лицо Владимира ничего не выражало и не отражало, оставаясь спокойным и благодушным. Александр мог острить и язвить, сколько ему угодно – Владимир был абсолютно спокоен, вел светскую беседу.

– Кто же этот один? – спросил он.

– О! Это особый юноша, совершенно особый.

– Юноша?

– Это я в ироническом смысле. Это я шучу так.

– Понимаю.

– Другие братья меня принимали, как купца какого-то. Равнодушие проявляли. Подобострастия не проявляли. Несмотря на то, что знали, что в Киеве я побываю и к тебе зайду. А вот один проявил, не подобострастие, но настоящее, неподдельное гостеприимство. Он меня кормил, поил, и обхаживал целую неделю. Он водил меня на народные гулянья. На представления. Хвастался строительством. Сходили и на службу. Нехристь он тот еще, конечно, несмотря на воспитание. А с женой моей держался, будто она королева всей Скандинавии. Теперь я его друг лучший на всю жизнь.

Владимир помолчал, выжидая. Лучший друг. В общем, понятно, к чему клонит Александр. Но пусть договорит.

– Ну так что же? – спросил он.

– А то, что не я один его лучший друг. Думал я – может, слаб он? Глуповат? Ведь раньше он, вроде, был и слаб, и глуповат. Женщин не признавал. Жил угрюмо. И вдруг изменился. Но посмотрел я, что у него в городе происходит – оказалось, нет, напротив. В городе порядок. И не в каком-нибудь там Муроме, а в Новгороде! Где сроду никакого порядка не было. Там же и немцы, и шведы, и италийцы, а уж славяне – со всех концов, и все со своими порядками. Новгород буянил день и ночь, чуть что, сразу кто-нибудь хрясть в колокол, все сбегается на вече и начинают буянить. Ты там был посадником во время оно, ты помнишь. Ну так вот – этот человек изменил вольный город. Говорят, что городом правит вовсе не он, но его дружок, именем Житник. Неправда это. Житник может думать, что правит. На самом деле сынок твой просто не хочет его в этом разубеждать. Новгородцы его, сына твоего, терпеть не могут, по секрету говоря. Но – уважают. За глаза его честят, но пойдут за ним в любую свару, с кем угодно. Тебе не верили, а ему поверили. И, знаешь, князь, неудобно мне было. Вот мы с тобою сидим теперь, и чувствую я себя свободно и спокойно. А с ним я сидел – так хотелось пригнаться, а входил он – хотелось в пояс кланяться. Братья будут драться, а он будет ждать. И когда они все передерутся, он придет и сядет на престол в Киеве. Не сомневайся. Так что, если ты собираешься посылать гонцов за данью в Новгород, мой тебе совет – повремени. Повремени, князь! Не было бы беды. Что-нибудь придумаем, но нужно время.

Возникла тяжелая пауза. Владимир напряженно думал.

– Ты, Алешка, говорить умеешь убедительно очень, – заговорил он наконец. – Тебе бы послом в иные страны ездить. Потом эти страны можно было бы голыми руками брать. Но что-то не верится. По-моему, Ярослав – очень недалекий. И не очень добрый.

– Ты тоже был в его возрасте не очень добрый.

С этим спорить было бы глупо. Итак, если верить Александру, а верить ему следует, поскольку нужно же в этом мире хоть кому-то верить, Ярослав стал опасен. Дело не в том, что он захватит всю власть по смерти Владимира. Как бы он сейчас не попытался ее захватить,

при жизни Владимира. Не на это ли намекает поповский сын? Хитрый народ эти греки. Ну, Александр грек только наполовину. Но пронизателен, не откажешь ему в этом. И ни разу еще не подвел. Верен слову.

О Содружестве Неустрашимых Александр не сказал Владимиру ни слова. Владимир был ему за это очень благодарен. Сказку о Содружестве уже год, как рассказывали друг другу члены киевской знати. Куда ни глянь – везде рука Содружества. Надоело. О печенеггах в Киеве – тоже смолчал, хотя печенеги давно всем поперек глотки, шлятся большими группами, лупят в свои доски, бац, бац, пританцовывают, говорят громко, разбоем балуются, слова им не скажи. Но – смолчал Александр. Умен.

Сначала пошел дождь, и улицы стали мокрые и холодные, и босые ноги тут же замерзли. Это было неприятно, но переносимо. Но потом вдруг какая-то толстая тетка закричала истошно, «Смотри куда прешь, мерзавец, сопляк, гаденыш малолетний, чтоб тебя разорвало, подлец, хорлов сын!» и стало совсем грустно. Илларион вынул из-за пазухи пряник и решил его для поднятия настроения съесть. Он очень спешил, потому что Отец Ипполит велел вернуться в полдень, а полдень давно прошел. Можно будет что-то соврать, конечно, мол, я не знал, что полдень прошел, но Ипполит всегда знает, когда ему врут. Взрослым он за это ничего не делает, хотя взрослые врут ему постоянно и увиливают, объясняя, почему не могут дать деньги на церковь и почему так редко ходят на исповедь. А дети врут реже, поскольку чтобы соврать, нужно говорить, а Ипполит не любит, когда дети говорят. Он вообще не любит детей. И дерет их за уши. Когда я вырасту, подумал Илларион, я буду всех детей очень любить и всегда давать им пряники, и не один, как Ипполит, он просто скупердяй, а несколько каждому. А может и нет. А может я также буду их ненавидеть, как Ипполит. Наверное, его тоже какой-нибудь взрослый, у которого он жил, обижал все время ни за что, и он теперь берет свое, а я буду брать свое, и так все время, до самого конца света, все берут свое, и поэтому у всех такие недовольные, мрачные лица, а в головах невежество и дурь. Когда же я вырасту наконец? Мне сейчас десять. Значит, скоро будет одиннадцать, а потом еще и двенадцать, и так далее, пока не будет шестнадцать. Это долго ждать надо. А пряник я уже съел. Даже не заметил.

А зачем мне вообще торопиться? Ипполит в любом случае меня выдерет. Поэтому можно и не торопиться. Можно заглянуть на двор к Михе, сыну Димитрия. Димитрий Миху любит, потому что родной сын. А меня никто не любит, потому что я сиротинушка безоглядная и несчастная. Миха сейчас наверное поел и играет со своей собакой. Собака у него большая, чуть ли не больше самого Михи, но Миху она боится, потому что он над ней все время издевается. Я тоже пробовал над ней издеваться. Она, михина собака, хоть и признает меня, и не лает, но мне издеваться над собой ни за что не дает. Один раз она меня даже за ногу ткнула. Не очень больно, но все равно обидно. Миха ее и за задние лапы таскает по всему двору, и водой обливает, и даже метлой по морде бьет. А иногда он еще делает вид, что очень на меня сердит, и тогда собака тоже начинает на меня сердиться, и я боюсь, что она меня схватит и загрызет, а Миха радуется. Вообще Миха не очень хороший человек, и если бы он не был меня младше, я бы его побил. Как вчера Даниила. Даниил меня старше на три года, и он большой, но я ему хорошо вчера врезал. Он не хотел давать мне свою рогатку, а я только хотел попробовать, какая она, крепкая или нет, и можно ли из нее метко стрелять, но Даниил стал кричать и пугать, а потом обозвал меня каким-то словом, которого я не понял, но все равно это было оскорбительно, и я его побил. Он плакал, брызгался, и побежал жаловаться, но Ипполита не было на месте, а потом за Даниилом пришли его родители, чтобы везти его на ярмарку в Вышгород, и Ипполит ничего не узнал. Правда, отец Даниила все допытывался, где я. А я в это время во флигеле прятался. Отец Даниила очень громко кричал, по-гречески, что он самую

большую контрибуцию предоставляет этому бесполезному заведению для обучения киевских туполобых детей, и что заберет своего сына оттуда в настоящую греческую школу, но это он врет, конечно. Настоящие греческие школы есть при киевских церквях, только Даниила туда не пустят, потому что у него отец простой купец. Взрослые очень много врут. Дети тоже очень много врут, но меньше.

Не хочется идти. Ипполит мне надоел. Надо бы уйти куда-нибудь, вырыть пещеру, и спрятаться от мира, как в Писаниях написано. И там думать о Создателе. Зачем Создатель создал Ипполита? Меня – понятно зачем, я добрый и невредный. Но Ипполита-то зачем? Будь я на Его месте, я бы ни за что не создавал Ипполита. Такая сволочь, хуже варягов. И вообще – зачем греки? Нет, среди греков попадаются хорошие тоже, особенно дети. Кроме того, греки придумали культуру и математику. Кстати, математику могли бы и не придумывать. Такая тоска эта математика. Но культура – это хорошо. Я, правда, не понимаю толком, что это такое. Но вроде безвредная вещь – культура. А безвредных вещей на свете мало, в основном вредные. Поэтому культура – это точно хорошо.

А что я буду в пещере есть? Ну, найду что. Плоды там какие-нибудь, или охотиться буду, или рыбу удить. Я хотел бы охотиться на львов, но у нас львов нет. Львы только в Риме живут. И сражаются с гладиаторами. Вот гладиатором быть – не приведи Создатель! Все время то в цепях, то со львом сражаешься, то тебя плетью бьют за провинности, а провинности у всех есть. Вот Ипполиту нужно пойти в гладиаторы. Узнал бы тогда, как сиротинушек за уши трепать. Не крал я икону твою, не крал! И не знаю, где она! А если и крал, то может не для того, чтобы продать или еще чего, а для себя. Для того времени, когда я пещеру вырою. Нельзя в пещере без иконы – от домовых житья не будет.

Ну вот, это уже вроде наш двор. Неудачно как! Вон он стоит, Ипполит. С кем-то разговаривает. Обнимает. Тискает. Может, похорошеет? А мужик, которого он обнимает, такой же долговязый. Одет как-то странно. Ну вот, забасил Ипполит. Это он так радуется. Когда я урок правильно отвечаю, он тоже басит. Бу-бу. И улыбается. Это он изображает справедливость. Справедливость, Ипполит, была бы, если бы тебя за каждую провинность так же пороли, как ты меня. И не говори, что нет за тобой провинностей. Сам учишь – все мы грешны! Но ты свои провинности исповедовать идешь к соседнему попу, и он тебя слушает и квасом поит, а не порет.

– А ну, беги сюда, дурак! – крикнул Ипполит басом.

Илларион, опустив голову, вихляющей походкой вошел во двор.

– Хороший мальчик, – объяснил Ипполит гостю. – Хулиган и пакостник, но душа хорошая. Из местных он. Мне его три года назад дали в обучение, из него выйдет толк.

– Здравствуй, – сказал гость и улыбнулся.

Илларион недоверчиво посмотрел на улыбку. Улыбка была неприятная. Так улыбаются взрослые мужчины женщинам, когда хотят делать с ними блуд, а женщины начинают противно хихикать и отворачиваться.

– Э! – заметил вдруг гость. – У него ноги синие от холода! А ну, иди в сени, – велел он Иллариону по-славянски. – Иди, иди, сейчас мы тебя отогреем. А может, сразу в баню? Заодно и мне бы не мешало, – добавил он по-гречески, обращаясь к Ипполиту. – Жена моя покамест спит, а потом тоже в баню захочет. Надо натопить.

– Не люблю я эти бани киевские, – Ипполит поморщился. – Дикость.

– Зовут тебя как? – спросил гость, обращаясь к Иллариону.

– А?

– Имя есть?

– Илларион его зовут, – вмешался Ипполит.

– Отец, я ведь не тебя спрашиваю. Есть у всех нравоучителей такая дурная привычка – считать, что они все за всех могут сказать. Мальчик, – спросил он по-славянски, – как тебя зовут?

– Илларион, – буркнул Илларион, глядя мимо гостя.

– А меня Александр. Я тебе сегодня сказку расскажу. Италийскую. Или немецкую.

– Это хорошо, – серьезно произнес Илларион по-славянски. – Сказки я люблю. Но Отец Ипполит сказал, что сказки от лукавого.

– Что он говорит? – осведомился Ипполит.

– Говорит, что ты очень хороший человек, но не без странностей, – перевел Александр.

– Что-о?

– Но ничего такого он не имел в виду. Это он в похвалу тебе сказал. И еще сказал, что ты красивый, но очень длинный и нескладный, и ничего не понимаешь в банях, и одеваешься, как черт знает что.

Илларион постарался не захихикать.

– Александр, – веско сказал Ипполит. – Не учи мальчишку плохим манерам.

– Ну вот еще, – возмутился гость. – Не надо мне проповеди читать. Прикажи лучше натопить баню. Пойдем, Илларион, в дом. Копыта тебе потереть надо уксусом, и чаю индийского испить, горячего. Иначе сляжешь.

А он, в общем, неплохой дядька, сообразил Илларион. Если я ему понравлюсь, может он подарит мне свой сверд? Вон у него сверд какой. С таким никуда пойти не страшно. Если отец Даниила придет ябедничать, я только махну свердом, сразу убежит. Прямо к себе в Грецию.

Александр и Илларион парились долго. Тело Иллариона покрылось красными пятнами сеткой. Он сперва испугался, но потом Александр объяснил ему, что это специальная сетка, и у кого такая под кожей, тот не должен бояться леших и водяных, они его не видят. Потом был сытный обед, очень вкусный, и Илларион понял, что это Ипполит для сына старается, и решил, что это хорошо, и если Александр здесь останется жить, то обед будет вкусный каждый день, и даже, возможно, в Великий Пост, а то в прошлый Великий Пост я чуть с голоду не умер. Потом проснулась жена Александра и вышла в горницу, и они заговорили на непонятном наречии, жена и Александр, но жена Иллариону понравилась. Она была очень рыжая тетка, еще не старая, улыбалась ему, Иллариону, искренне, прежде, чем есть сласти, предлагала ему от каждой половину, а потом поцеловала в щеку, и Илларион чуть не сгорел от стыда, а Александр хохотал до слез. Потом Александр рассказывал Иллариону сказку за сказкой. Сначала про одного пастуха, которому три богини предлагали разные непристойности, чтобы он выбрал, которая из них лучше. Потом про самого главного из всех греческих древних богов, который превратился в быка, чтобы перевезти какую-то тетку через море с целью блуда. Потом про воина, который воевал с какой-то летающей теткой, у которой на голове змеи с красными глазами и огромными зубами, и все по-польски говорят, но на самом деле они не из Польши, а из других совсем, далеких земель. Потом про старика, который лежал на печи, лежал, почти всю жизнь лежал, а потом вдруг встал и начал убивать драконов и половцев, и даже ссорился с князем Владимиром, а родом старик был из города Муром. Илларион не помнил, где именно находится город Муром, но предположил, что в Греции. Потом была еще сказка про Бабу Ягу, но не такая, какие обычно бабки детям рассказывают, а страшнее и удивительнее. А потом Илларион почувствовал, что очень устал, и когда Ипполит стал с ним строго разговаривать, он вдруг заплакал. Тогда Александр взял его на руки и отнес в комнату, где Илларион спал и играл, и положил на кровать, и укрыл, и Илларион сразу уснул. А проснулся только к вечеру, и пошел посмотреть, где чего, и увидел, что в одной из комнат свет из-под двери, и встал под дверью.

– А ты не преувеличиваешь? – спросил Александр.

– Нисколько, – тут же заверил его Ипполит. – Если смута, да еще и Святополк выйдет на волю, тогда нас станут просто убивать, а церкви поджигать с четырех сторон.

– Неприятно, – резюмировал Александр.

– Очень неприятно. А что делать? Не бросать же мне паству. Еще хорошо, что ты уезжаешь – в Италию-то оно как-то спокойнее.

– Что-то мне уезжать расхотелось, – помолчав, сказал Александр. – Я тебе, отец, так скажу, либо ты едешь с нами, либо мы остаемся. В бунт язычников в данный момент я не верю, тут затевается что-то другое. И все же, я не хочу... Не хочу, чтобы ты... в общем, не могу тебя здесь одного оставлять.

– Я уж как-нибудь за себя постою.

– Да, наверное... Решено – я остаюсь. На время. Пока все не уляжется. Я не знаю, что именно замышляет Ярослав. Я не знаю, какое это отношение имеет к Содружеству Неустрашимых. Я не знаю, в каких отношениях Ярослав состоит с Содружеством. Я не знаю, какие планы у Содружества, и что они думают о Ярославе, и что о Святополке. Но что-то случится очень скоро. А тут еще печенеги эти.

– Неприятный народ.

– Весьма. Лупят в свои коробки, это у них вроде музыка такая. Сидят посредине улицы и грохают, грохают, и глаза при этом закатывают. Прохожие и рады бы сказать чего, да бояться.

– Пусть их. Печенеги наглеют, пока им позволяют. Насчет же собственно страшных наших дел... Ты обо всем сказал Владимиру?

– Все, кроме участия в этом деле Содружества. Он в него не верит.

– Не верит?

– Есть люди, которые не верят в суеверия. Или в дружбу. Или в любовь. Владимир не верит в Содружество Неустрашимых. Ярославу я представился дурак-дураком, но он что-то понял. И на ростовском хувудваге у меня были неприятности. Очевидно, он не хотел, чтобы отцу что-то рассказали, чего ему не следует знать. Возможно, он решил, что я понял многое. Это не так, но он так решил. А Владимиру я присягал, посему у меня нет права от него скрывать такие вещи.

– Что за неприятности?

– Да так. Ничего особенного.

– Варанги в Новгороде, говоришь.

– Да, и все прибывают.

– Может, он просто расхотел платить отцу дань?

– Может. А может, он решил предпринять путешествие в Африку или Индию. Может, мне вообще все это показалось, я ведь по натуре подозрительный тип. Но против сговора новгородской дружины и варангов Киев не устоит. В данном случае. Если Владимир не успеет подтянуть силы из близлежащих селений. А он не успеет, если Ярослав ударит сейчас.

– Вот к чему приводит власть, – сказал Ипполит в сердцах. – А ведь оба – хорошие люди, а Владимир еще и умный.

– Я бы не сказал, что Ярослав очень хороший. Ну, посмотрим. В общем, отводи-ка ты нам комнату в своем флигеле, на дверь вешай замок, без стука не заявляйся.

– Что за язык такой, на котором ты со своей супругой говоришь?

– Язык британцев.

– Ого! Цезарева окраина.

– Именно. Она у меня хорошая.

– Любая была бы хорошая. Я уж думал, ты до старости лет разврату предаваться будешь, позор на мою голову седую, но ты остепенился, и я тебя за это хвалю.

– Остепенился я не очень, но жену в обиду не дам, – объяснил Александр. – Иллариона твоего ты не очень мучай, хорошо? Чем-то он на меня даже похож.

Ипполит промолчал.

Глава третья. Эрик рассказывает байки

Перестав вглядываться, рулевой распрямился, пробежал по палубе, перепрыгнул на носовое перекрытие, и тронул Эрика за плечо.

– За нами погоня, – сообщил он бесстрастно.

Эрик обернулся. В этот момент волна подняла легкий кнорр на вполне опасную высоту. Балтика явно решила проснуться и разозлиться. Вдали видны были две темные точки явно искусственного происхождения, и находились точки эти в состоянии движения.

– Может, торговцы? – спросил Эрик.

– Нет, это боевые драккары.

Преимущество драккара в скорости. Два длинных судна с хорошими льняными парусами и крепкой командой догонят кнорр за час. При этом решительно все равно, кто это – пираты ли, наемные ли воины, или просто развлекающийся вельможа. Эрику эта встреча была совершенно ни к чему. Небо темнело медленно. Не стоит рисковать.

Эрик молча кивнул головой в сторону открытого моря.

– Волна-то какая, – поделился рулевой сомнениями.

– Топоры-то какие, – возразил Эрик. – Бредсверды-то какие.

– Нас они не тронут.

– Тронут. Как только узнают, что я здесь – еще как тронут.

– Это несправедливо, – заметил рулевой.

– Совершенно с тобой согласен, – откликнулся Эрик. – Разворачивай посудину.

Рулевой постоял в задумчивости какое-то время, повернулся к команде, и жестом указал на горизонт справа по ходу.

Кнорр развернулся, и бортовая качка сменилась кормовой. Дрянной шерстяной парус убрали, гребцы налегли на весла. Преимущество кнеррир в том, что они могут плавать в открытом море. Это не всегда хорошо кончается, но интересна сама возможность. Драккары в открытом море могут плавать только килем вверх, и то не очень долго.

Через час берега не стало видно. Погони тоже. Гребцы втащили весла и стали ждать появления звезд. Волны по-прежнему были высокие, но не очень злые.

– Стьюор-борд, человек, – крикнул вдруг рулевой.

Впереди, чуть справа по ходу, на поверхности болталось какое-то бревно, возможно обломок мачты.

– Рулевой, отдохни, – сказал Эрик.

– Я не устал. Это человек, говорю я тебе.

– Это бревно.

– Нет, человек. То есть, бревно тоже есть. Я не против бревна. Но есть и человек.

По мере приближения к бревну стало ясно, что человек действительно наличествует. Один из гребцов попытался придвинуть человека веслом, но не рассчитал, выронил весло, и, хрипло крикнув, упал за ним сам. Человек отделился от бревна и в несколько взмахов доплыл до гребца. Помогая ему взобраться на борт, он взобрался и сам, мотая головой и отвергая чью-либо помощь.

– Здравствуй, – сказал рулевой.

– Отойди, – огрызнулся человек с бревна. – Я вас не трогал, и рассчитывал, что и вы меня не тронете. Но вам понадобилось зачем-то... – он не окончил фразу, потому что голос его в этот момент дал петуха. Эрик пригляделся. На вид человеку с бревна было лет семнадцать.

– Тебя как зовут? – спросил Эрик, приближаясь.

– Тебе-то какое до этого дело? Я ждал наступления ночи.

– И что бы ты делал после того, как ночь наступила? – с любопытством спросил Эрик.

Человек вдруг вздрогнул всем телом и кашлянул. Зубы его застучали. Один из гребцов нехотя полез под кормовую часть палубы и вскоре вернулся с узлом.

– Плыл бы к берегу, – ответил человек с бревна.

– Это далеко, – заметил Эрик.

– Ничего не далеко! – возмутился человек, кашляя и ежась. – Вон там, – он показал рукой, – Лапландская дурная Лужа, в полуарже. Это что?

– Сухая одежда, – объяснил гребец, протягивая человеку узел.

– Ага, – сказал человек. – Что ж, спасибо.

Он опять вздрогнул всем телом. Пытаясь развязать узел, он невнятно ругался и ворчал, стуча зубами и тыкая и захватывая материю негнушимися пальцами, а потом швырнул узел на палубу.

– Так обсохну, – сказал он.

Эрик поднял узел и развязал его.

– Я мог бы ссадить тебя на берег, а мог бы и подвезти, если тебе по пути, – сказал он.

– Вообще-то, господин, пора бы и привал делать, – вмешался рулевой. – Жрать охота, горячего не ели три дня.

Никакого уважения, подумал Эрик. Сколько им не плати – знают, кто я такой, и никакого уважения. До чего люди все-таки противный народ.

– Ладно, – сказал он. – До Лапландской Лужи, положим, не пол-аржи, а все три, и вовсе не там она, а вон там, – он показал рукой. – Но, в общем, наверное действительно нужно где-то пристроиться. Драккары либо уже в Луже, либо тоже заночевали.

Ночь, несмотря на ветер, выдалась ясная. Жареная рыба показалась Эрику пресной, но человек с бревна ел жадно и молча, временами кашляя и вздрагивая.

– Жар у тебя, – сказал Эрик.

– Нет. И не такое видел, и не в таком побывал.

– Ладно, – сказал Эрик. – Давай знакомиться.

– А мы знакомы, – сказал юноша мрачно, вгрызаясь в рыбу. – Ты – Эрик Рауде. Я тебя в прошлом году видел в Ютланде. На празднике.

Эрик задумался.

– Точно, – вспомнил он. – Только ты тогда совсем мальчик был. Как же тебя зовут-то? Сейчас вспомню. Тор? Лиф? Нет, что-то более распространенное. О! Хелье. Точно, Хелье.

Юноша ничего не ответил.

– И что же ты здесь делаешь, Хелье? Помимо плавания на бревнах?

– Изучаю фауну, что же еще.

– И много успел изучить?

Хелье вдруг насмешливо посмотрел на Эрика.

– Ниддинг ниддинга видит, – сказал он.

Эрик не удержался – оглянулся по сторонам. Гребцы спали вповалку, кроме одного, но он сидел далеко и не слышал замечания. Большого секрета в том, что он, Эрик – ниддинг, не было. Гребцам это было прекрасно известно. Но вслух такие вещи лучше не произносить. Как говорят христиане – не след подвергать ближнего твоего соблазну великому.

Удивительно было то, что Хелье тоже оказался ниддингом. Что мог натворить этот семнадцатилетний... нет, пожалуй, все девятнадцать есть, при ближнем рассмотрении... ну хорошо, девятнадцать – но что он мог такое сделать, что теперь он был – пария, изгой, легкая добыча для любого, носящего сверд и любящего получить выкуп?

– Куда же ты все-таки едешь, Хелье? – спросил Эрик с любопытством.

– Еще не знаю. Может, в императорские варанги заступлю в Кьельгарде.

Эрик засмеялся тихо.

– Не возьмут, – сказал он. – Хлипок ты больно.

– Ну и что, – возразил Хелье. – Зато ловок и быстр.

– Теперь такие не нужны, – заметил Эрик. – Императорская охрана раньше была боевая и деятельная. А нынче, при Базиле Втором, она только для виду. Времена не те. А для виду требуются малые, на кряжистые дубы похожие. Поменьше соображения, побольше мяса. Кроме того, даже если ты дуб, платить все равно надо. Место в охране императора стоит денег. Это все славянские дела. Как славяне повалили в охрану, так сразу придумали, чтобы за это деньги брать. А у тебя денег нет.

– Ну, не знаю, – сказал Хелье. – Может, я в Хольмгарде остановлюсь. А то и в Киеве. Дело всегда найдется.

– Я бы на твоём месте ехал бы прямо в Африку, – сказал Эрик. – Оно, конечно, восточные князья спелись со славянами, и сами стали славяне, и колонии больше не колонии но суть независимые государства, все честь по чести, а только связи старые все остались. Для тебя, если не врешь, что ты ниддинг, что Каенугард, что Сигтуна. Везде найдут.

– А ведь ты тоже туда едешь.

– Нет. То есть, в данный момент да. Но это не конечный причал. Собираюсь я ехать значительно дальше. И предлагаю тебе ехать со мной.

– Это куда же?

– Далеко. Очень далеко. Что тебе делать у славян?

– А я сам славянин, – сказал Хелье. – Большинство предков из Смоленска.

– По-славянски говоришь?

– Не переставая.

Эрик засмеялся.

– Это хорошо. Но ты подумай. Рассказать тебе, куда я ехать собрался?

– Расскажи. Люблю байки.

А ведь действительно славянин, подумал Эрик. Вон какие скулы вздыбленные. А глазищи-то огромные, синие. Славянин Хелье, надо же.

– Когда-то, а было это давно, – сказал он, – отца моего сослали в Исландию, и я его там навещал.

Хелье доел рыбу, вытер руки о плащ, который выглядел не как плащ, а как тряпка, которой моют полы в богатых домах, лег на бок, подпер щеку рукой, и посмотрел на Эрика вопросительно.

– А дальше, за Исландией, есть еще один остров. И даже не остров, а большая земля, – сообщил доверительно Эрик, делая большие глаза. – Очень большая. Там хорошо.

– Чем же?

– Луга там, поля, солнце все время, и виноградные кущи, огромные. Каждая виноградина величиной с помпель. Пасутся там дикие коровы, молоко у них – как вино. И золото там есть, и серебро.

– И залежи горячей каши для завтрака в прибрежных горах, – добавил Хелье.

– С новым поколением невозможно разговаривать, – помолчав, сказал сердито Эрик. – Это влияние христианства. Все стали циничные и глупые, ничему и никому не верят, и делать ничего не хотят. Ты христианин?

– Да.

– Ну вот, что я говорил. Ну да ладно. Времени много, пока до Ладого доберемся, может надумаешь дослушать. Давай теперь спать.

До Ладого добирались долго. Эрик приглядывался к новому спутнику. Хелье, выпавшийся, повеселевший, и умудрившийся не заболеть после купания в балтийских волнах, ока-

зался приятным собеседником. Давешний его цинизм объяснялся, очевидно, усталостью. Слушал он охотно, с интересом, а комментировал мало, и Эрику это нравилось. Гребцы были люди неловкие, полностью поглощенные нехитрым своим делом, и на посторонние вещи отвлекаться не любили, поэтому до появления Хелье Эрик скучал. Теперь ему было весело. О себе Хелье говорить отказывался, и причины его ниддингизма оставались загадкой, но все загадки все равно не разгадаешь.

Поведал ему Эрик, что у Содружества Неустрашимых есть свои пути и свои связи, и даже тайные хувудваги с подставами, чтобы можно было быстро добираться из одного большого поселения в другое по суше, все время скача рысью. К примеру, из Константинополя в Каенугард – неделями добираются, ежели обычным путем, а путник с опознавательным знаком Содружества идет себе на юго-западную окраину Константинополя, и там, сразу за городской стеной, пройдя через Тибериевы Ворота, у конюшен, встречает нужного человека по имени Гильом Старый Франк, и тот дает ему лошадь, и разъясняет, как ехать к следующей подставе, а там другая лошадь, и через земли болгар добирается путник до Каенугарда в считанные дни, а подставы все тайные, спрятаны хорошо.

На Ладогe было очень холодно, но как только кнорр вошел в Волхов и начал продвигаться к Хольмгарду, сделалось теплее и уютнее. Величественная северная флора по берегам умиляла Эрика своей первозданностью, настраивала на торжественный лад. Он перестал болтать непрерывно о Винлянде, который якобы видел с какого-то совершенно безумного хребта в исландских горах, и перешел на легенды об истории этих мест, заговорил о скифах и их стычках с римлянами, о древних путях, о том, что там, где нынче кнеррир перевозакивают или переносят между реками, раньше были прорыты каналы, о древних летописях, в которых таятся разные непонятные премудрости, о Золотом Руне, которое хранилось когда-то именно в этих местах, или чуть южнее. Рассказывал он всегда интересно, завораживал, и Хелье нравилось.

Аржей за десять от Хольмгарда или, на местном наречии, Новгорода, заприметили прямо по ходу драккар, и Эрик решил больше не рисковать. Кнорр причалил к берегу. Эрик расплатился с гребцами, и они отправились дальше по реке, а они с Хелье, закутавшись в плащи, неспешно побрели по широкому хувудвагу. В предместьях начали им папаться навстречу, помимо местного населения, шведские, норвежские, и датские ратники, конные и пешие, в неожиданном больших количествах, и оба, Эрик и Хелье, не стовариваясь, даже не кивнув друг другу, сошли с хувудвага на лесную тропинку и продолжали путь под прикрытием тени деревьев. У Хелье не было с собой даже кинжала.

– Откуда их столько в этих краях, – озабоченно сказал, а не спросил, Эрик, молчаливый против обыкновения.

Хелье не ответил, хоть и знал – откуда и почему. Ранее, неосновательность его положения как-то не приходила ему в голову, было не до того. Теперь же, когда Эрик примолк, а непосредственная опасность исчезла, у Хелье было время подумать о дальнейших планах, и планы эти были зыбкие, какие-то туманные, непрочные, необоснованные.

Средств нет. Есть две серебряные монеты в сапоге, на них можно предположительно раза четыре поесть, и все. Знакомых у него в Хольмгарде нет. Письмо от Олофа потеряно. Заявиться в потрепанном виде к Ярислифу, без письма – невысказано. Возвращаться назад? Это было бы самым разумным решением, но тогда он опоздает в Каенугард, и Матильда уедет неизвестно куда. Может, действительно плюнуть на все и поехать с Эриком, попытать счастья в дальних краях.

«Найдем что-нибудь» прозвучало достаточно неопределенно но, приглядевшись к уверенному шагу Эрика и выбору улиц, на которые они сворачивали не останавливаясь, Хелье решил, что Эрик знает, куда идет. В одном из темных окраинных переулков Эрик остановился, взглядываясь в двухэтажное строение за изгородью, деревянное, как большинство строений, но с претензией на стиль.

– Похоже на постоянный двор, – сказал Хелье.

– Не совсем, – откликнулся Эрик. – Но это именно то, что нам нужно. Обыкновенный крог, но хозяйка весьма необыкновенная, да и некоторые посетители тоже.

Пройдя через незапертую калитку во двор, они постучались. Дверь им открыла средних лет плотная, ширококостная женщина с румяным и радушным лицом, волосами цвета соломы, и большим бревнообразным носом, не слишком ее портящим.

– Эрик! – тихо воскликнула она, густо покраснела, и сверкнула синими глазами.

– Здравствуй, Евлампия, – Эрик улыбнулся.

Женщине хотелось обнять Эрика, но она не решилась. Некоторое время они молчали, любясь друг другом.

– Кто это с тобой? – спросила Евлампия. – Заходите, заходите.

– Попутчик. Звать Хелье.

– Как?

– Хелье.

– Красивый мальчик. Норвежец?

– Он говорит, что он славянин.

– Да ну? Пусть скажет что-нибудь по-славянски.

– Хелье, не откажи, – попросил Эрик, забавляясь.

– Зачем?

– Действительно, чисто говорит, не то, что ты, – одобрила женщина и улыбнулась обворожительно, сверкнув глазами.

Теперь покраснел Хелье.

– Жрать будете?

За сенями оказалось большое помещение с несколькими столами и большой печкой в центре, и со множеством посетителей.

– Это не срочно, – ответил Эрик к неудовлетворению Хелье, который был голоден до звона в ушах. – Нам нужны постели, и нам совершенно необходима новая одежда. Пошли человека к Луке Франку.

– Это мигом, – пообещала Евлампия. – Крайняя комната слева свободна. Гречин!

Откуда-то материализовался сонный и флегматичный малый с выступающей вперед нижней губой.

– Пойдешь к Луке, – строго сказала Евлампия. – Одежда. Два полных набора.

Эрик выволок из кармана кошель и дал Гречину четыре золотые монеты.

– Мне как обычно, – сказал он. – А для Хелье... – он критически оглядел Хелье. – А пожалуй ... да ... пусть подберет что-нибудь из местных фасонов. Будешь ты, Хелье, новгородский купец. А только вот что ... – он подумал, и к четырем монетам прибавил сходу еще пятнадцать. – К нужным людям иду завтра.

– Э! – заметила Евлампия, наблюдавшая за действиями. – Это ж десять сапов, милый мой! Княжеский кафтан купить надумал?

– Двенадцать, – поправил Эрик. – Встречают по одежке. Если я вместо одежды покажу нужным людям эти самые двенадцать сапов, эффект будет совсем другой. Так что, Гречин, рассветный мой, бери побогаче. Чего у Луки есть из богатого платья, то и бери.

Гречин не возражал и не удивлялся. Ему было все равно.

Посетители оглядели новоприбывших, и, в отличие от обычных завсегдатаев крогов, не попытались вступить с ними в разговор. Прав Эрик – необычное место.

Через час Эрик и Хелье, поев и выпив бодрящего свира и получив два свертка с одеждой, ушли в отведенную им комнату. Еще через час гости разошлись, а Гречин, позевав и поглядев, как хозяйка Евлампия что-то подсчитывает, отмечает, и царапает длинным стилем на бересте, растянулся на лавице и задремал. Вскоре из внутреннего прохода в круг вышел славянин Хелье в новой одежде. Для новгородского купца он, пожалуй, слишком молодо выглядел. Хорошие сапоги, отороченные мехом, длинная вышитая рубаха, а поверх рубахи – сленгкаппу на легком меху. Шапку с меховым околышем держал он в руке так, как будто боялся ее помять.

– Я посижу в уголку немного, ладно? – спросил он.

Евлампия улыбнулась радостно.

– Бодрящего свира хочешь?

– Да.

Сидя в углу, пробуя бодрящий свир и морщась, Хелье заметил, что Евлампия украдкой, но с большим интересом, его разглядывает.

Непроизвольным движением он поправил длинные белокурые волосы, а затем, уже сознательно, пригладил пушок над верхней губой, заменяющий ему в данной стадии физиологического развития усы, от чего Евлампия хихикнула в кулак и стрельнула глазами.

Допив, Хелье спросил хозяйку, нет ли на заднем дворе бани.

– Есть, – сказала Евлампия. – Натопить?

– Нет ли в доме сверда?

– Есть, как не быть. А что?

– Так, ничего. Я еще спущусь.

Озадачив таким образом хозяйку, Хелье поднялся обратно в комнату, подошел к кровати Эрика, и перевернул спутника со спины на бок, чтобы тот не так зычно храпел. Сев на свою кровать, он долгое время смотрел в одну точку.

Он выполнял поручение Олофа, но почему бы заодно не воспользоваться случаем и не устроить свои дела? Сходить за свердом. Отрубить голову человеку, который спас тебе жизнь. Вернуться в Сигтуну, представить страшное доказательство, получить выкуп от тестя убиенного.

Нет, не выйдет. И дело даже не в том, что нельзя, выполняя поручение конунга, заниматься чем-то еще. Хелье был уже не тот Хелье, что выехал наемни из Старой Роши, уверенный в себе, спокойный и храбрый в меру. Да, за ним погнались лихие люди, ищущие легкой добычи. Он так думал. Теперь он знал, что гнались вовсе не за ним, а искали Эрика – и это было еще унижительнее. Он потерял контроль над событиями. По неумелости, уходя, как он думал тогда, от пиратов, он позволил смехотворно пологой волне подтащить легкое судно к берегу и хрястнуть его килем о прибрежную скалу. Он потерял сверд, кошель с деньгами, и письмо Олофа к Ярислифу, и был настолько поражен этим бесцеремонным вмешательством судьбы, или Провидения, в его планы, что позволил течению отнести себя на аржу в открытое море. Нет, он, конечно же, греб одной рукой и колотил ногами, но как-то вяло. И надо же было такому случиться – именно в этом месте Эрик, дабы избавиться от преследования, повернул свою посудину к горизонту и выловил его, Хелье, из воды в тот самый момент, когда к посланнику Олофа вернулась воля к жизни и одновременно стало понятно, что до берега он уже не доберется. Он прекрасно плавал, но окончательно замерз и еле двигался. В тех переделках, в каких он бывал раньше, всегда был шанс выжить. В море этого шанса не было.

Теперь Хелье был человеком, видевшим смерть в лицо. Спасение его иначе как чудом назвать было нельзя. Балтика очень велика, а в каждых сутках есть двадцать четыре часа, в любой из которых можно пройти по любой точке Балтики. Вероятность встречи двух объектов в одном месте – никакая, особенно если учесть, что курсирующие по Балтике судна предпочитают ходить близко к берегу и не углубляться в серые и страшные водные пространства.

А как же Матильда, спросил он себя.

Он оглянулся, чтобы посмотреть на спящего Эрика. Вовсе не Эрик убил племянника конунга, но именно Эрик взял вину на себя. Благородный Эрик. Как же. Да, они видели друг друга в Ютланде. Год назад.

Кстати, зря он так боится. Земля большая, и Север большой, и встретить на одном из хувудвагов внимательного человека из Хардангер-Фьорда, где об эриковом статусе объявили официально, или из Сигтуны, где об его статусе знали несколько интересующихся такими делами охотников, почти невозможно, даже если очень стараешься. Большинство населения не знает в лицо даже конунга. Поэтому нечего шархаться от каждого, кто в кольчуге, тем более, что в Новгороде славян, носящих кольчугу, не меньше, чем варангов.

Глава четвертая. Рагнхильд

Два всадника, один рыжий, в одежде немецкого купца, второй русый, в одежде варангско-воинского типа, пронесли по хувудвагу вдоль Волхова на север, прочь от Новгорода. На седьмой арже к ним присоединился третий, блондин вельможного вида. Вскоре тройка углубилась в лес, не по тропе, но напрямую. Впереди ехал рыжий купец, ориентируясь по каким-то одному ему известным меткам или особенностям ландшафта. Ехали около трех часов, не рысью, но и не шагом, молча. Внезапно ведущий остановился, и ведомые остановились рядом.

– Где-то здесь, – сказал рыжий, озираясь по сторонам. – Надо привязать коней.

Всадники спешили. Некоторое время они шли через лес по прямой спокойным шагом, но вскоре начался подъем, а лес сделался гуще, что затрудняло продвижение. Наконец ведущий остановился.

– Вот, – сказал рыжий, показывая рукой.

Между деревьев чернело что-то, в чем угадывались прямые линии.

– Житник, – сказал вельможа, обращаясь к воину, – посмотри, что там. А мы с Эриком здесь подождем, флору поразглядываем.

Воин, носящий странное это имя, вынул из ножен сверд, отстегнул плащ, бросил его вместе с ножнами на землю, присыпанную хвоей, и произвел нечто вроде обходного маневра, в результате которого он вдруг исчез из поля зрения.

– Ежели действительно правда, – сказал вельможа, – будет тебе, Эрик, вознаграждение. Ты молодец.

– Какая мне выгода тебе врать? – возразил Эрик.

– Не знаю. Скорее всего никакой, как и большинству людей. Но люди все равно врут постоянно. А что тебе обещал Житник?

– Ничего.

– Вот видишь – врешь.

– Да.

– Ну так что же?

– Да так, пустяки всякие.

– Не хочешь, не говори, – вельможа пожал плечами, провел рукой по светлой, коротко подстриженной и ухоженной бороде, и присел на землю, уперев спину в ствол березы. – Что слышно на северо-западе?

Эрик повел плечами и посмотрел вверх. Какая-то местная птица заверещала недовольно в ветвях.

– Да так, все по-прежнему, – ответил он. – Болото.

– У нас болот больше.

– Это я в философском смысле.

– Ага.

– Спит северо-запад, – сообщил Эрик легкомысленно. – Спит себе и спит. Данию трянули при обращении, покуражилась Дания, покрасовалась, и снова уснула. Все как-то медленно происходит, даже несправедливость – и ту творят медленно.

Легкомыслие его было явно напускное. Что-то очень личное угадывалось в кажущейся беззаботности.

– Какая ж несправедливость?

– Да так... Не обращай внимания.

– Да ты меня не стесняйся, Эрик. Мы с тобой знакомы еще с Ростова. Ты что-то натворил, да? С кем-то хвиту не поделил, небось?

– И такое было.

– Ниддингом заделали?

Эрик некоторое время молчал. Он и раньше знал, что князь – человек проницательный. Но и это ему было уже неинтересно.

– Хочется чего-то нового, – честно признался он. – Уехать куда-нибудь в неизведанные края. Чтобы ничего привычного вокруг. Мне этого всегда хотелось, но сейчас особенно.

Да, подумал князь, страшнейший он непоседа, этот Эрик. И службу ему предлагать – пустое дело, завтра же сбежит. Жалко. Очень интересный собеседник. Всюду бывал, многое видел. Ему бы все это записать и оставить на память потомству. Писца, что ли, к нему пристроить? Теперь вот еще и в ниддинги попал.

Житник вернулся через четверть часа.

– Все так, как Эрик говорит, – доложил он князю. – Все ушли на какой-то праздник, кроме трех стражей, но это несерьезно. Засады нигде нет.

– Что за праздник? – спросил князь, поднимаясь.

– Языческий какой-то. Где-то у них тут есть место, где много идолов спрятано. Эрик наверняка знает, где.

– Может и знает, – ответил за Эрика князь, – но ведь не скажет. И правильно, что не скажет. А то ведь, как тоска найдет, сразу это место вспомнится, и придется собирать ораву, нестись сюда, убивать, жечь – а зачем? Они тут безвредные. Спрятались от Владимира, выжили – ну и ладно, пусть дальше живут. Варанги-язычники вон по территориям шляются, и ничего. Чем славяне хуже? Пусть. Пойдем, Эрик, с нами.

– Нет уж, – Эрик мотнул головой. – Вы идите, а я пока поразмышляю тут. Мне там делать нечего. Еще узнают, что это я вас туда привел. Мне потом сюда носа не покажи.

– Ну, как хочешь, – сказал князь.

Житник подозрительно посмотрел на Эрика, ничего не сказал, но вкладывать сверд в ножны не стал.

Внутренние помещения языческого оплота дверей не имели, а имели пологи да занавеси. Двое охранников, лежащие лицами вниз благодаря трудам предусмотрительного Житника, хорошо вписывались в сонно-тревожную атмосферу сеней. Вправо и влево тянулись проходы – вообще-то, подумал князь, язычники много взяли от христианских отшельников. Наверное и пещеры вырыты где-нибудь. Полom служила голая утрамбованная земля. Прямо по ходу угадывалась лестница, ведущая, очевидно, не в гридницу, и не в светелку, но в сторожевую вышку, скрытую от посторонних глаз разлапистой хвоей. У самой лестницы помещался темный силуэт – третий охранник – тоже лицом вниз.

– Живы? – тихо спросил князь.

– Живы, – лаконично ответил Житник.

Житник был умный и понимал, что трупы и приезд гостя, соединившись в сознании обитателей тайного поселения, дали бы этим обитателям неблагоприятные представления о вежливости князя.

Житник уверенно повел князя по левостороннему проходу. У четвертого полога он остановился.

– Заходите, гости, – раздался женский голос из-за полога.

Князь вздрогнул. Последний раз он слышал этот голос четверть века назад. Голос почти не изменился.

Старая женщина смотрела прямо перед собой в невидимый другим горизонт на уровне глаз. Располагалась она на соломенном низком ложе, сидела, прислонившись к стене и держась с максимально возможным для слепой женщины достоинством.

– День добрый, – сказала она просто. Интонация и выговор у нее были не простонародные варанговые, но чеканные, аристократические. Так говорили варанги, приближенные ко двору короля датского, будучи проездом в Киеве, Ростове и Новгороде.

– Здравствуй, – ответил Житник, явно во второй раз за день.

– День добрый, – тихо сказал князь.

Женщина повернула голову в сторону князя. На ее лице появилась улыбка – то ли радостная, то ли зловещая. Некоторые зубы отсутствовали.

– Не обманул меня Житник, – сказала она. Здравствуй, Святополк.

– Здравствуй, матушка, – отозвался князь.

– Не подходи, – предупредила старуха. – Не хочу, чтобы люди меня касались. Особенно мужчины, даже если они мои дети. А ты, Житник, выйди. Ты выйди, выйди. И учти, что от моего слуха не скроешься. Так что лучше не подслушивай.

– А я и не собирался, – Житник, стараясь придать голосу приветливую интонацию, шагнул к пологу и скрылся за ним.

– Давно мы не встречались, Святополк, – сказала старая женщина. – Совета, стало быть, пришел просить ты у меня. Дело хорошее. Давно пора. Будет тебе совет, Святополк, будет.

Князь молчал и ждал. Женщина запахнулась в свои нищенского вида тряпки, поерзала на ложе, и повернулась к князю боком. Профиль ее до сих пор сохранял сходство с греческими статуями, вот только нос, ранее почти идеально правильной формы, загибался теперь концом к губам.

– Много, много времени прошло, Святополк, – сказала женщина. – Что не говорят мне мирские, то сообщают волхвы. Знаю я все, что происходит в мире. Не быть тебе, Святополк, князем киевским, не быть. Не тебе владеть Градом Олеговым, не тебе.

Какая неприятная женщина, подумал князь.

– Но знай, сын мой, – продолжала она, – будет тебе счастье. Будет много счастья. Отстранись, сын мой, от властителей земных. Братья твои, владимирово семя, не любят тебя, и убьют, если не отойдешь. Найди себе хорошую, работающую девушку из норвежек и уезжай, подальше, хоть в Польшу, хоть в Рим, и живи как обычный боярин. Пусть землей этой владеют владимировы хорлинги, пусть. Земля эта и они – друг друга стоят. А тебе – да помогут тебе боги. Уедешь?

– Вот так, сразу? – удивился князь. – Но я ведь, матушка, старший.

– Старший-то ты старший, да не от Владимира. Уезжай. Уедешь?

Князь не ответил.

Старая ведьма, подумал он. Эка Владимир с тобой натерпелся. Раз в год навещал. Спал с тобой. Неделями задерживался, теремок твой содержал с подхалимами и кухаркой. А я вот и часу не провел еще, и четверть века до этого тебя не видел, а уже тошно. Хорлинги, стало быть, владимировы. Ну-ну.

– Нравится тебе совет мой? – спросила старуха.

– Не знаю, – сказал князь, помолчав. – Не нужно ли тебе чего, матушка?

– Нет. Сама о себе позабочусь. А Житнику доверяй. Он слуга хороший, ты его с собой возьми. Будет он служить тебе верой и правдой. А я дам ему талисман, чтобы вас обоих охранял.

Это еще что такое, подумал князь. Какой еще талисман? Ладно, Житник потом расскажет.

Когда Житник и старуха остались вдвоем, она повернулась к воину в фас и улыбнулась, на этот раз откровенно зловеще.

– Ничего не заподозрил? – спросила она.

– Вроде нет. Но кто ж его знает.

– Да. Хитрый он, весь в отца. Но если и заподозрил, это нам не повредит. Лучше бы ты, конечно, действительно Святополка привел.

– В темнице он, в Киеве.

– Да... Жалко его. Ну, слушай меня, сынок. Слушай. – Женщина вдруг усмехнулась, качая головой. – Насмеялась надо мной Фрея. Над гордостью моей. Столько сыновей, столько дочерей, и только один благородный, и он же слабый. Другие все рабского рода, хитрые да подлые, а единственный удавшийся – от безродного вятича произведен. Подойди да сядь.

Житнику не очень понравилось напоминание о его происхождении от безродного вятича, но делать было нечего, он подошел и сел. Мать и сын обнялись. Рагнхильд всплакнула по-старушечьи, беззвучно.

– Все равно мне, кто землей этой владеть будет. Все равно. Одно меня гложет, сын мой. Только одно. Жив аспид, жив. И нет ему, аспиду, наказания. Нет возмездия. Как вошел сюда давеча Ярослав, так холодом повеяло. Все я сразу вспомнила. Обещала я тебя, сын мой, наследником рода моего сделать. И сделаю. Но сперва заслужить должен ты милость мою.

– А я не заслужил? – спросил Житник, поддерживая разговор.

– Сыновний долг ты чтишь. Но есть еще долг родовой. Есть возмездие. Приведешь его, возмездие, в исполнение – будут у тебя богатства несметные и власть великая.

Платье золотое и морда красная, подумал Житник. О чем это она?

– Спасла меня Фрея, спасла, но не так, как я хотела. Фрея – шутница большая, – доверительно объяснила старуха.

Житник вдруг осознал, что не помнит, кто такая Фрея. Вроде – богиня какая-то.

– Привела она меня к вятичам этим. Они хоть и дикие, но хорошие. Спасла, дабы сохранился и продолжился род наш.

Да, подумал Житник. Вот только Фрея ли – неизвестно. Языческие поселения все пожгли, а это осталось. Они, правда, с места на место передвигаются, будто степные печенеги, и понадобился Эрик, чтобы след их отыскать. Ну так Эрик нашел, значит, мог бы и кто-нибудь другой найти. Не один же Эрик такой пряткий. Так вот – не сам ли Владимир, а вовсе не Фрея, уберег наложницу бывшую, не сам ли Красное Солнышко, душу свою темную христовым учением разворошив, позаботился о судьбе Рагнхильд? Нет ли княжеского приказа, мол, не трогайте дуру, пусть живет, как знает. Все может быть. Плохо то, что Владимир, где бы не появился, оставляет после себя своих людей. Спьенов, соглядатаев – а то и просто местных вербует. Чтобы знать, что было потом. И если узнает он об этом нашем визите – то совершенно неизвестно, что подумает и предпримет. Плохо дело. Я думал – действительно скрываются. А тут все на виду.

– Род наш богат, Житник. Богат и знатен. Беда только, что остались от роду этого ты да я. К самым именитым родам Содружества Неустрашимых принадлежим мы.

И она туда же, подумал он. Рассказывали волхвы, в детстве, а теперь каждого второго спроси – только о Содружестве и говорят. Содружество, впрочем, действительно существует. Вот только в смысле действенности оно – никакое. Использовать в своих целях его никак нельзя, даже если очень хочется.

– Я слышал о таком, но никогда не верил.

Женщина долго молчала, и он не хотел нарушать ее молчание. Она стала вспыльчива с годами. Следовало еще забрать у нее обещанный Эрику свиток с письменами и рисунками. И убраться отсюда по добру, по здорову, пока дикие не вернулись с праздника.

Женщина начала говорить. Говорила она долго и складно, иногда вставляя в плавную сигтунскую речь хлесткие славянские фразы. Славянский язык был ей знаком, как родной. Собственно, он и был ей родным, поскольку родилась она в Полоцке. Рагнхильд говорила о разложении и распаде Содружества Неустрашимых. По ее словам, варанги стали жадными, и это

послужило причиной распада. У Житника по поводу жадности любых правителей были свои соображения, но он опять промолчал. Главная сила, по мнению Рагнхильд, состояла в сохранении коренных родов, на которых все держится. Пока жива аристократия – будет и империя жить. Но в крепнущую империю варангов вдруг принесли христову веру монахи из пустыни. И тогда засомневались лучшие воины. Зачем, мол, быть воином, если можно быть купцом или даже смердом, честь одна и та же в глазах бога христиан? Перестали варанги верить в судьбу. Христовы рабы им сказали – каждый своей судьбы хозяин. Родился смердом – можешь стать воином. Родился воином – можешь стать купцом, если это кажется тебе удобнее и приятнее. И некому стало продолжать великое дело. И даже последние отпрыски коренных родов, льнувшие к Сигтуне, нанимаются в войско за награды и деньги, а не за свою воинскую честь. И то сказать – сам конунг Олоф христианин. Воинской доблестью стали торговать. Воинов всегда меньше, чем смердов. Смерды всегда знали свое, судьбой им отведенное, место. Но христовы рабы сказали им, что ничем они не хуже воинов. И смердам это польстило, и они поверили, и подчиняться перестали.

Старые люди склонны романтизировать прошлое, подумал Житник. Не за деньги, а за воинскую честь. Которую за деньги не купишь, естественно, и вообще раньше реки не замерзали и коровы сами доились. Надо же. Одно верно – раньше она была умнее.

Помолчав, Рагнхильд добавила, сменив высокопарный тон на прозаический, что, мол, экспансия все равно продолжается, но это просто по инерции. Может и присоединят варанги еще какие-нибудь территории, но центр потерян. Датский конунг Гарольд Синезуб не только себя, но и всю Данию одним махом обратил в христову веру. Во всех колониях, по всему Славланду, обратились все до одного князья, и особенно старались потомки Рюрика. Рюрикто, заговорщически понижая голос, поведала Рагнхильд, сам из простых был, власть получил обманом! И все его потомки – жалкие, алчные хапуги.

Вообще-то, подумал Житник, то, что они хапуги – правда. Но ведь, опять же, все властители так или иначе хапуги, вне зависимости от происхождения.

Эрика Ярослав застал за изучением местной фауны. Какая-то значительных размеров и пестрой окраски птица помещалась на одной из нижних веток. Эрик разглядывал ее с интересом, а птица разглядывала Эрика с недоверием.

– Эка гамаюн какой, – заметил Ярослав. – Яйца кладет размером с кулак, небось.

– Это самец, – сообщил Эрик. – Ну как, ты, стало быть, вышел раздышаться, а Житника оставил разговоры разговаривать?

– Вроде бы, – сказал Ярослав. – Секретничает старушка забавно, но очень длинно. Наконец-то представился случай.

– О чем секретничает?

– Я бы тебе сказал, да что-то не с руки. Тебе эти знания ни к чему.

Эрик усмехнулся.

– О Содружестве Неустрашимых она говорит, о чем же еще, – сказал он.

– Откуда ты знаешь? – удивился Ярослав. – Вовсе нет. При чем тут Содружество Неустрашимых?

– А она ни о чем другом ни говорить, ни думать не может. Это характерно для всех, кто воспринимает Содружество всерьез. Такая тряпина – без остатка засасывает.

– А тебе откуда известно о Содружестве?

– Покажи мне человека, которому Содружество не известно. Ты ведь тоже знаешь. И знал до прихода сюда.

– Знал. Но не очень верил. И сейчас не очень верю. А ты?

– А мне-то что? – гамаюнов самец вдруг посмотрел на Эрика с огромным удивлением, будто Эрик, всегда, в понимании гамаюна обходительный, позволил себе непростительную бестактность. Самец расправил крылья и улетел с достоинством, не желая, очевидно, слушать дальнейшие рассуждения рыжего хама. – Есть ли Содружество Неустрашимых, нет его, какая мне разница? Мне средства нужны.

– Ты бы взял средства у Содружества?

– Предложили бы – взял бы.

– Не предлагают?

– Вот ведь сволочи, – продолжил Эрик мысль Ярослава.

Ярослав усмехнулся и присел у дерева.

– Если Содружество существует, его можно было бы использовать, – предположил Эрик дальнейший ход мыслей Ярослава.

– Тебя такие подробности не интересуют, – сказал Ярослав, делая серьезное лицо. – Это все мелочи. Детали.

Эрик кивнул, сдерживая смех.

– Давно я тебя знаю, – сказал Ярослав, – а все не пойму – что же тебя на самом деле интересует?

– Водоизмещение, – ответил Эрик.

– А?

– Сколотить бы посудин двадцать или тридцать, – объяснил Эрик. – Не драккаров, не кнеррир, а среднее что-то. Путь в Исландию известен. А если из Исландии, при благоприятном ветре и течении, идти строго на запад, то из двадцати штук семь-восемь точно доплывут.

– Докуда они доплывут?

– Есть такая земля. Винлянд.

– Нет такой земли.

– Есть.

– Ну и зачем она тебе?

– Мне она ни к чему. Но может, кто-то еще заинтересуется. Даст средства.

– Я тебе обещал средства.

– Мало.

– Дам больше. Только объясни – зачем? Тем более, что по твоим же доводам, там, в Винлянде, никто не живет. Пусто. А в виноград и кисельные берега верится плохо.

– А мне любопытно.

– Станный ты.

– Ты только сейчас догадался, что я странный? – спросил Эрик насмешливо.

– На кого сына оставишь?

– Сына я беру с собой. Ему уж десять лет, пусть привыкает.

– К чему?

– К походу. К бортовой качке. К туману. К брызгам в морду.

Некоторое время они молчали.

Содружество Неустрашимых, думал Ярослав. Ни слова старая ведьма не сказала о Содружестве. А ведь должна знать, если конечно оно, Содружество, существует. Кому ж и знать, как не ей, полоцкой барыне. Может, Житнику расскажет?

Вскоре появился Житник, неся в руке какие-то письмена, скрученные в трубку. Эрик протянул руку к письменам.

– Зачем тебе? – спросил Житник, не давая письмена.

– Надо.

– Что-то здесь не так, – сказал Житник. – Это какая-то тайна великая. Если верить Рагнхильд, это очень древние письмена и рисунки. И малевали их какие-то страшнейшие волхвы лет четыреста назад.

– Давай сюда! – рявкнул Эрик, отбирая свиток. Поспешно развязав тесемки, он лист за листом просмотрел содержимое свитка.

– Что же это за волхвы такие? – заинтересовался Ярослав. – И что за грамота?

– Да какие волхвы! – Эрик отмахнулся, изучая рисунок. – Сперва отец мой писал и чертил, а потом я. Сам. Четыреста лет, надо же.

– Так это твои художества?

– Ага.

– А как они оказались у Рагнхильд? – спросил Житник подозрительно.

– Что там, а ну-ка, покажи, – попросил Ярослав. – Путь в Винлянд, небось?

Житник усмехнулся.

– Ничего смешного, – сказал Эрик. – Ага, вот оно.

– Что «оно»?

– Течение. Никак не мог я вспомнить, где оно. Стало быть, можно идти даже севернее, чем я думал. Оно, пожалуй даже и лучше. Ну что, боляре, разобрались с Рагнхильд, все выяснили, что выяснению подлежит?

Ярослав посмотрел на Житника, и Житник едва заметно кивнул. Оба посмотрели на Эрика, но он был занят рассматриванием своих карт.

Глава пятая. Дир

Уснул Хелье только под утро. Видел, засыпая, как Эрик наскоро одевается, спеша по каким-то своим делам.

Проспал до полудня. Выскочив на двор и поссав, он вернулся опять в комнату, повалился ничком на кровать, и задремал сладко. Эрик с тех пор не возвращался. Еще через час Хелье поднялся, походил из угла в угол, оделся, вышел в крог, нехотя позавтракал, и провел остаток дня в кроге и во дворе. Вспоминалась Матильда. Не безумие ли – ехать искать ее в многотысячном городе в расчете на то, что она сдержит обещание и убежит с ним? Да и вообще – как он должен расценивать ее поведение? Продалась греку за приятную прогулку по миру! И это – девушка, которую он, Хелье, любил. И теперь любит.

Любит.

Им овладела какая-то странная апатия. Делать ничего не хотелось. Хозяйка Евлампия пыталась строить ему из окна глазки, когда он сидел во дворе на солнышке, но он не обращал на нее внимания. Затем Евлампия отлучилась на несколько часов и вернулась серьезная и напуганная. Глазки она больше не строила, но, напротив, смотрела на Хелье с подозрением.

Посетителей в этот день было немного, и сплетничали и спорили они тише обычного. Выделялась жена какого-то ремесленника, с пухлыми руками и тонким ртом с загибающимся к низу углами, возмущенно выкрикивающая время от времени «Невозможно!» или «Ужас!» или «Вот же хорлы!», которой все время говорили «Шшш! Тихо, тихо!..»

Выходил куда-то прислужник Гречин, вернулся злой, и о чем-то шептался с хозяйкой в нехарактерной для него настойчивой манере, поглядывая на сидящего в углу общей гостевой комнаты Хелье. К ним подтянулись остальные посетители, человек пять, а вокруг Хелье образовалось пустое пространство. Обсуждающие события думали, что Хелье их не слышит. Хелье слышал каждое слово. У него был особый, тренированный Старой Рощей, слух.

Оказалось, что шведский контингент, прибывший по договору с Ярислифом (в обход Олофа, понял Хелье) в Хольмгард неделю назад, вел себя, как захватчики на оккупированной территории. В дома и лавки вламывались, в крогах пили, не платя, к женщинам приставали не разбирая, какая замужем, какая нет. Женщины по большей части возмущались, но известны были два случая, когда пристающие не встретили сопротивления, а это уже совсем никуда не годится.

Было также несколько убийств. Новгородцы, придя в себя, стали мало по малу реагировать на ситуацию. Имело место несколько вооруженных стычек, убитые – и шведы, и новгородцы – стали обнаруживаться на улицах каждое утро. Меж тем осмелел преступный элемент и количество краж и грабежей стремительно росло, благо все можно было списать на шведов.

В полдень народ собирался на вече, но каждый раз не хватало двух или трех весьма уважаемых горожан, бывших в отъезде, чтобы принять какое-нибудь решение по поводу дальнейших действий, или хотя бы пойти к князю, который отсиживался все это время в детинце.

Кто-то из посетителей хотел было предложить Хелье присоединиться к разговору, но Гречин его остановил, объяснив, что Хелье хоть и выглядит, как молодой новгородский купец, на самом деле – швед, и, возможно, специально следит за ними теперь. Посетители поочередно оглянулись на Хелье, и в глазах их была злоба.

К этому моменту гречинова рассказа в дверь постучали. Гречин замолчал. Евлампия, поколебавшись, пошла отворять.

Ничего особенного. Вскоре в помещении появился здоровенный парень лет двадцати двух, одетый в богатую рубаху, сапоги, и немецкого происхождения плащ, отороченный мехом. За ним следовала нагловатого вида смуглая черноволосая бабенка в добротной зеленой юбке-паневе и зеленом же наверхнике, с которыми контрастировали обыкновенные онучи и лапти.

Ромбоцитковые кольца у висков бабенки выглядели неряшливо. Глаза у бабенки были маленькие и, по-видимому, близорукие, нос с горбинкой, рот большой и чувственный, а тело хилое.

– Устали мы нынче, хозяйка, – густым басом сказал парень. – Выпить бы нам, да закусить бы нам, да уж и отдохнуть бы нам. Ты нас не обижай, – и он бросил на ближайший в выходу стол несколько монет.

Хозяйка забрала монеты и быстро управилась поднести гостям кувшин с брагой, кружки, и ветчину.

Бабенка уже сидела за столом, болтая коротковатыми тощими ногами, а парень долго возился, отстегивая внушительный сверд. Посетители, по обычаю этого крога, оглядели гостей, но не заговорили с ними.

– Необычный какой крог, – говорил парень, роняя сверд, наклоняясь, поднимая, и снова роняя. – Ни тебе гусяров, ни пряхи. И все притихшие какие-то. – Он стал основательно усаживаться, одновременно оглядывая посетителей. Бабенка молча налила себе и ему браги. Взгляд парня остановился на Хелье.

– Эй! Друг! Выпьешь с нами? – зычно спросил парень таким тоном, будто его собирались оскорбить, а он готов был на оскорбление ответить.

– Выпью, – откликнулся Хелье.

– Ну так иди сюда.

Остальные посетители обменялись недовольными репликами. Хелье обошел печь и подсел к новым гостям.

– Купец ты, что ли? – спросил парень, хмурясь.

– Купец, – согласился Хелье.

Парень повертел саркастически головой, взявшись за кружку.

– Трусливый вы народ, купцы. Сейчас вон, заметь, идем мы со Светланкой, смотрю я, стоит один швед и трех купцов за раз грабит. Остановил их и грабит. Я даже вмешиваться не стал, прошел себе мимо. Если они втроем не решаются одному шведу рыло почесать, то чего их защищать? Ну их. Сами же и грабители, вон какие цены на торге.

– Не все, – возразил Хелье, вступаясь за сословие.

– Ты со мной, малый, не спорь, – парень набычился. – Раз говорю все, значит все. Ты, эта, слушай, что тебе старшие говорят, а то недолго и по уху заполучить.

Какой неуживчивый, сварливый славянин, подумал Хелье.

– Все перепугались, – заявил парень таким голосом, будто ничего другого и не ожидал. – Попрятались, двери позапирали. И то сказать – астеры, что с них возьмешь. В Ростове бы такое от шведов не потерпели бы, а в Киеве подавно. Позорят новгородцы край наш. Шведы их презирают, и правильно. Я бы на их месте тоже презирал. Отец мой был воин, и дед воин, и прадед воин, и прапрадед воин... А эти астеры, торгаши новгородские... да...

– Молчи уж, – сварливо заметила бабенка Светлана. – Ростовчане твои лучше, что ли. Тебе бы только хвастать.

– Ты их видела, ростовчан? – тут же разозлился парень. – Да ростовчане, заметь, гнали бы этих удалцов до самой Швеции и дальше!

Раздался стук в дверь. Парень оглянулся по сторонам, посмотрел презрительно на Хелье, и бросил тихо, —

– Что, страшно? Ха. Шведы небось нагрянули. Ну-ну, посмотрим.

Он облокотился на стол и стал смотреть в сторону входа. Светлана хлебнула браги и стала злобно поедать ветчину.

– Не чавкай, – велел ей парень.

– Отвянь, – злобно и презрительно отозвалась она.

Хозяйка Евлампия с очень серьезным видом прошла к выходу. Вскоре в крог ввалились четверо крупного телосложения малых с хамоватыми лицами и наглыми улыбками.

– Не бойсь, хозяйюшка! – воскликнул один из них. – Не обидим! Тащи нам бодрящий свир, жажда мучит защитников земли новгородской! Хо! Эка он, хорла, меня по плечу задел. Здоровенный кулачище варанговый!

Ухари сели за стол ближе к печи и начали пировать, громко переговариваясь и смеясь.

– Хорошо себя чувствуешь, когда с врагом разобрался, – поделился один из них, вынимая из ножен сверд и осматривая его. – Как бишь он сказал? Беги вон?

– ПрыгАй! Он сказал прыгАй!

– Точно! «ПрыгАй, хольмгарден свинен!» А?

Все четверо засмеялись нехорошим смехом.

– Ну, – провозгласил первый, обращаясь ко всем посетителям крога сразу, – мы его там и порешили. За вас, народ честной, кровушку льем, жизни свои размеренные кладем. Он стал своих звать, да место было тесное да темное. Нет, врешь, брат, не дозовешься.

Светланка выпила полную кружку браги и налила еще. Парень ее слушал ухарей, не зная, одобрять ему их поведение или нет. Остальные посетители, делая вид, что им уже пора, стали расходиться по одному. Каждого уходящего парень одаривал презрительной улыбкой, время от времени поглядывая на Хелье и, очевидно, ожидая, что Хелье тоже уйдет. Но Хелье не уходил.

– Ладно, купец, – произнес парень снисходительно. – Выпьем!

Хелье подставил кружку, и парень наполнил ее до краев.

– А ты больше не пей, – наставительно заметил парень Светланке.

Она явно ждала именно этого. Ухари ее не интересовали.

– Какое твое дело! – возмутилась она базарным голосом. – Ты мне не указывай! На себя посмотри! Аспид, козел мордатый! Целый день меня таскал по городу, ноженьки мои ладные скоро подломятся, так уж и расслабиться мне нельзя и выпить! Ему видите ли не нравится, когда я пьяная, ах, ах! – последние слова она произнесла, искривив лицо и пискляво.

– Нет с нею никакого сладу, – пожаловался парень. – Меня зовут...

– Козел тебя зовут! Козел! – не унималась Светланка.

– Заткнись! Меня зовут Дир. А тебя как?

– Аскольд, – ответил Хелье, не задумываясь.

– Здравы будем, Аскольд!

– Будем, Дир!

– Козел!

Они выпили – парень почти до дна, Хелье только два глотка.

– Смотри не подавись, козел! – презрительно сказала Светланка.

– Чтоб ты окаменела, хорла! Перестань цепляться! – огрызнулся Дир.

– Кто цепляется? Я цепляюсь? Ты сам ко мне все время цепляешься! Всегда тебе все не так! Найди себе другую! Лучше жить хорлой на проезжих хувудвагах, чем под тебя ложиться! Клещ, подонок!

– Не нарывайся! – Дир с ненавистью посмотрел на подругу.

– Не нарывайся! – передразнила она пискляво.

Ухари меж тем, подождав, когда хозяйка поднесет им очередное блюдо, пригласили ее сесть. Она возразила, и тогда ее усадили насильно, и почти сразу придвинулись, облепляя ее со всех сторон.

Гречин, ошарашено озираясь, с тоской поглядывая на Диру, подошел к ухарям.

Сейчас его либо убьют, либо оглушат, а хозяйку поволокут насиловать, подумал Хелье. Дир и Светланка были увлечены своей семейной перебранкой, или делали вид. Один из ухарей встал и коротко ударил Гречина в скулу. Гречин схватился за лицо и подсел к соседнему столику. Остальные ухари одновременно встали и подняли на ноги хозяйку.

У Хелье не было сверда, а каждый из четверых хамов был крупнее и тяжелее его, и кулаки у них были как молоты для вбивания гвоздей в крепостные подпорки. Хозяйка попыталась закричать, но тут же смолкла. Возможно, ей показали нож. У двух ухарей имелись сверды.

– А ну пошли вон отсюда, – неожиданно выдал Дир ровным зычным басом и, чтобы до ухарей лучше и быстрее дошла суть, пояснил, – Я говорю, вон отсюда. Вот вы. Вон.

Он выбрался из-за стола и шагнул вперед, к четверым уставившимся на него хамам. Светланка воспользовалась моментом, чтобы налить и залихватски выпить.

– Ты смотри! – протянул с преувеличенным удивлением один из ухарей. – Возражает.

Владельцы свердов обнажили их и стали обходить Дира с двух сторон. Остальные двое оставили хозяйку, вытащили ножи, и авансировались к Диру напрямую. Дир ухмыльнулся и выхватил сверд, но перестарался. Желая для пушего эффекта описать клинком дугу в воздухе, он выпустил рукоять. Крутанувшись, сверд упал на пол плашмя. В этот момент один из свердоносцев зашел Диру за спину, примеряясь и балансируя. Лезвие сверкнуло, поднимаясь для удара.

И тогда Хелье, метнувшись через стол, жажнул тяжелой жестяной кружкой примеряющемуся в профиль. Лучше было бы лавицей, но Хелье справедливо решил, что не сумеет ее, пудовую, поднять и задействовать достаточно быстро.

Ухарь согнулся, схватился левой рукой за профиль, но сверд не выронил. Второй свердоносец махнул клинком по направлению Дира. С неожиданной для такого большого и нетрезвого тела ловкостью Дир увернулся от клинка и радостно, как показалось Хелье, ляпнул кулаком в морду ухарю. Тот качнулся, сделал два неровных шага назад, и рухнул на пол, разжав пальцы и выпустив рукоять.

Дир припал на одно колено и подобрал свой кладенец. Ухарь с помятым профилем атаковал его сзади, но Дир успел ускользнуть и в этот раз, и, перекатившись через себя и опрокинув столик и лавицу вскочил на ноги и встретил противника лицом к лицу. Хелье же, проскочив между оставшимися двумя ухарями, подобрал сверд поверженного и, чувствуя в ладони твердую холодную рукоять, сразу успокоился. Сверд в его руке вернул ему хладнокровие и нейтрализовал страх. Теперь он чувствовал себя как на учениях в Старой Роще. Он улыбнулся лучезарно.

– Ага! – крикнул он с азартом.

Двое с ножами, возможно, понадеялись, что пока они разберутся с Хелье, их свердоносный товарищ справится с Диром, или, во всяком случае, займет его. Возможно, они просто боялись Дира. Так или иначе, вдвоем они бросились на Хелье.

Варанг смоленских кровей вскочил на столик, поводя клинком из стороны в сторону. Ухари хотели было выбить столик у него из-под ног, но каждый раз, придвигаясь, обнаруживали острие сверда в двух дюймах от своих переносиц. Они пытались наступать одновременно, чтобы запутать противника, но непостижимым образом острие оказывалось все там же, перед глазами. Казалось в дело пущены сразу два сверда. Наконец один из хамов схватил лавицу и, тяжело размахнувшись, ударил – по тому месту, где мгновение назад находились колени и бедра Хелье. Легкий, пружинистый и очень устойчивый, Хелье соскочил со столика и тенью переместился хаму в тыл. Тяжелая рукоять с увесистым блестящим поммелем приложилась к уху атакующего. Не щадящий размеренной своей жизни, пронзительно крикнув, хам опрокинулся на пол и замер. В этот момент второй ухарь с ножом исхитрился схватить Хелье за запястье. Посланец Олофа рванулся, уворачиваясь от ножа, зацепился ногой за лавицу, стал падать на бок и ударился головой о край стола. Сознание помутнело и стало расплываться отдельными слоями. Ухарь прыгнул вперед, выставив нож.

Мгновенно оценив ситуацию, Дир отбросил своего противника далеко в сторону вместе со свердом (противник упал, и попытался встать, но получалось плохо) и тараном налетел на

ухаря сзади, хватая руку с ножом и ломая ее в двух местах до того, как оба они упали, ухарь лицом вниз, Дир на него, сверху. Что было дальше, Хелье не видел.

Очнувшись, Хелье обнаружил, что лежит на полу, а Дир присел рядом и льет ему, Хелье, на лицо воду из большой глиняной кружки. Шведский посол замычал, захлебываясь, сел, и начал кашлять. Он тут же свалился бы на бок или на спину, но Дир придержал его за плечи.

– Ну, Сварогу надо будет чего-нибудь... э... преподнести, – предположил Дир. – Очу-хался ты. Напугал ты меня. Я думал – помрешь. Вон какую сливу себе набил.

– Хррр... ффф, – сказал Хелье. – Хорла! Д... дай сюда кружку.

Он вылил содержимое кружки себе на голову. В глазах двоилось и заваливалось по дуге влево.

– Ты молодец... – неуверенно сказал Дир.

– Не басы так мне прямо в ухо, – потребовал Хелье. – Усади меня вон... лучше... вон на ту лавицу. Да.

Он попытался подняться. И еще раз попытался.

– Ну?

– Что – ну? – не понял Дир.

– Помоги, что ли.

Дир поставил его на ноги, но ни стоять, ни ходить самостоятельно у Хелье не получалось.

– Надо его растереть уксусом, – посоветовала Светланка, наблюдая за действиями Дира.

– Не лезь, – огрызнулся Дир.

– Пошел ты! – разозлилась она. – Пропади ты пропадом! Ухожу я!

Дир усадил Хелье на лавицу и посмотрел на Светланку исподлобья.

– Ага, – сказал он.

Она сделала надменное лицо, повернулась, и пошла к выходу.

– Дир, а Дир, – попросил Хелье слабо. – Отведи-ка ты меня... тут есть пристройка... крайняя комната...

Он мутно осмотрел помещение. Четверо ухарей сидели у стены, Гречин связывал руки одному из них – остальные были уже связаны по рукам и ногам, а хозяйки не было видно.

Дир кивнул, встал, и, подумав, просто поднял Хелье на руки.

– Вот с ним и еть, – сказала Светланка злобно.

Хлопнула дверь в сенях.

– Эка змея, – заметил Дир, неся Хелье вон из крога, в пристройку.

– На нее там нападут, – предположил Хелье, еле ворочая языком.

– Да не уйдет она никуда. Не такая дура.

В угловом помещении Дир уложил Хелье на кровать.

– Слушай, – заговорил он. – Слушай, Аскольд...

– Х...

– А?

– Меня зовут Хелье.

– Ты сказал – Аскольд.

– Не б... не будем об этом.

– Хелье? Ну, что ж, пусть будет Хелье. Шведское имя?

– Датское.

– Ага. Ну так вот, Хелье. Ты мне жизнь давеча спас.

– А ты мне.

– Это не важно. Ты первый. И я теперь твой должник. На всю жизнь. Мы теперь, заметь, как братья. Это такой ростовский обычай. Ты тут отоспись покамест, отлежись, а завтра добро пожаловать ко мне. Я тут сразу за городом, по течению, у реки устроился, в доме рыбака, предпоследнем. Спросишь – покажут. Я хотел было ехать через три дня в Киев, к князю Влади-

миру в дружину. Но теперь не поеду. Теперь куда ты, туда и я. Пока не представится случай услужить. Со мною, правда, Светлана, она холопка моя, да еще жена есть, Анхвиса, да слуга мой, Годрик, из бриттов, мы вместе выросли. Есть еще лодка, на которой я собирался идти. Я в твоём распоряжении, весь как есть.

– А что с теми четверыми будет?

– Сейчас придет тысячник, и их заберут к тиуну. А завтра их, наверное, будут судить и казнить. А может и нет. Не знаю. Я здесь проездом, обычаи мне не знакомы, и город мне не нравится. Астеры – дрянной народ. А ты?

– Я тоже проездом.

– А куда направляешься?

Хелье сделал усилие. В голове прояснялось постепенно.

– Тоже в Киев.

– Ну да! – обрадовался Дир. – Тогда вместе поедем! Не возражаешь? Это здорово! А зачем тебе в Киев?

– Невесту князю Владимиру сватаю.

– Шутишь? Ну да ладно. Надо, значит надо. Поедем вместе?

– Поедем. Только не завтра. Завтра у меня дела в городе.

– Послезавтра?

– Возможно.

– Так я буду ждать?

– Да. Жди.

Глава шестая. Хелье и Новгород

Эрик появился лишь утром, усталый и веселый, с солидных размеров мешком за плечом. Хелье перевернулся на другой бок и решил, что слушать не будет, а будет спать дальше, но Эрик опять рассказывал байки. Как он сговорился с князем, и как тот выдал ему грамоту и золото, и с помощью грамоты и золота он теперь поедет на Ладогу и будет там сооружать специальные полу-кноррир, полу-драккары, типа лонгшипов, для прохождения бурных вод между Исландией и Винляндом, который он вознамерился покорить и освоить с горсткой храбрецов. В мешке у Эрика брякало – очень похоже на золото. И в конце концов именно золотом и оказалось. Эрик запустил руку в мешок и бросил на кровать Хелье увесистый кожаный кошель. Хелье сел на кровати. Тут же в голове зашумело, но не сильно. Он потрогал шишку на лбу, у самых волос. Больно. Развязав тесемки кошелька, он обнаружил внутри золотые монеты.

– Мне пора, – сообщил Эрик. – Хороший ты спутник, Хелье, и очень хотел бы я, чтобы ты поехал со мной. Купи себе новую одежду.

– Племянника конунга убил Александр, – сказал Хелье.

Эрик круто повернулся к нему.

– А?

– Ты взял вину на себя. Ты не хочешь, чтобы об этом знали. Я никому не скажу, не бойся. Денег мне давать не нужно. Я, знаешь ли, не мальчик.

В глазах двоилось и троилось.

Эрик изучающе смотрел на Хелье.

– Не простой ты парень, Хелье. Мальчик или нет, но парень ты непростой.

К полудню Хелье чувствовал себя прекрасно. Нужно было попытаться поговорить с князем. Перед отъездом Эрик уверил его, что князь дома, в детинце. Но для начала следовало все-таки побродить по городу и зайти на торг, посмотреть на людей. В спешке серьезные дела не делаются.

Торг порадовал Хелье разнообразием и яркостью людей и предметов. Лавки и столы купцов и ремесленников, расположившиеся вдоль берега реки, были так многочисленны и пестры что, казалось, весь цивилизованный мир съехался сюда на популяцию посмотреть, себя популяции показать, и ближнего своего облапошить. Впрочем, облапошиванием здесь баловались редко – хранили купеческое достоинство. Немцы и славяне составляли примерно половину торговцев, остальные же были – кто откуда: скандинавы, итальянцы, франки, какие-то бритые азиаты со смуглыми лицами и сине-черными волосами, а также, очевидно, киевляне, которые не очень рекламировали, что они киевляне. Лавки различались конструкциями – от собственно лавиц и ховлебенков, предназначенных для сидения, но служивших прилавками, до целых торговых почти-домов, амбаров, складов с погребами. Обозы непрерывно подъезжали и разгружались, в Готский Двор носильщики несли и возили что-то тяжелое в мешках, а в нескольких приторговых скверах, огороженных плетнем, шли кулачные бои, представления смешных скорморохов, какие-то мистерии, и народ, собираясь по периметру сквера, жевал хлебные корки и восхищался, воплощая таким образом древний римский лозунг «хлеба и зрелищ!» в Новгороде Великом. В Скандинавии тоже были торги, но какие-то большей частью прагматические, деловые, и веселились скандинавы в других местах, не на торгах.

В одном из скверов вниманием толпы завладел симпатичного вида парень с гусями, одетый в стилизованный под недавнюю старину костюм. Гусяры носили такие сапоги и рубахи лет тридцать или сорок назад – один из учителей Хелье показывал ему рисунки. Кем это он

прикидывается, этот парень, подумал Хелье. Явно какой-то персонаж времен большой войны Владимира с печенегами. Как же его звали, того гусяра? А! Баян. Точно. Я даже несколько саг помню, отрывочно. Былин. Здесь саги называют былинами.

Певец выдал на гусях несколько каденций и зарядил малопонятную историческую сагу, состоящую из восьмистрочных неровных пассажей. Каждый пассаж он отмечал попаданием последнего слога в тонику.

– А как крикнет новгородец Стась Добрынюшке,
«Ты почто явился к нам, лицо упругое?
Аль не варят пиво в Киеве более?
Али теремы все заперты хорловы?
А возьму тебя я зб ухо за киевское,
А пойду тебя об стенку долбану тебя.
Новгородец я тупой, но с пониманием
Что от Киева не светит нам милости».

В толпе одобрительно смеялись и мудро качали головами, одобряя таким образом глубинный демографический смысл виршей. Хелье слушал вполуха, повернувшись спиной к скверу и рассматривая издали товар в оружейной лавке. В какой-то момент он все же не выдержал и подошел ближе. Выбор свердов поразил его. Шведские, новгородские, и киевские сверды были ему хорошо знакомы и различались мало. Но италийские легионерские короткие клинки, франкские грубоватые но повышенной прочности, византийские изящные, а также польские длинные, арабские легкие, немецкие широкие, с драконами, петухами, гербами, змеями на рукоятках, кильонах и поммелях, с узорами на лезвиях, с кровостоками, с зазубринами, варварские бриттские бредсверды, сицилийские расширенные полупалаши – Хелье был совершенно очарован всем этим изобилием и хватался за все подряд, примериваясь, уточняя центр тяжести, пробуя лезвия ногтем. И совсем уже безумной выглядела странная кривая сабля из неизвестных краев. Купец, видя энтузиазм коллеги, похваливал товар и доверительно сообщал, что сицилианские клинки сделаны из дамасской стали. Хелье не верил, улыбался, кивал, и запоминал. Пока они с купцом переговаривались, что-то произошло на северном конце торга, и толпа хлынула туда. Помедлив, Хелье оторвался от созерцания зловещего великолепия и присоединился к толпе.

Два новгородца сцепились с двумя варангами. Славяне вооружены были топорами для рубки дров. У варангов в руках опасно сверкали боевые сверды. Пробные выпады чередовались с длинными паузами. Толпа вокруг подбадривала схватившихся восхищенными криками. Возможно, скоморохи и баяновы песнопения ей надоели, и она, толпа, ветренная и капризная, как пресыщенная женщина, возжаждала разнообразия. Славянская сторона стычки сыпала ругательствами, а варанги презрительно и, показалось Хелье, испуганно, молчали и скалились. Наконец один из новгородцев пошел в решительную атаку, размахивая топором. Варанг сделал обманное движение, пригнулся, и резанул свердом. Брызнула кровь из руки новгородца. В этот момент второй новгородец, удачно изловчившись, ударил противника ногой под колено и, когда тот отступил на шаг, пригибаясь – рубанул сверху. Варанг успел увернуться, но не совсем – топор рассадил ему плечо. Новгородец кинулся на второго варанга, и тот побежал. Толпа захохотала. Тут же кто-то, очевидно – вдохновленный событиями, жажнул в вечевой колокол. Множество людей потянулось к пространству вокруг колокола, неожиданно быстро потеряв интерес к стычке. Двое раненых стояли на ногах. Новгородец стоял крепче. Поразмыслив и видя, что поддержки нет, он шагнул к варангу, прижимая окровавленную руку к животу, и что-то ему сказал. Варанг, очевидно, согласился. Вместе они направились к лавке, торгующей материей, на перевязку.

Хелье, посмотрев им вслед, подался за толпой в сторону вече.

Вечевой помост возвышался рядом с колоколом на пять локтей над землей, посередине площади – достаточно, чтобы с любой точки на площади участники могли бы видеть лицо говорящего.

– Новгородцы! – патетически скандировал оратор. – Доколе мы будем все это терпеть! Доколе, спрашиваю я вас, о новгородцы? Не подумайте, что я только к славянам обращаюсь! О нет! Не только славяне живут в Новгороде Великом! Али не ограбили на прошлой неделе пришлые нелюди Тевтонский Двор? Али нравятся италийцам приставания диких крыс к их женам и дочерям? Все мы новгородцы, у всех у нас здесь одна беда! Даже две! С одной стороны дикие разбойники в кольчугах, с другой – ковши! Кто там засмеялся? Али ты, добрый человек, думаешь, что киевские поборы тебя не касаются, что только купцы да ремесленники дань платят? А знаешь ли ты, что, чтобы Киеву свою долю получить, купцам да ремесленникам цены надобно поднять? А ковшам все мало! Что нам обещал Ярослав? Что дань уменьшит. Ну и что же? Уменьшил?!

Толпа гудела одобрительно, соглашаясь. Кто-то из купцов, стоящих рядом с Хелье, понимаяще ему кивнул, и Хелье счел своим долгом ответить понимающим же взглядом. Да, оратор был прав. На самом деле, Хелье не знал, прав ли оратор, но было интересно – что же дальше?

Вскоре выступила какая-то приличного вида женщина, чью подругу изнасиловал варанг, повстречавший ее в Любашкином Крое. Из толпы последовало предложение спалить Любашкин Круг, поскольку это вообще не круг, а вертеп, и если баба туда приходит, она должна знать, что ее там ждет, и так ей и надо. Возникли споры по этому поводу.

Тут на помост взгромоздился богатый купец и сообщил, что люди деловые готовы идти к Ярославу, дабы предъявить требования.

Человек пятьдесят самых знатных купцов и ремесленников потянулись к Готскому Двору, где они обычно собирались на толковище – направились, дабы обсудить пункты ультиматума и назначить представителя, как объяснил Хелье понимающий купец. Хелье пошел с ними.

Готский Двор очень ему понравился. Ряд жилых домов, амбаров и складов огорожен был ровным, мощным забором, который в определенных обстоятельствах вполне мог бы выполнять функции крепостной стены. Постройки выглядели очень добротно, с ровными симметричными стенами, надежными кровлями, удобными окнами, массивными дверьми. Над дверями нависали козырьки, поддерживаемые вертикальными стояками, явно изображающими колонны. Карнизы были резные. Построено было с размахом и расчетом на многие годы вперед. Хелье видел такие постройки раньше, в германских землях, во время паломничества в Рим. Очевидно, не зря германский властитель Хайнрих Второй считал себя продолжателем дела римских императоров. Строящие на века, всегда деловые и работающие, немцы, обитающие в самом сердце Европы, являли собою надежный ее костяк, оплот, краеугольный камень.

Смердов, холопов, и ремесленников помельче оттеснила немецкая охрана в тяжелых кольчугах. Ворота закрыли и заперли. Всю группу купцов и шестерых женщин – четырех владельцев кругов и, как понял Хелье, двух хозяек хорловых теремов – пригласили внутрь одной из построек. Большая зала с высоким потолком – как в замке. Подбежали расторопные слуги с гроздьями пивных кружек в руках. Гости сели на стоящие по периметру помещения лавицы. Хелье, которого приняли за своего (Эрик прав – встречают по одежке) уселся ближе к углу, между сердитым новгородцем, торговавшим шелками, и улыбочивым немцем, промышленляющим разной немецкого производства домашней утварью.

Хозяин дома, возможно, самый уважаемый купец в городе, обратился к собранию по-славянски, с сильным немецким акцентом, и говорил медленно, возможно для того, чтобы его понимали. Он вкратце описал положение и начал привычно председательствовать, указывая на поднявших руку и желающих высказаться.

– Что думать по повод сей уважаемый Йог Анн Удача?

Удача поднялся с места и горячо заговорил о несправедливости положения, недалёковидности Ярослава, низости тупых варангов, и тупости и жестокости низов.

– Дело даже не в том, что шведы безобразничают, – заявил он рассудительно. – Со шведами мы могли бы сами управиться. Но под шумок распоясались наши местные тати и разбойники. Шведов можно узнать по кольчуге. А наших как узнаешь? Вчера по пути домой разговорился я со смердом. Смерд как смерд. Шагаем вместе. Прихожу домой – нет кошелька.

– У Репуха позавчера дом ограбили, – рапортовал кто-то с места. – Двух холопов убили. Председательствующий поднял руку, подождал, и указал на другого купца.

– Беляк?

Беляк поднялся – степенный, важный торговец оружием.

– Это все разговоры праздные, – резюмировал он. – А мы здесь, чтобы решить, что делать.

– Надо выгнать варангов вместе с князем! – убежденно заявил кто-то вне очереди. – И пусть Константина заберут! Константин вертит князем, как хочет, а расплачиваемся за все мы!

Все разом зашумели. Кто-то соглашался, кто-то протестовал. Хелье сообразил, что «идти к князю дабы предъявить требования» было сказано для толпы. На самом деле следовало еще выяснить стоит ли с ним, князем, говорить.

– Он такой же, как его отец! – гудели старожилы, помнящие не по наслышке крещение Новгорода и методы, употребленные Добрыней и владимировой дружиной.

– Он сам полу-ковш, полу-варанг! – шумели люди среднего возраста, настроенные патриотически. – Что ему до наших интересов! А Константин вообще неизвестно кто! Темная личность!

– Он слаб! – возмутились те, кто помоложе.

Хелье молчал, и этим привлек внимание председателя. Председатель поднял руку. Когда говор стих, перст председателя указал на молчащего.

– Что думать новый поколений?

Нельзя выходить из роли, решил Хелье. Так удобнее.

– Думаю, что прежде, чем идти к князю или гнать его из города, следовало бы выяснить, чего хочет он сам.

Он просто слегка перефразировал одну из излюбленных поговорок инструкторов Старой Рощи: прежде, чем составлять план действий, узнай план действий врага, дабы не совпали планы ваши и не оказался бы враг в выигрыше благодаря совпадению этому.

Собрание задумалось. А что, здравая мысль, подумали купцы и содержательницы кругов. Но как узнать, чего хочет Ярослав?

– Надо у него спросить, – догадался кто-то.

В этот момент в дальнем углу, противоположном тому, в котором сидел Хелье, поднялся на ноги человек в обыкновенной купеческой шубе, которого почему-то никто не замечал ранее. Человек тряхнул головой и провел рукой по шее, высвобождая из под мехового воротника длинные светлые волосы. Новгородские купцы стриглись по большей части в скобку. Дружинники и тысячники, особенно те, у кого волосы были погуще, предпочитали носить их длинными, а бороду стричь коротко. Судя по длине волос, ни к купеческому, ни к ремесленному сословию человек этот не принадлежал.

– Совершенно справедливо, – согласился человек. – Прежде чем судить князя, надо бы спросить – чего он хочет. И советоваться в его присутствии, а не у него за спиной.

– Князь! – выдохнул кто-то ошарашено.

Несколько голосов повторили —

– Князь! Князь!

– Заглазно обвинять правителя своего – грех, – веско сказал Ярослав, положив руку на плечо председательствующего. – Решив избавить вас, друзья мои, от греха сего, пришел я к

вам, дабы не строили вы планов, не советуясь со мною, вашим законным повелителем и сердечным другом.

Хелье понравилась шутка, и еще больше понравилось, что, судя по реакции, никто, кроме него самого, не оценил княжий юмор. Таким образом он возвысился в своих глазах над остальными и стал вровень с князем интеллектуально.

– Увы, – продолжал князь. – Мне здесь приписывают тайные помыслы и даже враждебность. Друзья мои, уверяю вас, никаких тайных помыслов у меня нет. У меня есть желания, которые я не скрываю, сомнения, которыми я охотно делюсь с ближними, и опасения, которые со мной разделяют все жители Новгорода Великого. Я люблю власть – мне совершенно незачем это скрывать. Покажите мне правителя, который власть ненавидит. Нет таких, не так ли. Мне нравится вами править.

Он выдержал паузу, приняв на себя волну недоуменных взглядов.

– Править новгородцами – лестно, – заметил он.

За недоуменной волной последовала волна взглядов благодарных.

– Другого такого города на всем белом свете нет. Но, друзья мои, нельзя править городом, не заручившись одобрением горожан. Даже если бы я вас не любил, мне бы все равно пришлось бы поступать в соответствии с вашими интересами. Иначе вы сами давно бы меня прогнали. Невозможно управлять Новгородом только с помощью силы и угроз. Что я противопоставлю вам, сорока тысячам новгородцев? Сто пятьдесят ратников, половина из которых сами новгородцы? Повторяю, даже если бы я не любил вас, мне все равно пришлось бы вам угождать. А я вас люблю, дети мои, люблю всем сердцем своим, люблю, как ни один правитель вас не любил.

– Зачем же ты варангов к нам привел! – выкрикнул кто-то обиженный, но готовый, получив разъяснение, понять и простить.

– Зачем? – князь покачал головой. – Для защиты.

– От кого! Мы сами за себя постоим! – раздались голоса.

Князь улыбнулся грустно. Голоса смолкли.

– Что постоите, я знаю. Вашу храбрость я изучил хорошо. Храбрее новгородцев нет людей на свете.

Многие лица просияли воодушевленными улыбками. Даже Хелье почувствовал прилив гордости, хоть и вспомнил тут же, что в Новгород он прибыл только позавчера. Но все равно приятно было стоять среди всех этих храбрых людей и слушать любящего их князя.

– Я имею в виду *всех* новгородцев, – веско произнес князь. – Есть что-то в самом воздухе этого города, в воде Волхова, в лесных фрагранциях окрестностей, что делает людей, проведенных в Новгороде хотя бы год, храбрыми новгородцами вне зависимости от того, откуда они к нам прибыли. Я не был новгородцем, когда княжил в Ростове. Я был тогда духом слаб и взглядом уклончив. Сегодня я новгородец – такой же храбрый, как вы все, здесь собравшиеся, и славяне, и немцы, и италийцы, и греки, и самоотверженные наши женщины.

Теперь уже на всех лицах сияли польщенные улыбки, а глаза шести управительниц кругов горели пылким преданным огнем.

Князь продолжал —

– Но есть на свете люди незнакомые с этой нашей храбростью. Например, князь киевский. Ярослав выдержал паузу. Лица помрачнели.

– Который и сам был когда-то здесь посадником, но с тех пор многое забыл. И который принял решение удвоить дань Новгорода.

Возмущенный ропот пробежал по помещению.

– Это просто свинство!

– Это ни на что, хорла, не похоже!

– У ковшей аппетиты, хорла, знаешь ли...

– Подлые ковши совсем нас извести возблагодонамерились!

Хелье подумал – кто такие ковши?

– Обжоры ненасытные!

– Чтоб им там пусто было!

– Имперские амбиции!

– Кийевер швайн!

Ярослав поднял руку. Все стихло.

– И грозит нам Киев, как всегда, ильдом и свердом.

В зале зашумели.

– Выстоим! – закричали самые воинственные.

Остальные благоразумно решили просто шуметь, но не высказываться индивидуально. Храбрость храбростью, а как-то неприятно – ильдом и свердом.

– Конечно выстоим, – заверил Ярослав. – Но, как я понимаю, друзья мои, лучше до этого не доводить! Выстоим – но сколько жизней потеряем, сколько домов пожгут киевляне, скольких женщин успеют взять наложницами!

Последнее замечание произвело сильное впечатление на женское крыло. Есть женщины, мечтающие стать наложницами, но это, как правило, натуры слабые, податливые, родившиеся в небогатых семьях. Среди хозяек крогов и хорловых теремов таких не было.

– Князь киевский, как я уж говорил вам, забыл новгородскую доблесть, – настаивал Ярослав. – Забыл ее и Добрыня.

Упоминание Добрыни произвело эффект, на который, видимо, рассчитывал князь. Чуть больше четверти века прошло с тех пор, как владимиров воевода насаждал в Новгороде константинопольскую веру. Методы были памятны старожилам, а молодое поколение наслушалось рассказов из первых рук. Ильдом и свердом.

– Но помнят они варягов, – продолжил Ярослав, коверкая слово на киевский лад, дабы подчеркнуть, что он имеет в виду ход мысли киевлян. – Не захотят они ссориться ни с конунгом шведским, ни с конунгом норвежским. Подумайте, новгородцы. Да, варанги повели себя недостойно. Да, они дикие. Да, они бесчинствуют! Но сколько их? И где они? В Ладожском Конце была большая драка. В Ремеслах не поделили десять сапов. Мне тут говорили – по улицам после заката стало не пройти. Будто раньше можно было.

Раздались смешки.

– Это не относится к теперешнему делу, – заметил Ярослав, – но я давно говорю вам, новгородцы – мне нужны добровольцы для поддержания порядка на улицах после заката. Я не могу им платить – никаких средств не хватит! Нужно, чтобы каждый дом выделил хотя бы одного воина. Кольчуга, сверд, да факел – много ли надо! Чтобы хоть до полуночи можно было из крога домой, с торгового в крог. Третьего дня меня самого чуть не ограбили. Еще светло было, я возвращался с Подола в детинец. Выбежали какие-то двое, вот с такими вот мордами...

Присутствующие засмеялись. Хелье смеялся вместе со всеми.

– И что же? – полюбопытствовал кто-то.

– Пришлось кладенцом помахать, отступая, – признался князь. – Счастье еще, что кладенец при мне оказался. Ну так вот. С варангами мы уж как-нибудь поладим. А с Киевом не получится. Меня в детинце дожидаются посланцы с грамотой. Двадцать тысяч сапов годовых платили мы? Да. А теперь Киеву понадобились все сорок.

Волна ропота поднялась, прокатилась, усилилась, стихла на мгновение.

– Ну и прощелыга этот Владимир! – выразил кто-то в образовавшейся полу-паузе.

Тут же все притихли. Все-таки Ярослав – сын Владимира. Еще обидится!

– Только ли Владимир, – нарочито удрученно сказал Ярослав. – Если бы только Владимир! – он покачал головой. – У Владимира есть советники. Их много. А за советниками стоят киевляне. Неужто Владимир снимал бы с нас, новгородцев, последнюю рубаху без одобрения киевлян? Все платят – Муром, Ростов, Смоленск, даже Полоцк! Но больше всех – Новгород.

А чем киевлянам не жизнь? Им при таком раскладе сеять-жать не надо. Все, что надо, купят – на наши с вами деньги, дети мои.

Опять все загудели и зароптали.

– У них нынче народу больше стало, – объяснил Ярослав, не прося слушающих умокнуть, но вместо этого просто перекрывая шум великолепным командным баритоном. – Вот и желают они...

– Проклятые ковши!

– ... дань удвоить!

Теперь все говорили одновременно, возмущаясь и доказывая друг другу то, с чем и так были согласны.

– Какой же выход? – воскликнул кто-то.

Задним числом Хелье вспомнил, что уже слышал этот голос – в начале речи Ярислифа. Неужели только я один это заметил, подумал он. Впрочем, я ведь свежий, приехал вчера. А ярислифовы спьены наверняка из тех же купцов, к ним привыкли, вот и не замечают, что реплики подаются одними и теми же людьми. Впрочем, может быть я слишком подозрителен. Мне это все говорят – подозрителен ты, Хелье. И Матильда говорила. И пока я тут слушаю все эти речи да толкусь среди купцов, она там в Киеве с греком.

Ярослав поднял руку. Стихло.

– Есть выход, – сказал он. – Один-единственный. Но чтобы им воспользоваться, друзья мои, нужно вам стать за меня горой. Перед всеми. Перед Киевом. Перед варангами. Даже перед Константинополем. Не только вы, но и простые ремесленники, и смерды, и духовенство наше – все должны быть со мною единое-целое! Тогда будет выход.

– Какой? – настаивал тот же голос.

Ярослав выдержал торжественную паузу.

– Независимость, – произнес он с оттенком небрежности. Мол, я знаю, что вы все равно не согласитесь, так хоть подумайте.

– Независимость?

– От кого независимость?

– Когда независимость?

Ярослав улыбнулся. Снова все притихли.

– Есть Киевская Русь, – сообщил он и подождал, чтобы все присутствующие представили себе – есть она, Русь Киевская, ненавистная. – И есть Новгородский Славланд.

Молчание.

– Есть так же Швеция и Польша, – проявил кто-то познания в географии.

– Вот об этом я и говорю, – резюмировал Ярослав.

Мысль повисла в воздухе. Собрание напряженно думало.

Действительно, Новгород отличается от Киева не меньше, а больше Гнезно. Другие люди, другие мысли, даже язык другой. Ну, не очень другой. Но разница есть. А что понимаем мы речь тупых толстых ковшей – так мы и шведов тоже понимаем. И многое называем теми же словами, что и шведы – крог, торг, хувудваг, хвита, хорла, сверд, кнут, книга, хавлебанк. Так зачем же не стать нам независимым вольным краем? Зачем быть вассалами, если можно ими не быть?

Киев рассердится, и Киев придет с войском. Так он и так придет! Не можем же мы в самом деле сорок тысяч сапов Киеву каждый год отваливать! По сапе с каждого жителя, включая холопов!

– Правду ли говоришь нам, князь? – спросил кто-то.

– Странный вопрос, – откликнулся князь. – Зачем мне вас обманывать?

– Тебе лучше знать, зачем.

Ярослав вздохнул.

– Хорошо, – пожав плечами сказал он. – Я докажу вам, что говорю правду. Но обещайте мне, что станете за меня горой, когда убедитесь. Как только я дам вам доказательство, обратного пути не будет. Либо мы выстоим, либо нас всех убьют. Ну, некоторые выживут, так их сразу в холопья, и детей их тоже. Ну же. Обещайте!

Опять последовал ропот, но был он на этот раз другого оттенка.

Да решайте же быстрее, холопья дети, подумал Ярослав раздраженно. Торгаши паршивые, барышники никчемные. Сорок душ, да пять владимировых спьенов, да двое моих, да еще человека три – люди Марьюшки, сестренки моей ненаглядной, ведьмы киевской. В руках этих пятидесяти колченогих торгашей – моя судьба, да, собственно, и моя жизнь тоже. Обидно-то как.

– Посланцы Владимира ждут, – напомнил он мягко.

– Что же суть? – спросил молчавший все это время председательствующий. – Если доказательство предъявлено быть, то нужно соглашаться. Но только если доказательство.

– Да, – подтвердил Ярослав.

Еще немного посомневавшись, новгородцы согласились. В конце концов, если доказательство окажется несостоятельным – что же, можно будет обвинить князя в обмане. Или, в крайнем случае, уехать в Ростов.

– Идемте со мной. – Князь и зашагал к выходу.

Нестройной колонной собрание покинуло Готский Двор, прошествовало по улице вверх, мимо часовни, через вечерую площадь, и оказалось у ворот детинца. Входить не решались, и Ярослав знал, почему. За воротами была дружина, ворота запирались быстро, а убитых или закопанных заживо в землю в детинце хватало – об этом знали.

Правда, предположить, что Ярослав вознамерился разом уничтожить всю состоятельную верхушку города, было почти невозможно. Последствия такой акции – грабеж бесхозных домов и складов, пьяный разгул, и сразу следующий за этим голод – были слишком предсказуемы. Но как мало значит логика, когда у тебя за спиной – запертые ворота, а кругом ратники с обнаженными свердами!

Впрочем, сверды пока что находились в ножнах.

Увидев на лицах сомнение, Ярослав сделал вид, что колеблется, а затем жестом подозвал к себе одного из ратников. Когда ратник подошел, Ярослав протянул руку к его сверду. Ни о чем не спрашивая, ратник вытащил оружие и, держа его за клинок, вручил князю. Князь оглядел сомневающийся и совершенно наугад (во всяком случае, так всем показалось) показал свободной рукой на Хелье.

– Подойди.

Что это он задумал, размышлял Хелье, подходя к Ярислифу-Ярославу. Не рубанет ли он меня? Как бы половчее отскочить.

– Держи.

Рукоять сверда оказалась у самого живота Хелье. Вопросительно поглядев на князя и оглянувшись на толпу, Хелье принял сверд в ладонь. Сверд был обычный шведский. Новгородские клинки были, кстати сказать, лучше – прочнее и легче, как Хелье успел убедиться. Он распрямил и снова согнул руку в локте, определяя центр тяжести сверда. Попробовал лезвие ногтем. Снова вопросительно посмотрел на князя.

– Хорошо ли ты владеешь свердом? – спросил князь.

– Неплохо.

– Ты уверен?

– Да.

Ярислиф прищурился.

– А по-моему плохо. Да и хлипкий ты. Мне нужен кто-нибудь, кто хорошо владеет.

– Я хорошо владею.

– Сомневаюсь. Эй, вон ты там! – князь указал на какого-то купца. – Иди сюда.

– Я хорошо владею свердом! – возмутился Хелье.

– Да ладно, – князь пожал плечами. – Пусть хорошо. Но мы найдем того, кто владеет им очень хорошо.

– Именно. Я очень хорошо владею.

– Ладно, ладно. Не шути. Иди, парень, не задерживай нас тут.

– Я не шучу.

Раздраженный упорством Хелье, князь повернулся к нему лицом.

– Что ж! Покажи свое искусство.

Купец, указанный князем, как раз подошел и встал на расстоянии трех шагов от князя и Хелье. Хелье указал левой рукой на какую-то точку в небе. Князь и купец одновременно повернули головы и посмотрели в указанном направлении. В этот момент Хелье, подавшись вперед и вбок, махнул свердом. Клинок описал в воздухе замысловатый зигзаг – по диагонали слева направо, вертикально вниз, и снова слева направо. Прodelано это было молниеносно. Князь заметил движение, но не понял цели – сперва. Тут же цель выяснилась – сленгкаппа и рубаха купца оказались разрезанными спереди, сверху до низу. Купец сделал движение, разрывая таким образом последнюю держащуюся нитку гашника, и порты его упали к коленям. Гости снаружи и дружинники внутри детинца захохотали. Князь, посмеявшись вместе со всеми, положил руку на плечо Хелье и посмотрел ему в глаза. Тут Хелье и понял, что он дурак и что его провели, как мальчишку. Из купцов, бывает, получают хорошие воины, а некоторые купцы специально учатся владеть оружием, но редкий купец поедет для этого в Старую Рощу. Щенок я, подумал Хелье. Обиделся, расхвастался. Кретин.

– Как зовут тебя, удалец? – спросил Ярислиф, когда смех стих.

– Аскольд, – ответил Хелье.

– Вот и хорошо. Следуй прямо за мной, вплотную. Если заподозришь что-то неладное, можешь рубить меня свердом. – Он посмотрел на остальных. – Согласны?

Они были согласны. Представление, в которое Хелье попал на правах главного действующего лица благодаря хитрости Ярослава, расслабило их, сняло напряжение. Купцы вошли в детинец.

– Ворота не закрывать! – приказал Ярослав. – Эй, кто там! – крикнул он по направлению княжеского терема. – Приведите сюда владимировых послов. Живо!

Один из ратников рысцей кинулся в терем. Пока толпа гостей переговаривалась и волновалась, а дружина нарочито скучала. Ярислиф открыто рассматривал Хелье, стоя к нему боком. Хелье, со свердом в руке, чувствовал себя нестерпимо глупо. Следовало выпутываться из дурацкого положения.

– Князь, я...

– Потом, потом, – отрезал Ярислиф безапелляционным тоном.

Наконец появились послы. Их было двое. Ярослав жестом пригласил их приблизиться.

– Новгородцы! – обратился он к пришедшим с ним. – Вот к нам тут гости из Киева приехали. Я их тут от вашего имени напоил, накормил, в бане помыл, на перину уложил, покрывалом укрыл, и приемом они довольны. Впрочем, давайте их самих спросим. Довольны ли вы приемом, гости дорогие?

Гости недоуменно переглянулись и кивнули. Они видели, что князь что-то затевает, но не понимали, что именно, и для чего в детинце целая толпа купцов. Не убивать ли их тут собрались?

– А привезли нам гости грамоту красивую от повелителя своего, князя киевского. И настала наконец пора знать вам, новгородцы, что в грамоте сей начертано десницею бестрепетной.

Ярослав протянул руку. Поколебавшись, один из посланцев вытащил из-за пазухи грамоту и подал Ярославу. Ярослав развернул свиток, быстро пробежал глазами текст, и зычно объявил —

– А написано в грамоте, что должны мы теперь, новгородцы, платить Киеву не двадцать тысяч сапов, но сорок. Ибо цены выросли на жирное киевское сало. Киевляне жалуются. Так ли это, гости дорогие? Выросли цены? Говорите, не стесняйтесь.

– Но, князь... – начал было один из послов.

– Ты, гость, на вопрос ответь, да чтобы внятно, чтобы новгородцы мои слышали. Дорого нынче сало? Да или нет.

– Дорого, но...

– А платить нам вменяется сорок тысяч сапов. Вот. Да?

– Э...

Князь показал грамоту послу, ткнув пальцем в нужное место.

– Так?

– Так.

– Что ж мы князю киевскому на это ответим? – обратился Ярослав к новгородцам, комически изображая задумчивость. – Жалко киевлян, конечно. Похудеют ведь.

Новгородцы неуверенно захихикали.

– Ну, – размышлял вслух князь, – киевлян жалко, но самих себя все-таки жальче. А посему...

Он в два движения порвал грамоту и небрежно бросил обрывки на землю.

– Таков наш ответ. Но ведь этого мало. Князь киевский может неправильно понять нас, людей простых, особенно если объяснять вы ему будете сложно. Так чтобы он понял все, как оно есть, вот другая грамота, старинная.

Он вынул из-за пазухи другую грамоту.

Эка он все просчитал, подумал Хелье. Хорош конунг Ярислиф, хорош. Я вот стою рядом с ним, со свердом в руке, и выгляжу – глупее не придумаешь. Может, зарубить одного из посланцев? Можно и самого конунга, но он должен сперва жениться на дуре Ингегерд.

– Эта грамота вменяет нам платить Киеву то, что мы ему все это время платили. Двадцать тысяч сапов. И платили бы дальше, а только обидел нас князь киевский. Не хочет он с нами дружить. Холопами своими нас мнит. Так чтобы больше не мнил...

И Ярослав порвал и эту грамоту.

Новгородцы восхищенно ахнули, а дружина посерьезнела.

– Счастливого пути, – пожелал Ярослав послам. – На вашем месте я бы поторопился. Завтра утром пошлем мы гонцов по всем хувудвагам Земли Новгородской, оповещать города и веси, и народ честной, что законы киевские не распространяются на нас боле. И ежели киевский гонец в добром коне нуждается, то не может он брать себе коня даром, ссылаясь на Закон Олегов, а должен он платить столько, сколько спросят у него коня ононого содержатели. А ежели, в силу упрямства своего, заберет гонец коня силою, то будет он преследуем, ловим, и наказан по законам новгородским как конокрад, а конокрадам в Новгороде полагается в кипятке быть сваренными.

Только теперь осознали полностью новгородцы, что сделал князь. Стараясь сохранять бодрый вид, они расступились в стороны, пропуская киевских послов.

– Хорошо ли мое доказательство, новгородцы? – спросил князь серьезно.

Ответили ему не сразу.

– Да, хорошо, – сказал наконец знакомый Хелье голос.

– Поняли ли вы, на что мы вместе идем?

Новгородцы застеснялись отвечать.

– Я за вас, новгородцы, жизнь отдам, – заверил Ярослав. – А только вот что. Ежели усомнитесь вы хоть раз, да помедлите, буду я считать себя от обещаний свободным, и уеду с дружиной и варангами в Швецию, и пусть Владимир делает с вами все, что сочтет нужным.

У Хелье начала потеть ладонь. Последнее дело – потная ладонь на рукояти.

– Но верю я, новгородцы! Верю! Верю, что люди вы храбрые, добрые, и, главное, честные. Сказавши раз да, переговаривать не будете. Идите же пока что по делам своим и да будет с вами Бог.

Обернувшись к Хелье, Ярослав добавил тихо, прозаическим тоном, —

– Сверд ратнику отдай, с собой не носи.

Ратник подался вперед, и Хелье нерешительно протянул ему оружие. Князь, усмехнувшись, повернулся к Хелье спиной. До этого, очевидно на всякий случай, не поворачивался, машинально отметил Хелье.

Выходя из ворот с остальными новгородцами, Хелье прикидывал, что ему делать дальше. Возвращаться на торг? В крог? Бежать из города? Без сверда, в купеческой одежде, Хелье чувствовал себя беззащитным.

Его хлопали по плечу и спрашивали, где он так научился махать свердом, и смеялись нервно. Он отвечал машинально, не обращая внимания на смысл слов, ища глазами – ладью? коня? Наездник он был никудышный, навигатор, как недавно выяснилось, плохой. Держась середины улицы, стараясь оставаться в логическом центре толпы, идущей к торгу, Хелье прекрасно понимал, что за ним следят, и следят давно, с того момента, как он присоединился к толпе, шествующей в Готский Двор.

Торг одним махом превратился в расширенное вече. Новости обсуждались горячо, предложения выдвигались непрерывно. Стоит ли верить князю? Да. Соединил князь с нами свою судьбу. Что же теперь будет? Не будем платить Киеву. Это хорошо. Не платить всегда лучше, чем платить. Но Владимир может придти с ратью. Да. И что тогда? Будем драться, где живем. Он нас всех в землю вобьет. Не вобьет – мы ему нужны живыми и платящими. В крайнем случае, если не выстоим, будем платить, как раньше.

К Хелье подходили, как к человеку, державшему острие сверда в непосредственной близости от ярославовой шеи. Ему задавали вопросы. Его благодарили. Его хвалили.

К пристани подошла ладья, за ней вторая. Очень соблазнительно выглядели несерьезные швартовы. В оружейной лавке напротив поблескивали клинки. Схватить сверд, перерубить швартовы, и отчалить! По течению! Но всего в пятидесяти шагах грозно покачивались на свинцовой пологой волне Волхова княжеские драккары. Несколько взмахов весел, один крепкий порыв ветра в парус, и киль драккара протаранивает насквозь жалкую купеческую скорлупку.

Захочет ли князь выяснить, кто Хелье на самом деле? Хорошо бы, если так. Тогда бояться нечего. А вдруг не поверит? А вдруг решит, что я и вправду подослан? Что я спьен, либо убийца? А если уже решил?

Ну, если уже решил, то после того, как подосланный падает за борт, в спину ему с драккара летит легкое но прочное копье дружинника.

Глупое какое положение, хорла.

Часа три провел Хелье на торге, слоняясь между лавками и следя, чтобы вокруг былолюдно. Но солнце клонилось к закату, и постепенно торг начал пустеть. Сперва пекари, а за ними торговцы квасом и пивом, погрузили пустую тару на повозки. Затем торговцы сукном, все еще обсуждая княжеское решение, разошлись по домам, заперев лавки. Тут уж и все остальные начали складывать и прятать утварь.

Хелье шагнул к оружейной лавке.

– Не одолжишь ли сверд до завтра, добрый человек? – спросил он хозяина.

– Я бы и рад, парень, – ответил хозяин, – но у меня очень строгий учет и плохая память. Ежели чего не учту – забуду, и тогда все пойдет прахом. Прости уж.

Хелье повернулся и пошел по протоптанному вдоль реки тракту по направлению к Евлампиеву Кругу. Ждать пришлось недолго. За первым же поворотом ему навстречу вышли четверо ратников.

– Сам пойдешь, – спросил один из них, – или тебя волоочь?

Будь теперь июль, Хелье бы попытался – пробежать десять шагов до воды, прыгнуть, и проплыть под водой столько, сколько смог бы, а там – пусть стреляют. Но был март, и был вечер, и было холодно, и помнилась Балтика. Ратники глядели на него, держа в руках факелы.

– Сам пойду, – с тоской отозвался Хелье.

Кружным путем они привели его в детинец, втолкнули в какую-то пристройку, сарай, возле терема, захлопнули и заперли дверь.

В углу, успел заметить Хелье, было сено. Ощупью он добрался до сена и сел.

Прошел час, затем второй. Взошла луна, лунный свет влился сквозь щели в наружной стене. Хелье нехотя поднялся и без особого энтузиазма исследовал стены, пол, потолок, и дверь. Как он и ожидал, вариантов побега было немного, и все они предполагали наличие у пытающегося бежать какого-нибудь орудия – клина, сверда, ножа, топора. Люди, способные не выпускать тебя из виду в течении целого дня уж позаботятся, чтобы место, где они тебя до поры до времени оставили, было надежным.

Хелье снова сел и стал ждать. Прошел еще час. Наконец дверь отворили.

Вошли двое, один из которых внес зажженный факел и тут же воткнул его в стенное крепление. Был он доброго роста и крепкого телосложения мужчина с длинными, вроде бы каштановыми, волосами и мрачным взглядом. Тонкие губы сжались, глаза оставались спокойными.

Второй визитер оказался самим Ярислифом.

– Поговорим? – предложил Ярислиф, останавливаясь посреди помещения.

– Надо бы, – согласился Хелье, вставая.

– Как тебя на самом деле зовут и зачем пожаловал ты в Новгород? – спросил конунг.

– Зовут меня Хелье, конунг. А приехал я по поручению конунга шведского Олофа. Мне нужно говорить с тобою наедине.

Ярислиф склонил голову вправо.

– Плохо, – заметил он. – Лучше сразу скажи всю правду.

– Я говорю правду.

– Нет. Правда то, что ты приехал по поручению, а также, возможно, что тебе нужно видеть меня наедине, и желательно, чтобы в этот момент у меня не было сверда, а у тебя был бы. Поручение дал тебе вовсе не Олоф Шведский, который прислал бы обыкновенного посла с охраной, и зовут тебя вовсе не Хелье, хотя по-шведски ты говоришь чисто.

– Как это – не Хелье?

– Так. Хелье с такой мордой не бывают.

– Что такого в моей морде! – возмутился Хелье.

– Ничего особенного. Не обижайся. Но не шведская у тебя морда. Смоленская. Поэтому думается мне, что послал тебя не Олоф, а кто-то другой. Возможно, женщина. Возможно, очень молодая. Возможно, родовитая.

Хелье был возмущен до глубины души. Он хотел этого разговора, он не собирался врать или скрывать что-либо, он прибыл в Новгород, чтобы поговорить с Ярислифом о дочери конунга! Почему ему не верят? При чем тут смоленская морда?

– Как видно, ты не собираешься мне ничего рассказывать, – предположил конунг.

– Собираюсь. Хорошо, не хочешь наедине – не надо. У Олофа есть дочь, зовут ее Ингерд, ей пятнадцать лет, и Олоф хочет, чтобы ты взял ее в жены.

Ярослав усмехнулся.

– И он послал именно тебя именно об этом мне сообщить?

– Да! Он предпочитает тебя Олафу Норвежскому, который хочет на ней жениться.

– Предпочитает?

– Он предлагает ее тебе.

– Точно мне? Не Папе Римскому?

– Не веришь – не надо! – огрызнулся Хелье, отворачиваясь.

Эка нескладно врет, подумал Ярослав. Молодой какой, совсем мальчик. Ну и стерва сестренка моя. Никого ей не жалко.

– Житник, – обратился он к подручному. – Поговори с человеком наедине. Узнай у него, чего именно добивается сокровище наше Марьюшка. А я покамест пойду полякам грамоту напишу.

Житник кивнул. Ярослав вышел.

– Ну, как дела? – спросил Житник, помолчав.

– Кто такая Марьюшка? – спросил Хелье.

Житник покивал с таким видом, будто ждал именно этого вопроса, и был уверен, что это не вопрос вовсе, а обходной маневр, что Хелье прекрасно известно, кто такая Марьюшка.

– Мы тебя целую неделю ждали, – сообщил он. – Припозднился ты. Планы поменялись. Что с тобой теперь делать – ума не приложу. Взял бы я тебя к себе в службу, но ты так глупо попался, что хуже некуда. И возраст тут твой не при чем, малоумие твое – врожденное.

– Не знаю я никакой Марьюшки, – сказал Хелье, глянув на дверной проем. Между ним и открытой дверью был только Житник. Рисковать?

Он недооценил Житника. Обманное движение не произвело на последнего никакого впечатления. Уже вдыхая вольный воздух, в двух шагах от проема, Хелье ощутил резкую боль в предплечье. Он вскрикнул. У Житника была стальная хватка. Фаворит Ярослава вернул Хелье на место – перед собой – подержал, посмотрел пойманному в глаза, и нехотя ударил его в скулу.

Хелье упал навзничь. Его подняли, хлестнули по щеке, чтобы в голове было не так мутно, а потом ткнули в живот, и он сразу сел на корточки, лоя воздух широко открытым ртом.

– Куда это ты собрался, не спросясь? – осведомился Житник, возвышаясь над Хелье. – Дурак.

Взяв Хелье за волосы, он поднял его на ноги. Снова боль в предплечье. Житник повел качающегося Хелье вон из пристройки, пересек с ним детинец, подождал, пока дежурный ратник отопрет ворота, и вывел пленника на улицу. Ворота за ними закрылись. Житник, волоча Хелье, проследовал дальше, вниз, к Волхову. Не доходя до вечерней площади, они остановились возле какого-то дома с запертыми ставнями. Луна освещала покосившееся крыльцо.

– Следовало бы тебя утопить в речке, – сообщил Житник, ослабляя хватку. – Но зачем делать одолжение врагам? Они и сами с тобой прекрасно управятся. Далеко ты не уйдешь. Наверняка они где-то здесь, твои люди. Ждут. Эржбета тоже.

Он покачал головой, усмехаясь, повернулся к Хелье спиной, и проследовал обратно к детинцу.

Хелье не знал, что и думать, но был рад неожиданному освобождению. Что теперь? Добраться до Евлампиева Круга, помыться, поесть, и поспать. Кто это меня ждет? Где?

Стараясь держаться в тени стен, Хелье направился к Волхову. Хотелось побежать, но он сдерживался. Хоть бы облако закрыло луну, что ли. На улице было слишком светло, и белая купеческая рубаха выделялась на темно-сером фоне ночных теней.

Услышав топот копыт сзади, Хелье все-таки побежал, но бежать пришлось недолго. Вскоре его обогнали двое всадников с факелами и загородили проход, а третий всадник остановился у него за спиной. Двое спешили и, держа коней под узцы, приблизились вплотную, а третий вынул из ножен сверд.

– Повернись, – сказал голос за спиной.

Голос был женский. Хелье повернулся. Женщина поднесла факел к его лицу, но он успел разглядеть ее черты – красивые, тонкие, слегка восточные. Русые волосы, возможно с рыжиной. Большие, очень синие глаза. Презрительные губы. Безупречный овал лица. Тонкая рука, держащая факел. Мужская одежда.

– Совсем еще мальчишка, – определила женщина, воркуя низким, бархатным, слегка простуженным голосом, разглядывая Хелье. – Неужели нельзя было подобрать кого-то получше да поумнее. Даже жалко как-то.

Она убрала факел от лица Хелье и кивнула спешившемуся. Хелье почувствовал, как ему сзади на шею накидывают веревку. Он подался назад, обернулся, и схватил то, что было ближе всего – зажженный факел. Спешившийся попытался вырвать факел у Хелье из руки. Вдвоем они качнулись, сперва назад, затем вбок. Конник со сверлом примеривался, как бы ткнуть Хелье клинком, но спешившийся мешал. Лошадь, которую женщина держала под узцы, подалась вперед. Хелье сделал отчаянное усилие, рванул факел за древко, и угодил им, факелом, лошади в глаз.

Обезумевшая от боли и страха, лошадь заржала и встала на дыбы, качнувшись в сторону и сбив женщину с ног. Спешившийся отскочил, чтобы не быть раздавленным копытами. Хелье упал и откатился в сторону. Вскакивая на ноги, он увидел прямо перед собой стремя. Лошадь полетела с места галопом, но он успел схватить – левой рукой стремя, а правой луку седла. Рывком он вполз на спину лошади, стараясь не выпустить луку, и оказался лежащим поперек на бешено подпрыгивающем седле. Если я не сумею удержаться и свалюсь, мне конец, подумал он. Яростно вскрикнув, он переместил плечи и голову к гриве, а ноги к крупу. Схватившись за гриву скачущей лошади, он утвердился в седле и нащупал повод.

– Подлец! – услышал он крик женщины. – Да езжайте же за ним, дураки! Живее!

– Стой! – закричал спешившийся. – Стой, приамова хорла!

Лошадь сама летела к воде, прямым, как ей казалось, путем. Хелье слышал за собой топот копыт – всадники устремились в погоню. Он попробовал управлять обезумевшей кобылой. Она не слушалась. Единственное, что он сумел сделать – не дать ей слететь по пологому склону прямо к Волхову. Вместо этого, натягивая повод, он заставил ее взять правее, к утесу, выступающему над берегом возле торгового пункта. У края утеса лошадь остановилась и, возмущенно заржав, начала разворачиваться. Конников отделяли от Хелье двадцать шагов. Хелье дернул уздечку и, притянув колени к подбородку и чудом не запутавшись в стремях, оттолкнулся от седла заваливающейся на бок кобылы, крутанулся в воздухе, и головой вниз полетел в воду.

Он проплыл под водой так долго и так далеко, как смог. Вынырнув, он оглянулся. Два факела над утесом. Видят? Не видят?

По тому, что стрела вошла в воду в двух локтях от его головы, Хелье понял, что видят, и снова нырнул. На этот раз он плыл под водой не прямо к середине реки, но по диагонали, используя для большей верности течение. Когда он снова вынырнул, факелы вдали превратились в едва заметные точки, медленно передвигающиеся вдоль берега. Вскоре на луну наконец-то напозло облако и поверхность реки стала почти черной.

Доплыв по течению до окраины, Хелье выбрался на берег даже не прислушиваясь. Ему было все равно, найдут его или нет. Он очень замерз, стучал зубами, устал, вымотался, и был абсолютно равнодушен к жизни. Он долго колотил в дверь Евлампиева Круга, пока наконец не услышал за дверью шаги. Испуганный голос Евлампии спросил —

– Кто там? Иди отсюда, а то сейчас сторожей подниму.

– Это я, – сказал Хелье хрипло. – Хелье.

Застучали засовы. Дверь открылась и Евлампия, простоволосая, в одной длинной рубахе, со свечой в руке, уставилась на Хелье испуганными сонными глазами.

– Эти хвиту мать! ... – пробормотала она растерянно. – Заходи, чего встал.

Хелье шагнул в сени. Евлампия закрыла дверь, задвинула засовы, и еще раз оглядела гостя. Хелье стоял столбом, не чувствуя тела. Покачав головой, Евлампия взяла его за локоть.

– Пойдем, – сказала она. – Тебе в баню нужно. Иначе до завтрашнего вечера не доживешь. Они пересекли крог и вышли к двери, ведущей на задний двор.

– Подержи, – велела Евлампия.

Хелье негнуцимися пальцами взял у нее свечу. Евлампия отворила засовы.

Оставив Хелье в предбаннике, Евлампия пошла разводить огонь. Через полчаса Хелье, сидя на полке, начал медленно приходиться в себя. Его оттирали какими-то тряпками и обмахивали веником, обливали водой и снова оттирали, по какой-то особой новгородской методе. Удивленно рассмотрели его серебряный нательный крестик и ничего не сказали. Его клали на живот, переворачивали на спину, мяли, терли ладонями, и в конце концов привели в осмысленное состояние. Голая и пышная, вовсе не плотная, Евлампия поддавала пару, меняла веник, поила Хелье водой и бодрящим свиром, выводила в предбанник остыть, и снова заводила в парную. У нее начисто отсутствовала талия, а ноги были коротковаты, зато полная грудь с большими сосками поразила возвращающегося к жизни Хелье совершенством линий, а щиколотки умилили неправильностью и незащищенностью.

Сидя в предбаннике, завернутый в простыню, Хелье глотал бодрящий свир, икая и тараща глаза. Он был очень возбужден, но двигаться уже не мог. На него надели сапоги и накинули сленкаппу, и повели, шатающегося, через леденящий кожу воздух заднего двора в жилую пристройку. Видимо, он уснул на ходу, поскольку когда он в следующий раз открыл глаза, то обнаружил, что лежит на перине, под покрывалом, голый, в невиданном дотоле помещении, а рядом с ним примостилась, и легко поглаживает его по шее и безволосой еще груди радушная хозяйка. Очевидно, это была хозяйкина спальня. Хелье потянулся сладко, помычал носом, и перекатился на хозяйку. Пышное ее тело показалось ему удивительно мягким, податливым, теплым и уютным. Его, это тело, было очень приятно целовать. В нужные моменты оно становилось вдруг упругим и очень женственным – во всяком случае, ему так казалось. Хозяйка Евлампия постанывала неожиданно высоким, жалобным голосом, обнажая мелкие но крепкие зубы, и обнимала его пухлыми мягкими руками. В какой-то момент он проснулся полностью, задрожал всем телом, и крикнул протяжно юношеским ломким тенором, а через несколько мгновений сознание выключилось окончательно.

Глава седьмая. Охота на варангов

В следующий раз Хелье проснулся ближе к полудню и обнаружил, что лежит один на мягкой перине и чувствует себя превосходно. Зевнув и потянувшись сладко, он укрылся с головой, вдыхая запах, свой и Евлампии, и сразу возбуждился. Может, она скоро придет, подумал он и стал ждать.

Она действительно вскоре зашла с серебряным подносом. Хелье перевернулся на спину и высунул голову из-под покрывала. Не говоря ни слова, она водрузила поднос ему на живот, вернулась к двери, тщательно задвинула все три засова, присела на постель и посмотрела томно. На подносе помещалась кружка с дымящимся бодрящим свиром, горбушка хлеба, щедро намазанная маслом, и комок смолы.

Хелье вдруг сообразил, что действительно очень голоден. Еще ему хотелось ссать, но с этим можно было повременить. Он быстро съел хлеб, отпил половину кружки, и стал жевать смолу, а Евлампия все сидела на постели, иногда поглаживая его по колену через покрывало. Свесившись с кровати, он опустил поднос на пол, выплюнул на него смолу, и сразу приник к Евлампии. Вообще-то ей следовало бы помыться после ночной любви, как, впрочем, и ему тоже. А может и нет. Запах ее пота не раздражал, даже наоборот, притягивал, как только Хелье к нему привык – крепкому, свежему, молодому. Он поволок Евлампию на себя и уложил на спину. Некоторое время он возился с тесемками на лаптях и онучами, стаскивал с нее юбку, спеша снимал с нее рубаху, выдирав из-под нее покрывало, и, лежа поверх нее, укрывал себе спину, ютясь и одновременно зверея от нетерпения. Евлампия принадлежала к категории женщин, которым не нужно много двигаться, чтобы возбудить себя и любовника. Чем меньше движений, тем сильнее возбуждение. Хелье вошел в нее без всяких усилий и сразу остановился, повинувшись желанию и инстинкту, а не опыту, которого не было.

Вдвоем они долго нежились, почти не двигаясь. Полная и красивая грудь Евлампии вздымалась все судорожнее, мягкие большие бедра охватывали торс Хелье все настойчивее, и стонала она все жалобнее, улыбаясь виновато. Пик истомы наступил, и тогда Хелье, больше не сдерживаясь, но помогая Евлампии, стремительно пошел к этому пику сам, судорожными рывками, а Евлампия все таяла, расползалась под ним, становясь все мягче и податливей, и несколько раз вскрикнула, а потом вдруг, успокаиваясь, отвернула лицо, прижала щеку к подушке, и тихо заплакала. Хелье слегка растерялся и все гладил ее по мягким растрепавшимся волосам, приговаривая «что ты, что ты... не плачь...»

Возможно очень давно, в доисторические для северо-восточной Европы времена, какая-то праславянка удержала таким способом легкомысленного любовника, порывавшегося уйти, может быть к другой женщине, или к друзьям у костра, сразу после оргазма. Взяла жалостью. Возможно, ее примеру последовали еще несколько таких же остроумных девушек. Также возможно, что благодаря этому нехитрому способу удерживания мужчины возле себя, эти девушки давали больше потомства, чем другие, от которых мужчины уходили сразу по достижении изначальной природной цели. Этот славянский женский послеоргазменный плач начисто убивает чувство удовлетворения, а нежелание женщины назвать причину своей тихой северной грусти заставляет мужчину предполагать самое худшее – и оставаться, дабы поправить положение. Сегодня, в виду социальных условностей, законов и прогресса, плач в конце акта утратил свой первоначальный смысл и вызывает лишь недоумение, но, как в случае большинства славянских традиций, иррациональная стойкость данной традиции не проявляет тенденции к снижению.

Понемногу Евлампия успокоилась и перестала плакать безутешно, но при этом так жалобно посмотрела на Хелье, что он тут же снова почувствовал себя защитником слабых и благодетелем обделенных и вернулся в сочащуюся жаркой влагой хвиту, и на этот раз ласкал и

ублажал Евлампия очень долго, радостно постигая основные принципы обоюдного сдерживания и томительного, щемящего растягивания времени, пока время это не начало расползаться, распадаясь на лоскуты, тончать, и в конце концов просто растаяло, а трение двух тел друг о друга сменилось скольжением. Евлампия всплакнула несколько раз.

Полежав в расслабленном состоянии поверх Евлампии, уткнувшись носом в пухлую влажную шею, Хелье понял, что всему есть пределы и дальше он просто не выдержит. Он сполз вдоль ее тела, касаясь попутно губами мягкого живота, паха, бедра, и колена, встал на пол, качнулся, и шагнул к окну. Отворив ставню, он обнаружил, что окно выходит на короткий крутой склон, ведущий прямо к Волхову. Встав на подоконник, пригнув голову, упершись локтем в раму и придерживая свободной рукой полувозбужденный хвой, Хелье дал волю физиологии. Дугообразная струя заблестела на полуденном солнце. Воздух был все еще по-майски теплый, и Хелье подумалось, что, может быть, в Новгороде другой климат, мягче и ровнее, чем в Скандинавии, и возможно такой же удобный для жизни человека, как климат Италии. Захотелось в Италию.

В этот момент за дверью раздались шаги и кто-то властно и бесцеремонно стукнул кулаком несколько раз. Хелье продолжал безмятежно ссать, а Евлампия посерьезнела и всполошилась. Стук повторился. Визитер явно спешил. Может быть, помимо этого визита, у него было запланировано много других дел в городе.

– Кто там? – крикнула хозяйка крога.

– Открывай, хозяйюшка, поговорить надо, приамова хорла! – раздался голос за дверью.

Хелье узнал голос. Когда ссышь, прерываться вредно, и может случиться казус, но как долго держится дуга, не сбавляя силы!

Евлампия выскочила из постели. Стук повторился.

– Дайте же честной женщине одеться, аспиды! – закричала Евлампия, после чего настолько бесшумно, насколько могла, переместилась к окну и несколько раз быстро ткнула пальцем Хелье в ягодицу. Он обернулся, продолжая ссать.

– Это за тобой, – сказала Евлампия одними губами, делая большие глаза.

Хелье закивал и поднял брови, указывая таким образом на невозможность действовать немедленно. У физиологии свои законы.

Евлампия метнулась к кровати, схватила рубаху и растерянно посмотрела по сторонам. Одежду Хелье она давеча снесла в крайнюю гостевую. И что же теперь?

Хелье кончил ссать и слез с подоконника. Евлампия кинула ему рубаху. Он быстро надел ее через голову и стал похож на одного из древнегреческих героев в ранней юности – рубаха едва доходила ему до бедер и смахивала на тунику.

Комод. Кровать. Лавица. Спрятаться решительно негде. Хелье снова влез на подоконник и, пока Евлампия спешно одевалась и подпоясывалась гашником, выдвинулся наружу спиной вперед, ухватил кромку и поперечную балку, повис на руках, качнулся, закинул ногу на балку, подтянулся, и оказался на соломенной крыше, не слишком пологой, но и не очень крутой. Даже если пришедшие за ним обойдут пристройку, его не заметят. Угол пологого склона более или менее совпадал с углом крыши, и только очень высокой человек смог бы разглядеть Хелье, а новгородцы были по большей части низкорослы. Вот Дир бы его заметил – здоровенный! Но Дир был ростовчанин.

Хелье слышал, затаив дыхание, как Евлампия отпирает дверь, как в спальню входят сразу несколько человек, как один из них подходит к окну. Ну и нравы, подумал он. Так вламываться к женщине имеет право только муж. Хотя, возможно, дурные манеры новгородцев объяснялись экстренностью положения.

– Варангов укрываешь, хозяйюшка! – зычно объявил кто-то укоризненным тоном. – Где варанг? Отвечай хорошенько!

– Какие варанги, что ты мелешь! – возмутилась Евлампия. – Аспиды, вламываются в спальню к женщине!

Раздался звук пощечины.

– Вот такие варанги! – произнес голос. – Или такие? – прозвучала еще одна пощечина.

Сверд бы мне, подумал Хелье с ненавистью и страхом. Я б им показал, какие варанги. Ну и скряга же этот торговец, что не одолжил мне сверд! Жалко ему!

– Где швед, говори, хорла!

– Нет здесь никаких шведов! – крикнула Евлампия. – Я вас всех, бесстыдников, запомню! Все в холопьях будете, как только тиуны узнают, что вы тут вытворяете!

Раздалась третья пощечина.

– Перестань ее лупить без толку, – услышал Хелье еще один голос. Женский. Это была не возмущенная просьба, это был приказ. Хелье показалось, что и этот голос ему знаком. – Поищите в гостевых. Кто-то видел варанга, переодетого немецким купцом. Милочка, не оставался ли у тебя давеча немецкий купец?

– Останавливался, – ответила Евлампия. – Уехал вчера утром.

– Ну вот как все просто, – сказала обладательница командного голоса. – Вам, олухам, только бы рукоприкладством заниматься. Подержите ее за руки, что ли. Вот так, правильно. Теперь разведите ей руки в стороны.

Это не на меня лично облава, подумал Хелье. Это вообще на всех наемников облава. И, скорее всего, только в этом конце. Но под шумок давешняя красотка, если это она, и двое ее подручных, ловят именно меня. Бедная Евлампия! Ей сейчас достанется. Из-за меня. Если, конечно, она не надумает сказать им, где варанг. Может и надумает. Как нужен сверд!

Если доберусь до торгова, подумал он, просто возьму все, что нужно, силой. И вернусь сюда. Объяснить этим негодьям, где швед. Смелые они больно – вдесятером на одного предполагаемого варанга.

Голос командной женщины звучал снизу – слишком тихо и вкрадчиво, чтобы можно было разобрать отдельные слова. Затем Евлампия вскрикнула. И еще раз вскрикнула.

– Ну? – спросила командирша, повышая голос.

– Нет! Нет! – закричала Евлампия.

Можно было попробовать убедить себя, что все эти новгородские дела с ловлей варангов его не касаются, что он находится во враждебном городе, и, в конце концов, если несколько новгородцев решили замучить свою землячку, при чем тут житель Хардангер-Фьорда, сигтунец наездами, смоленских кровей? Но Хелье и без того чувствовал себя свиньей. Да и дрожал от страха, к тому же, а от страха дрожат, когда бездействуют. Поэтому он нарочито шумно повернулся и полез по продольной балке вверх. Внизу, под соломенной крышей, этот маневр услышали и оценили. Там все стихло, и через мгновение копье вышло вертикально сквозь крышу в каких-то дюймах от бока Хелье. Перебирая руками и ногами, он добрался до верхнего поперечника и перекатился на другую сторону. Справа был задний двор, слева круг с лоскутно-черепичной, а не соломенной, крышей, а за забором, на улице, стояли трое, и они его заметили.

Снова забравшись на поперечник, Хелье побежал по нему, балансируя, и прыгнул на черепицу, слегка подвернув ногу. Перебежав на противоположную сторону крыши круга, он соскочил в примыкающий к стене соседний двор и кинулся к открытой калитке, за которой сидела на лавице пожилая пара – очевидно, хозяйева, соседи Евлампии.

– Швед убегает! – закричали спохватившиеся трое.

– Ловите его, ловите! – закричал пожилой хозяин дома. – Мудрено ли! Видано ли это! Житья от этих шведов нет никакого! Всех девок перепортили! – Он понизил голос, заговорщически обращаясь к супруге: – Молодые ребята, проворные, сейчас они его схватят, клеща этого.

– Поделом, – откликнулась супруга возмущенным контральто. – Нет, ну какой гад, а! Еще убегает!

Бежать босиком было очень неудобно. Хувудваг был неровный, бугристый, да и подвернутая щиколотка давала себя знать. При этом евлампиева рубаха, слишком короткая для Хелье, то и дело вздымалась до пояса, и было неудобно перед преследователями. Ему повезло – ни у одного из троих преследователей не оказалось стрел. Лук был. Один.

Вскоре Хелье сообразил, что вообще бежит не туда, куда надо. Бежать стоило к торгу. Люди, склонные к темным делам – а избиение наемников по одиночке, хоть и поддерживаемое мирным населением, несомненно было делом темным – не любят совершать эти дела открыто, в людных местах. А Хелье бежал в противоположную сторону, прочь от Новгорода.

Преследователи не отставали. Вооружены они были тяжелыми топорами.

Неширокий хувудваг уходил в сторону от реки, поднимаясь по склону. Впереди и слева, внизу, виднелся нестройный ряд рыбацких хибарок. На воде покачивались ладьи. Хелье сжал зубы и прыгнул с хувудвага вниз, на поросший колючей травой и покрытый еловыми иглами склон. Он упал, но тут же поднялся и понесся, скользя, прыгая, и балансируя, вниз по склону.

Преследователи оценили маневр и тоже переместились на склон, мешая друг другу. Расстояние между ними и Хелье увеличилось.

Всего хибарок было шесть. Хелье ринулся к пятой, предпоследней, и стукнул в дверь кулаком. Оказалось не заперто. Он ворвался внутрь. Помещение разделялось на две части несерьезной перегородкой. Рыбак жил в правой части. В левой наличествовал сундук в одном углу и копна сена в другом. На сундуке спала, ругаясь во сне последними словами, Светланка. На сене располагались Дир и массивная молодая женщина, возможно это и была его жена. В четвертом углу дремал, присев к стене, какой-то сморчок.

– Сверд! – крикнул Хелье. – Мне нужен сверд! И сапоги, – добавил он, посмотрев на свои расцарапанные грязные ноги. – Быстрее, Дир! За мной погоня.

Дир, несмотря на медлительность в формировании мысли, отлично понял ситуацию. В один миг он был на ногах, со свердом в руке.

– Сколько их? – спросил он сипло, голосом только что проснувшегося человека.

– Трое. Не в них дело!

– А в чем?

– Евлампиев Круг! Там человек десять. Евлампия в опасности.

– Ага, – сообразил Дир. – Эта... Смахни Светланку с сундука. Выбери себе сапоги по размеру, и порты, и сверд по руке, там их четыре. А я пока займусь погоней. Трое, говоришь?

– Да.

– Не церемонься со Светланкой.

Видя Хелье в нерешительности, Дир шагнул к сундуку сам и действительно смел с него мрачно смотрящую на происходящее Светланку. Она выругалась длинно и замысловато. Дир поднял крышку. В этот момент в сенях застучали подошвы сапог.

– Эгей, добры молодцы, – обратился Дир к вбегающим. – В гости ходят, когда зовут.

– Ты нам не нужен, – заверил его один из преследователей. – Нам нужен вот этот, который без портков.

– Я не о нужности говорю, – ответил Дир наставительно, – а о вежливости. Бросайте топоры, люди добрые.

– Нам нужен он! – злобно выкрикнул преследователь.

– Мне тоже, – ответил Дир. – Бросайте топоры, а то ведь, заметь, плохо вам будет.

В сундуке действительно лежали четыре клинка, в специальном отсеке. Хелье взял один, наугад, и вытащил из ножен.

– Оденься сперва, – заметил Дир. – И женскую рубаху сними. Так вы бросите топоры или нет, хорла? – спросил он, слегка повышая голос, и, не давая преследователям времени

ответить, пожал плечами и двинулся на них. Один из преследователей замахнулся топором, но тут сморчок, еще минуту назад недвижно сидевший в углу, схватил его сзади за руку и сбил с ног неожиданно сильным ударом в затылок.

– Годрик, не вмешивайся, – велел Дир недовольно. – Холопья обнаглели, – пожаловался он одновременно облачающемуся в порты Хелье и двум оставшимся стоять преследователям. – Суются без спросу, действуют без приказа.

Он махнул свердом над головами преследователей. Те присели, втянули головы в плечи, и выронили топоры.

– Дружка своего с собой заберите, – распорядился Дир. – Быстрее. Я в раздражении, только что проснулся, в пузе пусто.

Один из ополченцев все понял и кинулся к лежащему. Второй замешкался, и Дир пнул его ногой. Ополченец мотнулся в сторону локтей на пять и упал, подвывая. Теперь он тоже все понял и, вскочив, взялся за ноги лежащего. Первый ополченец подхватил поверженного под мышки.

– Правильно, – сказал Дир. – И вот что. Ежели я вас еще раз увижу, все равно где, вы пожалеете, что на свет родились. И родная мать вас назад принять не захочет после того, что я с вами сделаю. Вон отсюда.

Двое поспешно вышли, транспортируя третьего.

– Подожди надевать сапоги, – сказал Дир. – Эй! Хелье! Подожди, тебе говорят. У тебя вон ноги в кровище. Годрик, кувшин и перевязку.

Годрик выскочил из хибарки и тут же вернулся с указанным.

– Сапоги мои тебе не пойдут, – отметил Дир. – Великоваты. – Он оглянулся, критически оглядел ноги большой женщины, а затем ноги Хелье.

– Надень Анхвисины сапожки, – резюмировал он.

Хелье затянул гашник, надел чистую рубаху Дири, доходящую ему до пят, развязал гашник, подтянул рубаху, затянул гашник, и сказал, —

– Нет.

– Мои тебе велики.

– А годриковы?

– До чего тупой народ – шведы. Или кто ты там. Кто такой Годрик, по-твоему?

– Не знаю.

– Холоп он. Холоп, да к тому же из варваров. В саксонских землях родился. Благородному воину холоповы сапоги носить не след.

– А женские можно?

– А женские можно, если умеешь за себя постоять. Я вот хоть с ног до головы в женское оденусь – кто посмеет надо мной смеяться?

Хелье понял, что Дир прав. Над Дири смеяться никто бы не посмел.

Годрик вымыл ему ноги, наложил на ссадины листья подорожника, и обмотал сверху льняной перевязкой. Несмотря даже на перевязку, сапожки Анхвисы оказались велики. Но не слишком.

– Ничего, – заверил его Дир. – Купим потом новые.

– Спасибо, – Хелье кивнул Диру. – Ну, я пошел.

– Куда?

– Бить этих гадов.

– Каких гадов?

– Я ж тебе сказал! Евлампиев Круг. Они там бесчинствуют, варангов ищут, так и с Евлампией могут чего дурное сотворить.

Он не стал объяснять подробнее.

– Ага, – рассудил Дир. – Что ж, пойдем, посмотрим.

– Ты не ходи.

– Нет уж. Я ж сказал, что я твой должник. Куда ты, туда и я. Что ж ты думаешь, я так пошутил, что ли?

– Хорошо, – согласился Хелье. – Только быстро. Бегом. Хорошо?

– Ладно. – Дир обернулся к Годрику, одновременно пристегивая сленгкаппу. – Ежели кто сунется, убивай не жалея. Надоел мне Новгород. Рад, что уезжаем. Тоже мне, нашли где город построить. Холодно, сыро. Еще б на Неве построили. Дураки. И то сказать – печенег кудлатый на печенеге, славяне только по названию. Славян тут почти не осталось.

Хелье не стал оспаривать эту демографическую гипотезу – времени не было.

Вдвоем они побежали по хувудвагу к Новгороду. Дир несколько раз останавливался, чтобы перевести дыхание, и махал рукой – беги мол, я догоню – и действительно догонял Хелье, бегущего не очень быстро из-за боли в поврежденных ступнях.

Над Евлампиевым Кругом поднимался дым.

Две дюжины завсегдатаев толпились на улице, перебрасываясь бессмысленными фразами. Хелье заприметил у забора сторбленную, содрогающуюся фигуру. Подбежав, он тронул Гречина за плечо. Гречин обернулся. Он не стал ничего говорить, а Хелье не стал спрашивать.

Пожар явно не собирались тушить. Какой-то малый стоял возле калитки, жуя пряник, и тупо смотрел на огонь, охвативший правую часть круга и соломенную крышу пристройки. Рядом с малым помещалось ведро с водой. Возможно, он собирался тушить пожар вместе со всеми. Хелье выхватил из руки малого тряпичный мешок и вывалил пряники на землю.

– Эй, ты! – тупо удивился парень.

Хелье макнул мешок в ведро, прижал мокрую ткань к лицу, и ринулся в дом. Он не ждал, что Дир последует за ним. Дир последовал, макнув в то же ведро край сленгкаппы.

Пробираясь сквозь месиво огня, гари и дыма, со свердом в руке, Хелье не думал ни о чем, не предполагал ничего, и не надеялся ни на что. Было очень жарко, дышать было трудно, и следовало остерегаться, маневрировать, и рисковать. Дверь в пристройку оказалась сорванной с петель. В проходе ничего не было видно из-за дыма. Хелье выскочил обратно в круг, чуть не столкнувшись со следующим за ним Диром, вдохнул, и, сдерживая дыхание, вернулся в проход и, полагаясь на память и подсознание, направился, зажмурившись, к хозяйкиной спальне.

В спальне оказалось неожиданно светло и ясно. Горела пока только кровать – на нее бросили факел – да занялась часть крыши со стороны круга. Посередине спальни, на полу, повернувшись на бок, свернувшись в клубок, отбросив одну пухлую руку в сторону, мирно спала Евлампия.

Женюсь, подумал Хелье, бросая сверд и кидаясь к ней.

Он понимал, что безумен, но не хотел правды. Он сознавал, что вина его велика, но знал, что он не единственный, кто в ответе. Он отдавал себе отчет, что никто на этой грешной земле, будучи знакомым со всеми деталями сложившейся ситуации, не сочтет его виновным – кроме него самого и, наверное, Создателя.

Евлампия не спала. Евлампии здесь больше не было. Было лишь тело, безжизненное и бесполезное, неподатливое, чужое. Кровь сгустилась и запеклась поверх совсем небольшой раны под левой лопаткой, раны, нанесенной одним точным движением, направляющим тонкое лезвие. Лицо трудно было узнать – настолько оно было разбитое, заплывшее, с приподнятой расплющенной верхней губой и выбитыми зубами.

Спальня Евлампии словно ждала прихода Хелье, словно желала ему показать, что именно здесь произошло. Теперь, когда он все это увидел, пламя охватило всю крышу, поползло по стенам, заискрилось. Хелье не очень сопротивлялся, когда Дир, схватив за шиворот и за руку, вытолкнул его в окно. Хелье упал на склон, покатился вниз, остановился, сел. Дир выбрался за ним, прихватив брошенный Хелье сверд.

Некоторое время они шли вдоль самого берега – шел, в основном, Дир, волоча и подталкивая Хелье и тихо ругаясь, проклиная, почему-то, опять же печенегов кудлатых. Какие печенеги, думал Хелье, что он плетет. В конце концов Хелье взял себя в руки и даже огрызнулся на Диру, когда тот в очередной раз собрался его подтолкнуть. Хелье забрал у него сверд.

– Проклятое место, – определил Дир когда они подходили к рыбацкой халупе. – Все у них не так, всегда у них «свой путь», самомнение на двух телегах не увезти – он у них Великий, их Новгород, видите ли. Куча сараев с кастрюлей вместо вичевого колокола, а туда же – великий! Годрик! Эй, Годрик! Налей нам пива, что ли.

Глава восьмая. Старым известным путем

Анхвиса испуганно посмотрела на двух мрачных мужчин, вошедших в хибарку, и даже Светланка не решилась никого обругать. Мужчины сели на пол в углу, сверды положили рядом. Дир взялся за кружку, а Хелье уставился в пространство.

– Может, прямо сейчас отчалим? – спросил Дир.

– Можно, – ответил Хелье безразличным тоном.

– Вот и хорошо, – оживился Дир. – Годрик! Грузимся!

Он залпом выпил и пошел помогать холопу своему.

Сундук переволокли в ладью. Женщины, тихо переговариваясь, вышли из хибарки, сопровождаемые зорким Годриком.

Ладья была больших размеров, чем скандинавские лодки. Половина кнорра. Соснового происхождения мачта показалась равнодушному Хелье слишком тонкой. Женщины сидели рядышком на корме – массивная Анхвиса и маленькая тощая Светланка – трогательно положив руки на колени.

Годрик, увидев, что Дир берется за вторую пару весел, высказался так:

– Недальновидный хозяин мой и кошелька придержатель, не лучше ли было б, ежели бы за вторую пару орудий гребли водяной взялся бы дорогой гость и попутчик?

– Пусть отдохнет, – ответил Дир.

– И все же, драгоценный мой хозяин, позволь мне...

– Дай-ка мне весла, – поддержал холопа Хелье.

Дир посмотрел на Хелье, потом на Годрика, и отдал весла. Не то, чтобы он понял, для чего это нужно. Просто поверил на слово. Раз холоп и друг согласны, значит, что-то в этом есть.

Облизнув палец, Годрик выставил его вверх и, определив направление ветра, прочертил в воздухе линию, диагонально расположенную к направлению течения реки. Дир кивнул и стал расправлять парус. Хелье машинально отметил, что Анхвиса взялась за торчащий у стьюрборда, у самой кормы, руль.

Сперва было трудно – они шли против течения, да к тому же двигались к середине реки, где течение сильнее, чтобы проследовать мимо Новгорода на солидном расстоянии, дабы не видно было их лиц. Так объяснил Годрик. Дир не очень понял, для чего это нужно, но спорить не стал.

Когда Новгород остался позади, они снова приблизились к берегу, и ладья пошла быстрее и легче.

Усиленная гребля действительно отвлекла Хелье от давешних событий. Бездумно – взмах, гребок, взмах, гребок. Через несколько аржей Дир сменил Годрика на веслах, и Годрик занялся парусом, что-то прилаживая, передвигая, направляя – и ладья пошла еще быстрее. Ветер усилился, в лицо полетели брызги. Ладья вошла в Ильмер, освобожденный ото льда раньше срока благодаря трем необыкновенно теплым неделям подряд.

Озеро встретило путников неприветливо и сварливо. Годрик, весьма толково ориентирующийся в местной географии, в том числе политической, не стал убирать парус, но сделал несколько навигационных жестов. Дир сел к рулю, подвинув Анхвису, и, следя за жестикующей Годрика, стал направлять ладью. Наметился солидный крен вправо, обусловленный ветром и волной, и Хелье, втянув весла, переместился, по указанию Годрика, на противоположный борт, для устойчивости. Ладья взлетала на гребни, опасно с них падала, и снова взлетала. Вскоре Светланку начало рвать. За ней последовала очередь Анхвисы. Дир и Хелье сдерживались, а на Годрика качка никак не влияла.

– Может, к берегу ближе подойдем? – крикнул Хелье.

Годрик отрицательно мотнул головой. Ладья шла напрямую через желтую воду Ильмера.

– Пираты. Лучше прямо и быстро, – объяснил Дир и тут же перегнулся через борт, не выпуская, тем не менее, руль.

Прошла, казалось, целая вечность, но в конце концов река Ловать, спокойная и гостеприимная по сравнению с Ильмером, приняла ладью в свое лоно. Через некоторое время Хелье снова взялся за весла.

К вечеру заметно похолодало. На закате Годрик, явно руководящий, если не стратегией, то, во всяком случае, тактикой речного похода, заметил слева по курсу рыбацкое селение. Причалили и постучались в дом, показавшийся Годрику наименее враждебно выглядящим. Хозяин, старый рыбак, действительно оказался радушным, долго отказывался от платы, но в конце концов согласился взять четыре сапы. Годрик исполнял также обязанности казначея.

Расположились на соломе. Хелье уснул сразу, и Дир вскоре за ним. Женщины некоторое время сплетничали и зубоскалили вполголоса. Годрик лег последним, обойдя селение, сбежав на проходивший вдоль реки хувудваг, осмотрев его, вернувшись и проверив запоры и ставни. Встал он раньше всех и вышел куда-то.

Хелье проснулся сразу за Годриком, дрожа от холода. Протерев глаза, он поднялся, походил по помещению, понаблюдал за спящими вповалку рядышком женщинами, выволок сверд, который захватил с собой из ладьи, из ножен, и вышел на воздух, чувствуя пустоту в душе и сердце, действуя просто по привычке.

Иллюзии по поводу мягкого климата в Земле Новгородской рассеялись. Какие-то южные ветры принесли в тот год в славянские земли тропический воздух, вскрыли реки, растопили Ильмер, обогрели и обласкали прибалтийские селения, и пропали, и теперь все возвращалось на круги своя. Стоял самый обыкновенный легкий и неприятный мартовский мороз. Вдоль берега прохаживался Годрик, изучающе разглядывая местную флору. Хелье кивнул ему, и Годрик махнул рукой, что совершенно не соответствовало его статусу дирова холопа.

– Только б река не замерзла до того, как доберемся до волока, – высказал он опасение, но особой озабоченности в его голосе не слышалось.

– Ты правда бритт? – спросил Хелье.

– Я правда бритт, – ответил Годрик. – Всем бриттам бритт. Волосами покрыт.

– А? – не понял Хелье.

– Не обращай внимания. Я рад, что ты с нами. А то Дир скучал все это время без друзей. Теперь ему будет веселее.

Некоторое время Хелье смотрел безучастно на ловатскую гладь.

– Заботишься о хозяине? – спросил он.

– Больше о средствах. Когда Дир скучает, он ест за десятерых. Столько еды уходит без толку. Еда – не развлечение.

Помолчав, Хелье ощутил, как на него накатывает страшнейшая тоска. Говорить было лучше, чем молчать.

– А как ты к нему попал? – спросил он.

– Он тебе не говорил? Росли вместе. С семилетнего возраста. В Ростове. Его отец купил моих родителей, и меня в придачу, в Манчестере. Люди мы не простые. – Помолчав, он добавил: – Мой прапрадед был конюхом у самого Ланцелота.

– Ланцелота? – Хелье смутно помнились легенды, старые, и, на его взгляд, глуповатые. Какой-то, вроде, круглый стол, но не в круге, а в замке, какие-то витиевато и торжественно глаголящие герои и благородные женщины, коварные драконы, поездки за Граалем, волшебник со светящимся посохом, и совершенно специальный сверд со странным названием, с помощью которого можно было покорить весь мир несмотря на торчащие под боком безупречно функциональные римские легионы, контролирующие добрую половину этого самого мира, обошедшие все мыслимые веси, и ни разу не имевшие дела с драконами.

– Это который с женой конунга спал? – спросил он.

– Сам ты спал! – возмутился Годрик. – Никто с ней не спал! Все сплетни. Хорла, люди все время сплетничают, это просто верх неприличия!

– Что значит – никто? Конунг, надеюсь, все же спал с нею?

– Конечно спал. Но об этом не обязательно говорить вслух, это личное дело каждого, особенно если он конунг. Странные вы люди – скандинавы. Ничего святого у вас нет, и очень плохие манеры, очень. Дикие вы все. Датчане хуже всего, конечно, но новгородцы и ростовчане не далеко ушли.

– Ростовчане не скандинавы, – заметил Хелье. – Может, только частично.

– Все одинаковы, что скандинавы, что астеры, что ковши. Дикость.

– А римляне?

– Римляне цивилизованные. Этого у них не отнимешь. Гады, конечно, но цивилизованные.

– А греки?

– По-разному. Есть такие греки, с которыми и знаясь-то противно.

С этим Хелье был согласен, хотя былой злости на греков не чувствовал.

– Вообще, – продолжал Годрик, – уровень цивилизованности любого народа можно определить по его охотничьим традициям. Самые примитивные традиции – у датчан. Это не их вина – на их дурацком промозглом полуострове, помимо лосей, никакие животные не водятся. Противное место. Круглый год туман, ни рек тебе, ни гор, а уж как дождь зарядит, так неделями не перестает. Только сами датчане могут такое выдержать. А на лося – какая охота? Выдумки никакой не нужно. Лоси такие же тупые, как сами датчане.

Меж тем восстали ото сна Светланка и Анхвиса, растопили печь, и, потребовав у хозяина съестного, быстро приготовили завтрак. Дир проснулся последним, сбегал к реке пописать, вернулся, и, пристыженный неумной язвительной Светланкой, сбегал еще раз на речку и вернулся помытый. Годрику за общим столом сидеть не полагалось, и, взяв со стола горбушку хлеба и кусок солонины, он ушел искать баню, о существовании которой сообщил ему давеча рыбак.

Стряпня дировых женщин показалась Хелье неожиданно вкусной, а бодрящий свир рыбака слишком жидким.

– Не налегай так на сало, – велела Анхвисе Светланка. – Скоро в дверь не влезешь, корова дойная.

– Я не налегаю, – смущенно возразила Анхвиса и улыбнулась застенчиво салу в своей миске.

– Знаю я тебя, – заворчала Светланка. – Как в Киев приедем, так небось жрать будешь, как три ростовских свиньи. Все захочешь попробовать. Ах, я это еще не пробовала, ах, я то еще не пробовала.

– Ничего лучше псковских пирожков на свете нет, – объявила Анхвиса. – Всю-то жизнь бы только бы их и кушала бы. Жалко, что во Пскове мы недолго пробыли.

– Ты там всем глазки строила свои хорловы, – заметила Светланка. – Псковские любят коров дойных вроде тебя.

– Ну уж и любят. Ты сама всем глазки строила.

– У меня это просто такое развлечение, – объяснила Светланка. – Я люблю издеваться над мужчинами. А ты растаяла вся, как на тебя смотреть стали. Жрала пирожки и таяла, жрала и таяла.

Анхвиса смущенно хихикала, не забывая класть время от времени скромный кусок сала в крупный упругий рот.

Прибыл Годрик и сообщил, что баня находится в полуарже, публичная, внаем, и владеет ею некий Харя-банышник. Окончив завтрак, вся компания направилась в баню. Других развлечений в поселке не было.

– Все население земель славянских из Ростова вышло, – объяснял Дир внимательно, как казалось, слушающему Хелье. – Варанги все переиначили, чтобы получилось лестно для них. Придумали, что было завоевание, сперва Рюриком, потом Олегом. На самом деле Рюрика и Олега пригласили с дружинниками, чтобы они за плату и постой защищали земли от набегов и поборов. Самим славянам было не с руки.

– Почему же? – спросил Хелье.

– Были другие дела. Земля, наследие предков.

– А от кого нужно было защищать? – спросил Хелье наивно.

– Как от кого! Ты знаешь, сколько кругом врагов? Те же печенеги.

– А они тогда были?

– Печенеги всегда были, – наставительно сообщил Дир. – Печенеги еще до Римской Империи были.

– Как же славяне от них защищались? До Олега?

– Своими силами. А потом стало не с руки. Но варанги нас обманули. Они стали объединять земли и строить свою империю. Есть такое Содружество Неустрашимых. Слыхал?

– Нет.

– Ну вот, видишь. Содружество хочет отнять весь мир у славян. До самой Иберии.

– А разве славяне владеют всем миром?

– Конечно. Ну, не славяне, но их потомки. Они и забыли уже, что они славяне. Все эти франки, галлы, и прочие. А Содружество Неустрашимых – это люди крайнего севера. Раньше они все жили в Англии, но потом разрослись.

– А кто в нем состоит? В Содруестве?

– Старые семьи варангов, кто же еще. Самые родовитые и знатные. Италию они уже присвоили, и всю Скандинавию, только астеры еще держатся, да Ростов, старый центр земель славянских. А в Киеве им власть пришлось разделить с Владимиром. Не по зубам им оказался Владимир.

– А он не принадлежит к ним?

Дир презрительно посмотрел на Хелье.

– Ничего-то вы, шведы, не понимаете, из того, что у нас тут происходит. Владимир – не варанг какой-нибудь. Владимир любит славян. Он сам славянин.

– Отец его был варанг.

– Отчасти. Но мать у него – из обыкновенных ковшей.

– Я слышал, из иудеев.

– Кто это тебе сказал! – возмутился Дир. – Ковши, как есть ковши. Не подарок, конечно, но – славяне. А Владимир – великий он. С ним не шутят. Давай вместе пойдем ему служить?

– Это как получится, – ответил Хелье. – Может и пойдем.

Баня стояла отдельно от других строений поселка. Тропинка шла от реки вверх по диагонали. От хувудвага баня была скрыта густыми хвойными зарослями, возможно неспроста, хотя дымок над трубой наверняка был виден на многие аржи вокруг.

Банщик успел к приходу честной компании натопить печь. Хелье посмотрел сперва на Годрика, а затем на Диру. Отдельно на Светланку. И отдельно на Анхвису. И вдруг засмеялся.

– А? – спросил Дир, готовый тоже засмеяться.

Хелье хлопнул его по массивному плечу.

Банщика уведомил заранее предупредительный Годрик. И даже успел, судя по суетности движений банщика, ему заплатить и пообещать еще. Дир, возможно, считал, что банщик натопил баню по собственному почину, в надежде, что скоро местность посетит Дир собственной персоной. А женщины, каждая по своим причинам, даже не задались вопросом, почему печь уже натоплена. Натоплена – вот и хорошо, вот и ладно.

Баньщик предупредил, что где-то в округе расхаживает леший, и что его, если он появится, следует чурить, и показал, как именно. Нужно было изящно взмахивать по направлению к лешему запястьем правой руки и говорить «Чур, чур!» И тогда он уйдет.

Годрик вышел на воздух, а молодые люди тут же разделись до гола. Женщины помогали друг дружке. Дир не обращал на них никакого внимания. Огромный и голый, он плеснул воды в печь и, эхая с хвоеволием, взгромоздился на полок, небрежно поправив хвой и намеренно глубоко дыша. Немного подумав, Хелье присоединился к нему. Девушки заняли противоположный полок. Тощая Светланка легла на тощий живот вдоль полка, а массивная Анхвиса стала охаживать товарку веником – дрянным, как заметил Дир. Баня в поселке была одна, и баньщику незачем было особенно стараться, запасаясь утварью и следя за ее, утвари, состоянием. Возможно, местные приходили со своими личными вениками.

– Что ты так терёшь! – возмутилась Светланка, не поднимая головы, пристроив лоб на скрещенные руки. – Тери вдоль. Вдоль тери.

Анхвиса стала тереть вдоль.

– Вот, совсем другое дело, – одобрила Светланка. – У поясницы похлеще. Вот, хорошо. По пяткам теперь, по пяткам тери. Вот, молодец.

– Ну что, хлестнуть тебя? – спросил Дир.

– Нет, – ответил Хелье. – Нужно будет – сам себя хлестну.

– А меня?

– А для тебя есть баньщик, ежели очень хочется. А то можно Годрика позвать.

– Шутишь?

– Почему же?

– Вот ведь шведы какие странные, – удивился Дир. – Неужто я позволю холопу себя веником бить!

– А баньщик?

– А что баньщик? Баньщик ремесленник. Что, в Швеции позволяют холопам ... много?

– По-разному, – ответил Хелье, подумав. – Но, вроде бы, предрассудков меньше.

– Предрассудки бывают у христиан, – наставительно объяснил Дир, глядя на нательный крестик Хелье. – У людей же благородных бывают устои. Если холопов не воспитывать и в строгости не держать, они свое место забудут, и в мире настанет путаница.

– И все пойдет прахом, – добавил Хелье.

– Именно. Неизвестно будет, кому воевать, кому сеять, кому править. Свое место всем надо знать, на этом все и держится.

– В общем, именно это и есть главный план Содружества Неустрасимых, как я понимаю, – заметил Хелье.

– Нет, – возразил Дир. – Содружество действительно заботится об иерархии. Вот только в ихней иерархии, заметь, самыми главными являются шесть варангских семей.

– А женщины?

– Что – женщины?

– Где они в справедливой иерархии?

– При чем тут женщины? – удивился Дир. – У женщин своя иерархия. Они сами по себе. Хелье решил не оспаривать эту точку зрения.

– А все-таки скажи мне, – попросил Дир. – Как ты в Новгород попал? Я понимаю – Киев. Но какие дела у человека могут быть в Новгороде.

– Тебя я верю, – ответил Хелье. – Знаю, что не выдашь. И поэтому скажу. Сказать?

– Скажи.

– По поручению.

– Не понял.

– У меня было поручение к Ярославу.

– Ну да! От кого?

– Не имею права говорить. А теперь у меня новое поручение.

– К кому?

– К Владимиру.

Дир посмотрел на него с таким неподдельным уважением, что еще три дня назад Хелье стало бы стыдно.

– Вообще же, – добавил он, мрачно, почти физически ощущая пустоту в душе, – морока вышла с этими поручениями, и деньги пропали по пути, но тут уж ничего не поделаешь. Я не ради денег взял на себя поручения.

– Это-то как раз понятно, – заметил Дир с еще большим уважением и понимающе закивал.

Если понятно, то объяснил бы мне, чего уж там, подумал Хелье.

– А ты бы... не замолвил бы за меня словечко? – спросил Дир, понижая голос. – Как увидишь Владимира? Чтоб меня в дружину взяли без... э... проволочек всяких и интриг?

– Попробую, – равнодушно ответил Хелье. – Обещать ничего не могу.

– Да, конечно, – поспешно уверил его Дир. – Ну, брат Хелье, изумил ты меня. Восхищен я тобою. Мало того, что ты мне жизнь спас... а насчет денег – бери у меня, сколько хочешь! У меня много. В случае чего, pošлю Годрика в Ростов, к отцу, он еще привезет.

Теперь уже Светлана лупила Анхвису веником, явно получая от процесса хвоеволие, а Анхвиса подвывала, «Ой-йой-йой!» но видно было, что и ей приятно.

– Эка бабы оттягиваются, – заметил Дир одобрительно. – Бабам, заметь, много ли надо. Правильно, пусть, устали небось.

Хелье заметил, что, несмотря на худобу, Светлана прекрасно по-женски сложена. Грудь маленькая, но выпуклая. Прекрасная тонкая талия. Пышные ягодицы. Красивые бедра. Изящные щиколотки. Анхвиса в раздетом виде оказалась такой же нескладной, как в одетом. Помимо жира и общей массивности, в ней было слишком много прямых линий. Отсутствовали икры и талия, отсутствовал подъем, плечи широкие, грудь отвислая, шея короткая. Возможно, все это компенсировалось в ней добротой, либо расторопностью, не зря же Дир ее выбрал, предпочтя большому количеству куда более красивых женщин, наличествующих в славянских землях.

В предбаннике в двух бочонках содержалось отвратительное пиво. На гвозде висели простыни, в которые следовало заворачиваться.

Действие второе. Рондо

Глава девятая. Сватовство

У польского князя было жизнерадостное лицо человека, который умеет во всем находить самое главное, а на остальное не обращать внимания. Высок и крепко сбит был сорока-восьмилетний Болеслав, и для деятельного правителя и полководца непростительно красив. Живые серые его глаза сверкали, белоснежные ровные зубы обнажались в обаятельной улыбке, длинные русые волосы эффектной волной падали на плечи, и даже непомерные польские усы под точеным носом нисколько его не портили. Женщины таяли при его появлении, а мужчины, обыкновенно настораживающиеся в присутствии опасного конкурента, прощали Болеславу решительно все. У него была репутация бабника, но мужья совершенно не огорчались, когда он заговаривал с их женами, разве что грозили женам после этих разговоров, мол, ты смотри мне тут.

В одежде франкского вельможи, дабы не возбуждать лишней раз политические страсти, в сопровождении всего лишь двух своих приближенных, Болеслав прибыл ранней весной в Вышгород, нанес несколько визитов, а затем по укрепленному по римскому способу хувудвагу полетел в Киев. Молодое его сердце отчаянно билось в широкой груди, дыхание захватывало. В небывалом волнении направил он коня по знакомой петляющей улице вверх, на Горку, где возвышался величественной громадой Десятинный Храм. Проехав через Храмовую Площадь с несимметричной группой каменных византийского вида построек и деревянной, но роскошной, школой, где греческие наставники, плохо ориентирующиеся в окружающем мире, учили отвлеченным премудростям бестолковых отпрысков боярских родов, Болеслав со спутниками приблизился к воротам детинца, соскочил с коня, и бросил поводья одному из сопровождающих. Двое стражников у ворот, очень молодые люди с высокой степенью служебного рвения в глазах, подозрительно уставились на Болеслава.

– Поручение? – спросил один из них.

– Ну а как же, – весело отозвался Болеслав. – Поручаю тебе доложить Владимиру, что лично Шарлемань прибыл только что к нему из Вердана, вот с такими усами.

Стражник проигнорировал просьбу и ровным тоном спросил:

– Грамота есть за подписью?

– Не валяй дурака, парень, – сказал Болеслав. – Я Шарлемань. Уж сказано тебе.

– Ничего не могу сделать, – стражник покачал головой. – Без грамоты нельзя.

– Чего нельзя?

– Ничего нельзя.

– Совсем ничего?

– Совсем.

– А если за деньги?

Стражники нахмурились.

– Это как же? – спросил говоривший ранее.

Болеслав вынул из кармана две золотые монеты с собственным профилем, подкинул их на руке, и нечаянно уронил, после чего он посмотрел задумчиво на небо. Стражники переглянулись и коротко вздохнули. Один побежал в сторону палат, другой посторонился, пропуская Болеслава.

Болеслав быстрым шагом пересек детинец, взбежал на крыльцо и вошел в княжеские палаты, планировку которых он прекрасно помнил. Безошибочно определяя путь, он просле-

довал по обходному коридору, поднялся на один уровень, и там встретился с давешним стражником.

– Доложил? – спросил Болеслав.

– Да. Князь смеяться изволил. Почему?

– Это он от избытка чувств, – объяснил Болеслав. – Вот тебе еще две сапы.

В светлой малой горнице Владимир пил бодрящий свир с очень знакомым Болеславу долговязым средних лет повесой в богатой одежде. Болеслав без особых усилий вспомнил, кто это такой. А возле скаммея повесы возвышался аршина на полтора от пола малый лет десяти. Болеслав остановился у притолоки, не входя в помещение.

– Как, говоришь, зовут тебя? – спросил мальчишку Владимир.

– Илларион, – ответил малый.

Владимир покачал головой с таким видом, будто многое ему стало наконец понятно.

– Так объясни мне еще раз, Илларион... Зачем, бишь, ты упрощил Алешку... в смысле, Александра... вот этого верзилу, да... чтоб он тебя с собой взял, как пойдет ко мне в палаты?

– Хотел посмотреть, – ответил Илларион серьезно.

– На что?

– На палаты. И на тебя.

Владимир сделал усилие, чтобы не засмеяться. Александр смотрел в потолок и кусал губу. Ноздри его раздулись и напряглись.

– И что же? Нравится? – спросил Владимир.

– Нравится, – неуверенно ответил Илларион. – А ты правда князь?

– Да. А что?

– Ты совсем не страшный.

– Князь и не должен быть страшным, – наставительно пояснил Владимир. – Князю следует быть грозным и озабоченным. И говорить князь должен строго и степенно.

– И подпрыгивать при этом, – добавил Александр.

Тут, наконец, они захохотали оба. Илларион недоверчиво улыбнулся.

– Можно ли мне присоединиться к честной компании? – спросил Болеслав, отделяясь от притолоки.

– Смотри-ка, кого к нам принесло! – удивился Владимир. – Вот, Илларион, еще один князь, и даже император. Шарлемань. С арабами бился.

Илларион оглядел императора, бывшего с арабами, уважительно.

– Заодно он еще повелитель Польши, правда не целиком, а частично, – уточнил Владимир, разглядывая болеславов наряд. – Это такая земля, ее совсем недавно обнаружили наши купцы. Такая не очень цивилизованная, мелкокультурная страна.

– Да, – подтвердил Болеслав. – Общаемся с вараварми, вот, вроде киевлян. Тебя, малый, Илларион зовут?

– Да.

– А правда, Илларион, я больше похож на князя, чем вот этот совсем маленький мужчина?

Илларион еще раз оглядел Болеслава, оценивающе.

– Нет, – ответил он.

– Почему же?

– Ты несерьезный какой-то.

Теперь все трое взрослых засмеялись.

– Алешка, здравствуй, – Болеслав обнял сперва князя, затем Александра. Оглянувшись, схватил он скаммель, придвинул, и сел. Сели и Александр с князем.

– Вальдемар, есть взрослый разговор. Александр, не возражаешь?

– Пойдем, – позвал Александр Иллариона. – Я тебе теперь некоторых княжон покажу. Тоже интересно.

– Это что же! – возмутился Владимир. – Это тебе что, зверинец? А мы звери дикие экзотические? Что за показ?

– Не пугай ребенка, – строго сказал Александр, вставая. – Пойдем, Илларион. Дяденька ругается, у него скверный характер.

Владимир и Болеслав засмеялись.

– Нет, он ничего, хороший, – прокомментировал Илларион. – Я ему расскажу потом, как играют в жирика. Это очень интересная игра.

Когда они остались одни, Болеслав закинул ногу на ногу, наклонил голову влево, и улыбнулся.

– Рад тебя видеть, Вальдемар.

– И я тебя, Болеслаус, – отозвался Владимир не менее благодушно. Болеслава он знал давно, и какое-то время они были близкими друзьями.

– Благодарю тебя за услугу, – добавил Болеслав.

– Какую услугу?

– К тебе немец послов посылал.

Владимир пожал плечами.

– А он их ко всем посылает. Если б уверен не был, что персы ему откажут – к персам бы послал. В одиночку он с тобой воевать больше не хочет. После победы выпить не с кем.

– Не думаю, что ты ему отказал именно поэтому.

– Надеюсь, цель твоего нынешнего приезда – не предложение союза против Второй Римской Империи? Потому как – откажу ведь!

Болеслав отпил из кружки, поморщился, и поставил кружку на стол.

– Ну уж сразу об Империи речь. Вдруг вовсе не об Империи? Вдруг о Содружестве Неустрашимых?

Владимир закатил глаза.

– Только не о нем. Я о Содружестве все знаю. У нас тут помимо Содружества вообще ни о чем не говорят. Как известно, находится оно главным образом здесь, в Киеве, и постоянно враждует со мной и приходит пить квас по утрам, в полном составе. Надоело.

Болеслав хмыкнул.

– Дочь свою навестил? – спросил Владимир.

– Да. Должен признать, что она действительно ни в чем не нуждается, живет привольно в поместье, которое ты ей предоставил, и даже отчасти рада – город она не любит, любит открытые пространства. Но скучает.

– Пошлю ей скоморохов.

– Лучше бы ты послал ей ее мужа.

– Всеу свое время. Пусть посидит еще месяц-другой в темнице, ума наберется.

– Так ли уж он виновен?

– Не знаю. Не знаю я, Болеслав, чего мне от Святополка ждать. Парень неплохой, умный, но не любит он меня. И всех на свою сторону склоняет. И распускает отвратительные слухи. И заговоры мне надоели, Болеслав. Сами по себе они смешные, эти заговоры. Но Святополк во всех этих смешных заговорах почему-то оказывается замешан.

– Обидчив он.

– Это есть. Но ему многие сочувствуют, и тоже, подражая ему, становятся обидчивыми.

– Тебе лучше знать. Дочь мою не обижаешь, и то ладно.

– Ты все-таки скажи, что за дело у тебя ко мне.

Болеслав некоторое время молчал. Видно было, что он волнуется.

– Дело, в общем, не очень серьезное, – сказал он. – Жениться я решил.

- Хорошее дело.
- На твоей дочери.
- И это хорошо.

Болеслав заволновался еще больше. Это было так непохоже на него, что Владимир чуть не рассмеялся.

Дочерей у Владимира было много, всех не упомнишь. Он любил, когда знатные вельможи, и местные, и соседние, проявляли к какой-нибудь из них марьяжный интерес. Понятие легитимности, хоть и существовало уже на Руси и в окрестностях, не воспринималось пока что слишком серьезно. Дочери Владимира жили где попало – но требовали содержания. Самые инициативные из них толклись вокруг Марии в ее вышгородской резиденции. Именно Марию Владимиру очень хотелось кому-нибудь сплавить. Интриговать Мария научилась еще в детстве, практикуясь на няньках и подружках, инстинктивно применяя принцип, сформулированный Цезарем, настраивая всех против всех и ловко манипулируя разобщенными. Сама по себе нынешняя Мария никакой опасности не представляла, но ее могли использовать в своих целях заговорщики. Какие именно? Любые. Их много развелось по миру. Посему очень удачно получилось, что именно Болеслав завел с Марией шашни – уж он-то ее усмирит. И увезет к себе в Гнезно. Пусть она там манипулирует, кем желает.

- Зовут ее Предслава.

Сперва Владимир даже не понял, что ему сказали. Затем лицо его осунулось, стало мраморным, а тело застыло неподвижно.

- Как ее зовут, говоришь? – переспросил он тихим, сухим голосом.

- А что? – забеспокоился Болеслав.

– Ты что же это, хорла, издеваешься? – осведомился Владимир таким же тихим голосом. – Ты с кем говоришь! – загремел он. – Ты с отцом говоришь!

Поняв, что беда пришла, Болеслав побледнел, напрягся, и не попытался возразить. Что-то он затронул во Владимире, какую-то струну. По каким-то причинам именно Предслава была Владимиру дорога. Очень дорога. Настолько дорога, что он, Владимир, готов был загубить ее молодость и жизнь. Болеслав к такому обороту дел совершенно не был готов. Не спит ли он с дочерью, мелькнуло у него в голове. Нет, не может быть. Не такой человек Владимир, и не такова Предслава. Любит ее? Не хочет отпустить?

– Посмотри на себя, боров! – рыкнул Владимир. – Посмотри! Тебе в бане надо два раза на дню бывать, чтоб от тебя козлом не несло! И ты посмел... невинную, непорочную... С кем говоришь!

- Что ты так орешь, – осведомился Болеслав неуверенно. – Не надо так орать.

Вон из моего дома, вон из Киева, вон из страны – фразы мелькали в голове, но многолетняя привычка учитывать государственный фактор удержала Владимира от непоправимого. Княжество Польское, в данный момент более или менее в одиночку противостоявшее Второй Римской Империи, иметь в качестве врага было бы безумием. Киевские бразды правления, едва удерживающие огромные территории восточных и северных славян, могли порваться при первом же серьезном польском ударе по Киеву.

– Никогда больше не говори об этом, – сказал Владимир. – Этого разговора между нами не было. Я уважаю в тебе старого друга и доброго воина.

Сказать или не сказать, думал Болеслав. Нет, лучше не говорить. Когда же это Владимир считался с пожеланиями своих детей, тем более женского полу. Но что же делать, поселяне? Что же делать?

Глава десятая. Прибытие в Киев

Проснулся Хелье на рассвете, частично от холода, частично от смутной тоски, переходящей по мере приближения к цели в нешуточное волнение. На правом берегу, на фоне светлеющего неба, на вершине пологого склона, возвышалась таинственно и величественно Десятинная Церковь. Сам город – огромный, многодомовый, начался внезапно, стремительно проступая и разрастаясь. Он подавлял своими размерами, настораживал утренней мистической тишиной, манил и пугал. Частокол жилых домов частично скрывала ранняя весенняя зелень, а над зеленью высились купола храмов. На реке еще не было солнца, но Десятинная, ловя первые лучи, светилась розовым светом.

Бодрствовавший всю ночь Годрик бросил руль и взялся за весла, направляя ладью к берегу. Дир проснулся, посмотрел вокруг, кивнул, заютился, закрыл глаза, свернулся в клубок, и сказал сонно —

– Правь к Подолу, Годрик.

– Где бы нам остановиться? – спросил Хелье риторически.

– У межей, – ответил Годрик.

– Знакомые какие?

– Да.

– Им можно доверять?

– Нет. Кто ж межам доверяет.

– Годрик, заткнись, – сказал Дир, не открывая глаз.

– Не понимаю, – пожаловался Хелье.

– Что тут понимать, – возразил Дир недовольно и замычал. – Это кто как. И где. Ковшам, к примеру, еще опаснее доверять, чем межам. А знакомых ростовчан у меня в Киеве нет.

Межи оказались самыми обыкновенными иудеями. Вообще, эта манера восточных славян давать народностям клички поражала своей повсеместностью. В Скандинавии тоже давали клички – к примеру, шведы называли датчан крыжами, но далеко не все тридцать с лишним скандинавских этносов имели в дополнение к традиционному наименованию презрительную привязку.

– А у греков тоже есть кличка? – спросил Хелье.

– Шапары, – ответил Дир.

Дом знакомого Диру межа размерами напоминал дворец Олофа, а качество мебелировки было значительно выше. Впрочем, как Хелье убедился в последствии, таких домов в Каенугарде было немало. И вообще – маленькая северная Сигтуна не шла ни в какое сравнение с пестрым, шумным, размашистым центром ковшей. Это он и раньше знал.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.